

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ

Н. К. ЛЕБЕДЕВ

ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕМЛИ

ТОМ II

...ДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО—1925

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ

Под общей редакцией проф. А. А. Крубера

— I —

Н. К. ЛЕБЕДЕВ

ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕМЛИ

Популярная история географических открытий и путешествий

ТОМ II

НОВОЕ ВРЕМЯ
(XVI, XVII и XVIII вв.)

С илл в тексте

Научно-Педагогической секцией Государственного Ученого Совета допущено как пособие для преподавателей

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

1925

Гиз. № 5905. Главлит. № 23826. Москва. Напеч. 4.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография, Москва, Пятницкая, 71.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Географические открытия и путешествия XVI столетия.

I.

Научные результаты и экономические последствия географических открытий XV века.—Стремление европейских народов к завоеванию новых стран.—Поиски северо-западного прохода из Европы к берегам Восточной Азии.—Джон Кабот.— Братья Кортереали.—Себастьян Кабот.

Прежде чем приступить к изложению географических открытий XVI столетия, мы должны сказать хотя несколько слов о научных результатах и экономических последствиях географических открытий предыдущего XV века, чтобы лучше понять развитие дальнейшего процесса «завоевания Земли».

Мы уже указывали в первом томе настоящего сочинения, что открытие Нового Света, морского пути в Индию и первое кругосветное путешествие чрезвычайно расширили географический горизонт человечества. Все эти открытия произвели революцию в мировоззрении того времени. Мы видели, что церковь и ученые схоластики Средних веков, основываясь на Библии и пре-

даниях «отцов церкви», учили, что наша Земля представляет как бы плоский остров, окруженный со всех сторон океаном. Но после открытий Колумба и после первого кругосветного плавания Магеллана и С. Эль-Кано ни один защитник старых воззрений не мог уже отрицать факта шарообразности земли.

Признание этого факта естественно порождало другую идею,—идею о том, что раз Земля представляет собою огромный шар, не опирающийся ни на какие столбы и подпоры, то возможно, что именно Земля вращается в небесном пространстве вокруг Солнца, а не Солнце ходит вокруг Земли, как это утверждали средневековые ученые и представители церкви.

Действительно, эта идея зародилась в начале XVI в. в умах наиболее передовых ученых того времени и нашла свое выражение в знаменитом труде польского астронома Николая Коперника—De revolutionibus orbium coelestium. Книга Коперника была издана двадцать один год спустя после первого кругосветного путешествия. Коперник, критикуя систему Птоломея, доказывал, что наша Земля есть такая же планета, как и другие, что она представляет собою сравнительно небольшой шар, вращающийся вместе с остальными планетами вокруг Солнца в безграничном пространстве вселенной. Следовательно, не Солнце, каждый день «восходя» и «заходя», обращается вокруг Земли, а самая Земля, описывая в течение года круг около Солнца, в то же время в период двадцати четырех часов вращается вокруг самой себя и тем самым создает видимость восхода и захода солнца. Благодаря теории Коперника человеческий ум впервые почувствовал бесконечность, и с этого момента было положено начало новому мировоззрению.

Конечно, старое мировоззрение не примирилось сразу с новыми идеями. Церковь пробовала бороться и не только словом, но и делом. Так, в 1600 г. в Риме за приверженность к новым взглядам был сожжен на костре философ Джиордано Бруно. В 1616 г. по поводу новых теорий совет католических ученых вынес следующее постановление: «утверждать, что Солнце стоит неподвижно в средине мира, нелепо, ложно в философском смысле и представляет собою ересь с богословской точки зрения, так как находится в явном противоречии со священным писанием. Утверждать, что Земля не находится в средине мира, что она не неподвижна, а даже совершает ежедневное вращение, нелепо, ложно в философском смысле и, по меньшей мере, указывает на ошибочную веру». Вследствие этого книга Коперника была внесена в список запрещенных книг, и последователи нового учения, как, например, Галилей, заключались в тюрьмы и подвергались гонениям.

Однако совет римских католических ученых в 1616 г. не мог уже опровергать самый факт шарообразности земли, ссылаясь на «священное писание», как это делали католические ученые до открытия Колумба и до первого кругосветного путешествия.

Великие географические открытия XV века сделали первую брешь в средневековом мировоззрении и нанесли первый удар древним верованиям.

Не менее важны были и экономические последствия великих географических открытий. В области экономической жизни открытия Колумба, Васко-де-Гамы, Америго Веспуччи и их продолжателей вызвали также огромный переворот. Этот переворот заключался в следующем: до открытия Нового Света в Европе первенствующую роль в социальной жизни играл класс дворян-феодалов, баронов и помещиков, в руках которых находилась вся земля, к которой были прикреплены крестьяне-земледельцы. Главное богатство до XV столетия составляла земля, т.-е. недвижимая собственность.

Но, уже начиная с XII столетия, в Западной Европе стал нарождаться новый класс городского населения, занимавшийся промышленностью и торговлей. В эпоху XII—XIII столетий в Западной Европе начали развиваться большие города, возникавшие как острова среди феодально-земледельческого мира. Экономической силой нового городского торгово-промышленного класса стали деньги, т.-е. движимый капитал, который олицетворялся в то время в драгоценных металлах— золоте и серебре.

Благодаря этому, вместе с ростом и развитием торгово-промышленного класса, получившего название буржуазии [1]), в Западной Европе стал замечаться усиленный спрос на золото и серебро. Уже в XIII и особенно в XIV столетиях золото и серебро сильно поднялись в цене, и в этих металлах ощущался большой недостаток. Отчасти для удовлетворения все возрастающего спроса на золото в Средние века в Западной Европе возникла даже своего рода целая наука— алхимия, поставившая себе целью найти средство превращать неблагородные металлы, как, например, свинец или медь, в золото и серебро. Тысячи ученых алхимиков проводили долгие годы над изобретением разных магических элексиров и были заняты составлением так называемого «философского камня», при помощи которого можно было бы облагораживать металлы.

Поиски золота и серебра были также одной из причин и великих географических открытий. Если сам Колумб, быть мо-

---

[1]) Слово буржуазия произошло от слова буржуа, что значит «городской житель» (bourg—город).

жет, и не ставил на первое место материальные выгоды, то большинство его продолжателей и путешественников XV столетия предпринимали опасные плавания в неведомые края именно ради наживы и добычи золота.

После того, как Колумб возвратился из Америки в Испанию и привез с собою значительное количество золота, погоня за золотом, «золотая лихорадка», охватила не только испанцев и португальцев, но и другие западно-европейские народы. Золото, как манящий призрак, играло выдающуюся роль не только в стремлениях Испании к географическим открытиям, но и в тех же стремлениях других народов.

Огромное количество золота, ввезенное в XV столетии из Америки и других заокеанских стран в Европу, было причиной быстрого и необычайного расцвета торгово-промышленной жизни во всей Западной Европе. Открытие Америки историки справедливо считают началом «экономического возрождения» Европы. Действительно, с XVI столетия начинается эра современного капитализма; в эту эпоху были заложены основы современного буржуазно-капиталистического общества и было положено начало той колониальной политики, которая в конце XIX столетия и в наши дни вылилась в систему мирового империализма.

Мы не будем останавливаться здесь на этой стороне географических открытий, так как это завело бы нас слишком далеко от нашей непосредственной задачи. Ко всему сказанному мы лишь прибавим, что приток золота и серебра в Европу произвел в XVI столетии в Западной Европе так называемую «революцию цен». Благодаря притоку золота из Америки в Европе перестал ощущаться прежний недостаток в деньгах; почти все государства Западной Европы в изобилии чеканили у себя монету из награбленного испанскими конквистадорами в Новом Свете золота. Деньги подешевели, но товары, особенно продукты первой необходимости, страшно подорожали. Во многих случаях хлеб и материи повысились в десять раз в своей цене, а некоторые продукты еще больше.

Но, несмотря на вздорожание жизненных припасов, заработная плата городских рабочих и ремесленников не увеличилась. Цены на труд оставались прежними и были так низки, что рабочие не могли прокормить себя и своих семей и вынуждены были жить по-нищенски. Этот процесс обнищания или пролетаризации народных масс уже в половине XVI столетия породил острое недовольство, протесты и массовые волнения, которые вылились в целый ряд революций.

В области политико-экономической открытие Нового Света и других заокеанских стран было причиной зарождения так

называемой «меркантильной системы». Сущность этой системы сводится к следующему: под влиянием того факта, что золото и серебро, привозимое из других стран, обогащает страну и способствует расцвету торговли и промышленности, политики и экономисты стали учить, что «богатство и благосостояние народов создаются деньгами, добываемыми путем торговли с другими странами». Согласно идеям меркантилистов, нужно, чтобы каждое государство продавало другим народам возможно больше своих продуктов и возможно менее у них покупало, так чтобы вывоз превышал ввоз, благодаря чему в государстве будет избыток денег, т.-е. золота и серебра, т.-е. государство будет богатеть. Идеи эти почти целых три столетия разделялись всеми государственными людьми Испании, Франции и Англии, вследствие чего между названными странами возникла конкуренция и борьба за колонии и рынки. Борьба за обладание колониями почти всегда носила ярко выраженный характер борьбы за монопольное положение в торговле с ними. Такое воззрение на колонии и на внеевропейские страны существует еще и в настоящее время у представителей наиболее промышленных стран, и поэтому каждая из этих стран стремится превратить всякую завоеванную страну в объект капиталистической эксплоатации. Экономическая политика современных государств, заключающаяся в том, чтобы утвердить могущество капитализма на фундаменте колониальных завоеваний, таким образом, не нова, ее основы были заложены еще «конквистадорами» XVI столетия. Колонии, их эксплоатация и ограбление европейцами являются одной из главнейших причин развития современного капитализма. «На расширение колониального хозяйства, — говорит Вернер Зомбарт, — следует смотреть именно как на питомник капиталистического духа» [1]).

Познакомив читателей с результатами и последствиями всех предшествующих великих географических открытий, мы перейдем теперь к описанию наиболее выдающихся путешествий XVI, XVII и XVIII столетий. Главной причиной предпринимаемых в эту эпоху больших морских и сухопутных путешествий было стремление установить торговые сношения с новыми странами и основание колоний, которые служили бы рынками сбыта; очень многими путешественниками руководила просто жажда непосредственной наживы.

Таким образом преобладающим типом путешественника описываемой нами эпохи является коммерсант-искатель и авантюрист; иногда к ним присоединяется миссионер.

---

[1]) В. Зомбарт. Современный капитализм, том I. 398 стр. Изд. 1904 г.

Однако в XVII и XVIII веках появляется на сцену новый тип путешественника, руководимого не узко корыстными интересами, но любовью к науке. Постепенно этот тип путешественника становится преобладающим и, благодаря трудам и энергии такого рода путешественников и исследователей, людям и удалось приобрести в наши дни действительно научное познание о поверхности земного шара.

Великие географические открытия Колумба, Васко-де-Гамы, Америго Веспуччи и других испанских и португальских путешественников конца XV столетия поставили перед морепла-

Карта XVI века, на которой обозначен предполагаемый пролив из Атлантического океана к берегам Азии, мимо Северной Америки.

вателями XVI века несколько новых географических задач. Прежде всего, перед мореплавателями XVI столетия встал вопрос о северном проходе из Европы к берегам Восточной Азии. После плавания Магеллана никто не оспаривал мысли, высказанной Колумбом, что восточного побережья Азии и Индии можно достигнуть, плывя из Европы на запад. Экспедиция Магеллана доказала, что на юге Американского материка существует пролив или проход, через который можно достигнуть Тихого океана и берегов Азии. Но для этого нужно было спускаться сначала далеко к югу, пересекая экватор, а затем, выйдя в Тихий океан, снова подниматься в северное полушарие. Вследствие этого у мореплавателей естественно возникла

мысль найти морской проход из Атлантического океана в Тихий и к берегам Восточной Азии не на юге, а н а с е в е р е. Мореплаватели рассуждали, что если морской пролив существует между океанами на юге, то такой же пролив должен существовать и на севере. Первый путешественник, которому пришла в голову такая идея, был итальянский купец, живший в Англии, Джиовани Кабото, или, по-английски, Джон Кабот.

Когда в Англию дошло известие, что генуэзец Христофор Колумб, плывя на запад по Антлантическому океану, достиг берегов неизвестных земель, которые сам Колумб считал за начало Восточной Азии, Кабот сильно заинтересовался этим, и в его голове возникла идея северо-западного пути в Восточную Азию. Предполагая, что северным путем можно скорее достигнуть Восточной Азии, Кабот обратился к английскому королю с просьбой оказать ему содействие в осуществлении своих планов.

Король Генрих VII сначала мало обратил внимания на смелые планы Кабота и даже отклонил его предложение, но успех испанцев побудил его последовать их примеру, и он разрешил Каботу снарядить для экспедиции корабли и дал вместе с тем Каботу и его трем сыновьям исключительное право торговли во всех странах, которые они откроют.

В начале мая 1497 года из Бристоля под начальством Кабота вышла эскадра, состоявшая из пяти кораблей. В это плавание Кабот взял с собою своего двадцатичетырехлетнего сына Себастьяна, который сделался впоследствии знаменитым мореплавателем. Проплыв около семисот морских миль по Атлантическому океану на запад, 24 июня мореплаватели увидели перед собою берег, который Кабот назвал Терра де-Прима Виста, а лежавшему перед нею маленькому острову дал наименование острова Святого Иоанна. Жителей мореплаватели не встретили на открытой ими земле, но найденные на берегу срубленные деревья, западни и рыболовные снасти доказывали, что страна обитаема. Кабот торжественно вступил во владение страною, покрытой большими лесами. Затем Кабот направился вдоль берега к югу и проехал еще около трехсот морских миль. После трехмесячного плавания флотилия Кабота благополучно вернулась в Англию.

Это путешествие замечательно в том отношении, что Кабот достиг американского материка на четырнадцать месяцев р а н ь ш е Христофора Колумба. Подобно Колумбу Кабот был уверен, что он достиг восточного берега Азии; однако при втором своем путешествии за океан Кабот сознал свою ошибку и стал считать открытые им земли лишь станцией на пути в Азию. Это первое плавание Кабота под английским флагом как бы

наметило Англии путь к дальнейшим плаваниям в этом направлении. Английскому флагу суждено было отныне развеваться на севере Америки, как испанскому и португальскому—на юге. Таким образом первым основанием господства Британии по ту сторону океана послужили плавания Кабота.

Открытие Кабота произвело сильное впечатление на англичан; лондонские купцы стали предлагать Каботу деньги и суда, чтобы снарядить новую экспедицию за океан, а король Генрих VII наградил его «шелковой одеждой и выдал ему десять фунтов стерлингов». Было решено основать в новой стране колонии, при чем Генрих VII при виде представленной ему Каботом карты сделал совершенно верное замечание, что большие реки не могут образоваться на острове и что, по всей вероятности, открытые земли представляют часть большого материка.

3 февраля 1498 года король Генрих VII подписал в Вестминстере новую жалованную грамоту. Этой грамотой король приказывал снарядить под начальством Кабота новую экспедицию. Но Джон Кабот неожиданно умер в феврале 1498 г., и поэтому начальство над экспедицией было передано его сыну, Себастьяну Каботу. Себастьян Кабот, признавая, что открытые его отцом земли составляют отдельный от Азии материк, решил достигнуть берегов Восточной Азии, обогнув с севера этот материк. Отыскание северо-западного пути из Европы в Азию и составляло главную цель плавания Себастьяна Кабота.

Кабот отправился в путешествие весной 1498 г. на четырех судах в сопровождении трехсот человек. Он благополучно достиг Ньюфаундлендских мелей и, обогнув Ньюфандленд, направился далее на север. Несмотря на то, что в это время был июль месяц, температура воздуха стояла довольно низкая, и Кабот встречал на своем пути многочисленные пловучие льдины. Вследствие этого Кабот вынужден был повернуть на юг и, проплыв вдоль американского берега до 38° сев. широты, решил вернуться в Англию, куда и прибыл в сентябре месяце.

Король и купцы, участвовавшие в снаряжении экспедиции Кабота, остались недовольны достигнутыми результатами: путь к берегам Восточной Азии не был найден, основать колонии не удалось, и в результате получились одни убытки. Кабот был холодно принят королем, и просьба его о снаряжении новой экспедиции была отклонена. Такое отношение оскорбило Кабота, и он в 1512 г. уехал из Англии в Испанию, но в 1516 г., однако, снова вернулся в Англию.

Здесь ему удалось на этот раз снарядить экспедицию, и весною 1517 года он отправился в Америку. Достигнув Америки, Кабот направился к северу вдоль берегов Лабрадора; на пути им часто встречались большие плавающие ледяные горы, но

Кабот неустрашимо подвигался вперед; ему удалось проникнуть до 64° сев. широты. Он исследовал берега Гудзонова залива и предполагал, что этот залив и есть искомый им пролив, ведущий в западное море и к берегам Азии. Он хотел было продолжить еще далее свое плавание, но большинство его спутников,

Портрет Себастьяна Кабота. (Снимок со старинной гравюры.)

утомленные трудным путешествием, настойчиво требовали возвращения назад.

При своем возвращении в Англию, Кабот вскоре уехал в Испанию, где и был назначен государственным штурманом, и на его обязанности лежало экзаменовать всех капитанов и кормчих, отправлявшихся в Америку, на что никому не давалось разрешения без этого экзамена.

Однако Кабот не мог удовлетвориться спокойной должностью государственного штурмана и ученого, его тянуло в океан. Особенно сильно почувствовал Кабот стремление к новым путешествиям после того, как Магеллан нашел пролив в Южное море и достиг Индии с западной стороны. Кабот решил отправиться по его следам с целью открыть новые острова в Молуккском архипелаге. Основавшаяся в Севилье торговая компания поручила ему начальство над своими судами.

5 апреля 1526 года Кабот отплыл из Сан-Лукара; среди его экипажа находилось множество искателей приключений, в том числе три брата Бальбоа и бывшие спутники Магеллана, опытные мореходы—Мартин Мендес и Мигуэль де-Родас. На пути Кабот потерял во время бури одну каравеллу, но с другими благополучно прибыл к берегам Бразилии. Но здесь вспыхнул мятеж, так как многие испанцы были недовольны, что они находятся под начальством чужеземца.

После этого события, боясь нового возмущения, Кабот решил не ехать к Молуккским островам, но в то же время он не хотел возвращаться в Испанию без всяких результатов. Вследствие этого, достигнув 15 февраля 1527 года устья большой реки, открытой несколько времени назад Хуаном Солисом, Кабот решил подняться вверх по этой реке и исследовать внутренние области Южной Америки и, если возможно, основать там колонии. Поднявшись по реке до того места, где индейцы убили Солиса, Кабот нашел удобную гавань и основал там небольшой форт. Кабот оставил в гавани два корабля, а сам на одном судне отправился дальше вверх по Паране до устья Терсеро. Там он построил второй форт, назвав его Сан-Эспирито; отсюда Кабот доплыл до водопадов и порогов Параны (27° южн. широты). На обратном пути он сделал попытку исследовать Парагвай; он поднялся вверх по Парагваю на тридцать четыре мили; здесь на судно Кабота напали индейцы, но вскоре Кабот заключил с ними мир, и индейцы принесли Каботу в виде дани много съестных припасов и золотых и серебряных украшений, добытых ими, как они говорили, в стране, лежащей на северо-запад, то-есть в Перу.

Получив известие о Перу, Кабот стал мечтать о походе в эту страну. Но на это требовалось много средств и людей; Кабот решил вернуться в Сан-Эспирито и оттуда послал испанскому королю подробный доклад о своих открытиях и просил прислать ему новые подкрепления, необходимые для экспедиции в Перу. С этим докладом Кабот отправил в Испанию двух офицеров, а сам остался в Сан-Эспирито, чтобы выработать подробный план похода в Перу. Посланные Кабота были милостиво приняты королем, который, получив в подарок от Кабота собран-

ные им в Америке серебряные вещи, приказал переименовать реку Рио-Солис в Ла-Плату (Серебряную). Однако король отказался послать подкрепления Каботу и не разрешил ему экспедиции в Перу, так как незадолго перед тем он дал уже Пизарро позволение завоевать это царство.

Между тем Кабот, в ожидании ответа из Испании, основал на Ла-Плате небольшой городок, покорил соседние племена индейцев и построил несколько фортов. Прождав напрасно около трех лет присылки подкреплений, Кабот покинул колонию и в июле 1530 года вернулся в Испанию. По прибытии Кабота в Испанию король посадил его в тюрьму за превышение власти, а затем сослал его на два года в Оран (Африку). После отбытия этого срока Кабот вернулся снова в Испанию и поселился в Севилье, где занялся изготовлением географических карт. В 1548 году Кабот снова уехал в Англию, где получил должность управляющего морскими делами. В то же время он преподавал молодому английскому королю Эдуарду VI космографию и успел сильно заинтересовать короля мореплаванием и морскими открытиями. Об этом периоде деятельности Себастьяна Кабота мы еще будем говорить в следующей главе.

Говоря об открытии Северной Америки Джоном и Себастьяном Каботами, мы должны упомянуть еще об одном португальском путешественнике—Каспаре Кортереале, который в 1500 году также достиг американского материка. Каспар Кортереаль был сын мореплавателя Жоао Ваца Кортереаль, который вместе с Альваро Мартинсом Гомецом совершил еще в 1460 году большое плавание по северу Атлантического океана и открыл большой остров, названный им «Островом Трески» (это, вероятно, был Ньюфаундленд).

Каспар Кортереаль, унаследовав от своего отца страсть к мореплаванию, решил исследовать Остров Трески, открытый его отцом. Весною 1500 года он снарядил для этой цели два корабля на свой счет и отплыл на северо-запад. После долгого плавания по океану Кортереаль увидел берег неизвестной земли, покрытой густыми лесами. Это была Канада. Отсюда Кортереаль направился к северу и достиг мыса, который он назвал Тресковым мысом, потому что около него «треска встречается в таком изобилии, что затрудняет путь каравеллам».

Кортереаль исследовал американский берег на протяжении двухсот миль, от 56° до 60° северной широты. Он часто высаживался на берег и углублялся внутрь страны, вступая в сношения с местными индейцами. Кортереаль наносил на карту все встреченные им острова, заливы и реки, и некоторые названия,

данные им, удержались и до нашего времени, как, например, Лабрадор. Жестокие холода и громадные плавающие льдины помешали Кортереалю подняться еще дальше на север, и он возвратился в Португалию, захватив с собою из Канады пятьдесят семь туземцев.

На следующий год, 15 мая 1501 года, Кортереаль, получив помощь от португальского правительства, снова отправился из Лиссабона за океан с целью расширить свои открытия. Но из этого путешествия Кортереаль не вернулся; он, по всей вероятности, погиб где-нибудь около берегов Канады. Его брат, Михаил Кортереаль, приближенный португальского короля, просил короля снарядить экспедицию для поисков своего брата и сам лично отправился с этой экспедицией. Отплыв из Лиссабона 10 мая 1502 года с тремя кораблями, Михаил Кортереаль благополучно достиг Ньюфаундленда; здесь он разделил свою маленькую эскадру, дабы каждый корабль мог в отдельности исследовать берег, чтобы скорее найти какие-нибудь следы погибших мореплавателей. Однако поиски не дали никаких результатов. Когда окончился срок, назначенный Кортереалем на поиски, два корабля благополучно вернулись на заранее назначенное место около берегов Ньюфаундленда, но третьего корабля, на котором был сам Кортереаль, с ними не было. Прождав возвращения Кортереаля до 20 августа, его спутники возвратились в Португалию. Таким образом, около берегов Северной Америки погиб и второй брат Кортереаль.

В 1503 году португальский король послал снова два корабля, чтобы попытаться найти хоть какие-нибудь следы братьев Кортереалей; но поиски не увенчались никаким успехом, корабли вернулись, не найдя ничего. Узнав о гибели своих двух братьев за океаном, третий брат Васко Аннес Кортереаль, губернатор островов Святого Георгия и Терсеиры, решился на свой счет снарядить корабли и отправиться на поиски своих братьев. Однако король, боясь гибели этого последнего из братьев Кортереалей, воспротивился этому намерению и не отпустил Кортереаля за океан. Канада в XVI веке долгое время называлась землею Кортереалей.

II.

Открытие Канады французами.—Жан Верраццано.—Жак Картье и его три путешествия в Северную Америку.

От 1492 до 1524 г. Франция не принимала участия в колонизационном движении и воздерживалась от заокеанских экспедиций. Однако царствовавший в то время во Франции король Франциск I, видя, как возрастает могущество соседней Испании,

благодаря новым открытиям, решил в 1524 г. снарядить под начальством венецианского морехода Жана Верраццано первую французскую экспедицию в Новый Свет.

Верраццано отправился в путешествие на четырех кораблях 17 января 1524 г. После почти двухмесячного блуждания по Атлантическому океану, эскадра Верраццано прибыла к берегу неизвестной земли, лежавшей под 30° сев. широты.

В продолжение марта месяца 1524 года Верраццано плыл вдоль берега, казавшегося очень населенным. Французы неоднократно высаживались на берег и всюду встречали многочисленных туземцев, которые не проявляли никаких воинственных настроений.

Поднимаясь далее на север, Верраццано достиг 50° сев. шир., откуда, вследствие недостатка припасов, он был вынужден вернуться во Францию, куда благополучно прибыл, высадившись в Диеппе в июле 1524 года.

Десятью годами позже один мореплаватель из города Сен-Мало, Жак Картье, решил основать колонию в открытых Верраццано землях и присоединить эти области к владениям Франции. Жак Картье, нашедший поддержку в адмирале Филиппе Шабо и в короле Франциске, 20 апреля 1534 года покинул порт Сен-Мало и отправился на двух кораблях за океан. Плавание это было так удачно, что через двадцать дней Картье уже достиг острова Ньюфаундленда, который он назвал Терриёв (Новая Земля). Отсюда он поднялся к Птичьему острову, где сделал запас битой дичи. Он исследовал весь берег острова и затем через пролив Бель-Иль, отделяющий Ньюфандленд от материка, достиг залива Св. Лаврентия. На всем этом побережье Картье встречал прекрасные гавани, но удобных мест для основания новой колонии не было; «здешнюю почву,—говорит Картье,—нельзя даже назвать почвой,—это одни камни и скалы, на всем протяжении этой области нельзя было бы собрать даже один воз хорошей земли».

Во время дальнейшего плавания вдоль берега Картье был отброшен бурей к западному берегу острова Терриёв, и там он исследовал мыс Ройаль, Колумбовы острова, мыс Сен-Жан, острова Магдалины и на самом континенте—залив Мирамиши. Здесь он входил не раз в сношение с туземцами, которые высказывали «большое желание иметь железные орудия и другие металлические изделия»; в обмен на эти предметы туземцы предлагали французам шкуры и меха пушных зверей.

Далее Жак Картье направился по заливу Св. Лаврентия и здесь встретил совершенно других туземцев, чем те, которых французы видели раньше. Говоря об этих туземцах, Картье пишет: «эти уж действительно достойны названия диких. Я не

встречал людей более бедных, чем они. Эти дикари бреют все свои головы, за исключением маленького места на макушке, где они отращивают длинные волосы, похожие на лошадиный хвост».

Жак Картье. (Снимок со старинной гравюры.)

Картье благополучно вернулся в Сен-Мало 5 сентября 1534 года.

Весною следующего года Картье снова отправился в Новый Свет на трех кораблях. С первых дней плавания буря рассеяла эскадру, но все корабли благополучно добрались до острова Террнёв. Пристав к Птичьему острову, в гавани Блан-Саблон, находящейся в заливе Шато, Картье проник затем в залив

Св. Лаврентия. Здесь он открыл остров, названный им Натискотек (нынешний Антикости), а затем достиг большой реки Гошелаги.

Поднимаясь вверх по реке, Картье достиг большого озера Сен-Пьерр, образуемого рекой, и приехал в Гошелагу — местность, удаленную от устья реки Св. Лаврентия на двести десять миль. В этой стране Картье, по его словам, встретил «обработанные земли и большие прекрасные поля, засеянные зерновыми хлебами. Среди этих полей находился большой город Гошелага, окруженный невысокой цепью хорошо возделанных холмов, с вершины которых открывается широкий вид». Эту цепь холмов Картье назвал «Королевскими горами» (Мон-Ройаль). Позднее это название перешло и на самый город Гошелагу, и он стал называться Монреаль.

Прием, оказанный Жаку Картье в Гошелаге, был в высшей степени дружественный. Властитель города, разбитый параличом, умолял Картье прикоснуться к его членам, как бы прося у него исцеления. Затем к Картье пришли слепые, хромые и увечные, и все умоляли его прикоснуться к их больным членам; они были убеждены, что к ним явился бог, чтобы исцелить их.

Познакомившись со страною, которую он исследовал на тридцать миль в окружности, и собрав некоторые сведения о водопадах и порогах реки Св. Лаврентия, Жак Картье спустился снова вниз по реке в ее устье. Картье и его спутники были поражены обычаем канадцев курить особую траву—табак, неизвестный в то время во Франции. Канадцы курили табак из маленьких деревянных или каменных рожков, куда вместе с табаком клали горящий уголек. «Мы хотели попробовать курить,—говорит Картье,—но когда дым попал нам в рот, то нам показалось, что туда попал перечный порошок, до того он жег нос».

В это путешествие Картье остался зимовать в Канаде; зимою среди его спутников распространилась неизвестная во Франции какая-то заразная болезнь, которая, судя по описаниям Картье, была цынгой. «Означенная болезнь,—пишет Картье,—так распространилась на наших кораблях, что к половине февраля из ста десяти человек экипажа не было и десяти человек здоровых». В это тяжелое время один канадский вождь сообщил Картье, что отвар из хвой и сок одного дерева, которое, как предполагают, была канадская ель, очень помогают при этой болезни. Действительно, указанные средства благотворно подействовали на больных, и все французы оправились.

6 мая 1536 года Картье отплыл из гавани Св. Креста во Францию, куда и прибыл 16 июля 1536 года. После отчета о своем путешествии королю, Картье снова начал готовиться

к путешествиям в Канаду. Король решил присоединить эту страну к Франции. 23 мая 1541 г. в Канаду под начальством Картье было отправлено пять кораблей с поселенцами и припасами. Поднявшись по реке Св. Лаврентия, Картье высадился на том месте, где теперь находится Квебек; положив основание этому городу, Картье сделал его резиденцией канадского вице-короля.

III.

Первые путешествия англичан в Северную Америку.—Мартин Фробишер.—Джон Девис.

Открытие французами плодородной Канады вновь подняло интерес к заокеанским землям у англичан. Англичане, после неудачных попыток Джона и Себастьяна Каботов отыскать северо-западный проход к берегам Азии, после открытия Жака Картье решили, в свою очередь, послать несколько экспедиций с целью отыскать проход мимо берегов Северной Америки в Великий океан. Одним из самых горячих защитников этой идеи был английский моряк Мартин Фробишер, который, после неоднократного обращения к богатым судовледельцам, нашел, наконец, поддержку своего проекта у графа Варвик, приближенного королевы Елизаветы.

Граф Варвик снарядил для Фробишера на свои средства одно небольшое судно и две барки, вместимостью в двадцать или двадцать пять тонн. На этих маленьких судах Фробишер отправился 8 июня 1576 года из Дептфорда в океан. Он достиг благополучно южной оконечности Гренландии, но далее он встретил большое количество пловучих льдов и вынужден был спуститься к Лабрадору. Отсюда он проник в Гудзонов залив. Объехав острова Соваж и Резолюшен, Фробишер вошел в залив, получивший впоследствии его имя. Он высадился на Кумберландском берегу, вступил именем королевы Елизаветы во владение этой страной и завязал торговые сношения с туземцами. Так как в это время уже приближалась осень и наступали холода, то Фробишер поспешил вернуться в Англию. Он захватил из открытой им страны куски какого-то черного камня, в котором были местами вкраплены блестки желтоватого металла, похожего на золото. Прибыв в Англию и показав привезенные им камни, Фробишер добился, что королева дала распоряжение снарядить под начальством Фробишера вторую экспедицию.

31 мая 1577 года экспедиция Фробишера вышла по направлению к Гренландии. Необыкновенно густые туманы и пловучие ледяные горы помешали Фробишеру проникнуть ранее 9 августа в залив, открытый им в предшествующее плавание. Вследствие

этого, когда Фробишер достиг пролива, который, по его мнению, вел к берегам Восточной Азии, он не решился следовать далее, а поспешил нагрузить свои корабли черным камнем с золотыми блестками и отплыл в Англию, куда прибыл в конце сентября после жестокой бури, рассеявшей его корабли. Из привезенных Фробишером камней было добыто небольшое количество золота, и поэтому королева Елизавета решила послать еще новую экспедицию в Америку и приказала построить там крепость и небольшую колонию.

Мартин Фробишер.

Новая экспедиция, посланная королевой, состояла из пятнадцати кораблей. Эта экспедиция, во главе которой снова находился Фробишер, отплыла из Гарвича 31 мая 1578 года. Когда Фробишер приблизился ко входу в залив, получивший его имя, он нашел его загроможденным льдами. Одна барка из флотилии Фробишера ударилась о ледяную гору и тотчас же затонула. После этой катастрофы флотилия Фробишера была захвачена бурей. Корабли очутились среди целого моря плавающих льдин, окруживших корабли со всех сторон. Вскоре корабли были

всецело во власти льда, и вся эскадра Фробишера была разъединена. Корабль самого Фробишера сильно пострадал от пловучих льдин, и Фробишер, достигнув бухты графини Варвик, на Баффиновой земле, спешно сделал ремонт корабля и, нагрузив его камнями, похожими на те, какие он привозил, отплыл в Англию. Бури и ураганы сопровождали Фробишера вплоть до берегов Англии.

В отношении открытий это путешествие Фробишера не имело никакого значения; даже привезенные им камни, которыми он нагрузил свой корабль среди стольких опасностей, не имели ни одного золотника золота.

Неудачи Фробишера заставили отказаться от поисков среди полярных стран таких местностей, которые давали бы золото, как Перу, но это все же была не причина, чтобы отказаться окончательно от поисков прохода в Китай. Существование пролива из Антлантического океана в Великий на севере Америки признавалось всеми выдающимися мореплавателями, нашедшими среди лондонских купцов много единомышленников. Вследствие этого в июне 1583 года в Портсмуте была снаряжена новая экспедиция для поисков северо-западного пролива.

Начальство над этой экспедицией было вверено мореплавателю Джону Девису. Девис открыл пролив, получивший его имя, а 20 июля Девис открыл остров, названный им Землею Скорби, но он был не в состоянии пристать к этому острову, благодаря льдам. Спустя девять дней Девис попал в залив, названный им заливом Жильберта; здесь он встретил эскимосов и выменял у них на некоторые безделушки меха и шкуры. 6 августа Девис бросил якорь в бухте, названной бухтой Тотнесс. После недолгой стоянки Девис в течение одиннадцати дней плыл по морю, совершенно свободному ото льда. Девис уже считал, что находится в море, которое соединяется с Тихим океаном, но вскоре погода изменилась, наступили густые туманы, и он принужден был вернуться в Англию.

Девис сумел убедить английских купцов в существовании пролива, и поэтому общество лондонских купцов следующей весной снова отправило Девиса на поиски пролива. Но на этот раз пловучие льды были многочисленнее, и плавание было опаснее. 17 июля экспедиция встретила огромную пловучую льдину, объехать которую понадобилось целых тридцать дней. Ветер, дувший со стороны этого «ледяного поля», был так резок, что снасти и паруса замерзали, и матросы отказались итти дальше. Девису пришлось спуститься к юго-востоку, а затем вернуться в Англию.

Хотя поиски пролива и на этот раз не увенчались успехом, Девис все же не терял надежды открыть искомый пролив. «Су-

ществование прохода,—писал Девис,—в высшей степени вероятно, и достигнуть его не трудно». Общество лондонских купцов, разделяя уверенность Девиса в существовании пролива, решило послать еще раз Девиса в северные области. Весною 1587 года Девис отплыл на двух кораблях и достиг 72° 12′ сев. широты. Задержанный льдами, он вынужден был повернуть и поплыл по Фробишерскому заливу до 61° сев. шир. Но и на этот раз экспедиция Девиса не увенчалась успехом, и он вернулся в Англию, не открыв пролива.

Хотя задача северо-западного пролива и не была разрешена Девисом, но, тем не менее, его путешествия дали значительные научные результаты. Девисом было исследовано около половины берегов Баффиновой земли и, кроме того, были собраны важные сведения о природе и жителях этих областей. С географической точки зрения эти приобретения были очень ценны, но лондонских купцов они очень мало удовлетворяли. Поэтому всякие попытки поисков северо-западного пути из Европы в Восточную Азию были оставлены англичанами на продолжительное время.

Сам Девис, разочаровавшись в своих проектах, выработал новый план достижения Индии, прямо мимо мыса Доброй Надежды, не считаясь с требованиями испанцев и португальцев. В 1590 году Девис отправился в Индию, но был настигнут близ Марокских берегов португальцами и принужден после упорного боя вернуться назад.

IV.

Португальские и испанские путешественники второй половины XVI века.—Мендана.—Квирос.—Торрес.

Кругосветное путешествие Магеллана хотя и показало, что берегов Индии можно достигнуть, плывя все время на запад, но этот западный путь оказался гораздо длиннее, чем это предполагал Магеллан. Вследствие этого пример Магеллана не нашел себе подражателей, и мы видим, что в XVI веке Испания и Португалия этим путем не послали ни одной экспедиции.

Однако перед наиболее энергичными и смелыми мореплавателями второй половины XVI столетия встала новая задача, которая требовала своего разрешения, а именно—в это время сильно стала распространяться идея о существовании в южном полушарии большого материка неизвестной «южной земли»—Terra australis incognita.

Происхождение мифа об этой земле восходит еще к глубокой древности, и у Клавдия Птоломея встречаются указания на

существование южного материка. Картографы и космографы XVI века, разделяя всецело учение Птоломея, приняли и его идею об южной земле. Ученые XVI века думали, что против материка Азии, чтобы сохранить равновесие земного шара, в южном полушарии необходимо должен быть большой еще не открытый материк. Этот материк даже изображали на картах того времени в виде громадной компактной массы, занимавшей чуть ли не большую часть южного полушария.

Первыми мореплавателями, которые сделали попытку найти эту неизвестную Южную Землю, были испанский адмирал Хуан Гаэтан и его помощник Бернард Торрес. В 1542 г. Гаэтан и Торрес предприняли плавание по Тихому океану. Они направили свой путь вдоль по экватору, повернули к Филиппинским островам, откуда Торрес был послан Гаэтаном в Мексику. Плывя обратно, Торрес пересек экватор и под 6° южной широты увидел берег какой-то неизвестной земли. Высадившись в одной бухте, Торрес увидел на берегу «черных людей с курчавыми густыми волосами, очень проворных и хорошо вооруженных деревянными стрелами и луками». По всей вероятности, это был остров Новой Гвинеи.

После этой экспедиции испанцы целых двадцать пять лет не предпринимали плаваний по Тихому океану и только в 1567 г. на поиски «австральной (южной) земли» отправился Альваро Мендана де-Нейра. Мендана был племянником губернатора Перу, который и снарядил экспедицию, в надежде, что Мендана откроет новые страны, изобилующие золотом. Мендана имел только двадцать один год, когда он принял начальство над двумя кораблями, экипаж которых состоял из ста двадцати пяти человек солдат и матросов. Он отплыл из порта Кальяо близ города Лимы 19 ноября 1567 г.

Держа все время курс на запад, Мендана открыл целый ряд новых островов, одну группу которых он назвал Соломоновыми, желая заставить своих соотечественников думать, что с этих островов вывозились Соломоном все сокровища и золото для украшения иерусалимского храма. Однако для людей, видевших богатства Перу, чудесные рассказы о сокровищах далеких Соломоновых островов не имели большой цены, тем более, что Мендана не привез с собою с открытых им островов ни одной крупинки золота или серебра, что произвело бы гораздо большее впечатление, чем все его рассказы. Мендане пришлось ждать целых двадцать семь лет, прежде чем ему удалось снарядить новую экспедицию.

Вторая экспедиция Менданы была более значительна, чем первая, так как на этот раз предполагалось основать на острове

Сан-Кристобаль испанскую колонию. 11 апреля 1595 года Мендана покинул порт Лимы на четырех кораблях. В числе спутников Менданы находился и штурман Педра Фернандец Квирос, прославившийся позднее в качестве начальника другой экспедиции.

После месячного плавания по океану, Мендана открыл остров, которому дал название Магдалины. Мендана не закончил своей экспедиции и умер во время плавания 17 октября 1596 г.

Во главе экспедиции после смерти Менданы стал старший штурман Квирос, который, видя плохое состояние корабля, решил достигнуть Филиппинских островов, так как это были ближайшие владения испанцев. После крайне трудного плавания, Квирос достиг Маниллы. Все участники экспедиции были похожи на скелеты и едва держались на ногах. Из Маниллы Квирос уже на другом корабле отплыл в Перу и представил вице-королю Перу проект нового путешествия.

Квирос получил в 1605 году разрешение снарядить в Лиме два корабля для исследования южного материка и для продолжения открытий Менданы. С этими двумя кораблями Квирос отплыл из гавани Кальяо 21 декабря 1605 года. На протяжении тысячи миль от Перу Квирос не встретил ни одного острова. Только под 25^0 южной широты он заметил группу небольших островов. Квирос намеревался было сделать высадку на один из островов, но доступ к берегу был крайне труден, благодаря многочисленным скалам и коралловым рифам.

1 мая 1606 года Квирос прибыл к одному острову, названному островом Св. Духа (новые Гебриды); это название удержалось до нашего времени.

Считая, что открытая им земля и есть «австральный» материк, Квирос послал своего помощника Луи Ваэса Торреса на втором корабле исследовать побережье, а сам, не дождавшись возвращения Торреса, 11 июня 1606 г. отправился обратно в Мексику. Прибыв в октябре месяце в Мексику, Квирос представил вице-королю записку о своем открытии и просил разрешения колонизовать эту страну.

Оставленный Квиросом Торрес, вернувшись в условленное место и не найдя здесь корабля Квироса, решил продолжать исследование австральной земли. Плывя дальше, он убедился, что открытая ими земля не материк, а остров; после этого он направился к западу и увидел под $11^1/_2{}^0$ южной широты берег неизвестной земли; плывя дальше вдоль берега этой земли, Торрес попал в лабиринт коралловых рифов. Целых два месяца Торрес плыл среди этих рифов, ежеминутно подвергаясь риску погибнуть среди неизвестного моря. С большим трудом Торрес выбрался в открытое море и направился затем к Филиппинским

островам. Дальнейшая судьба Торреса неизвестна, и его смелый подвиг, плавание через бурный пролив, среди коралловых рифов, между островом Новой Гвинеи и материком Австралии, был совершенно неизвестен географам вплоть до 1762 г., когда в архивах города Маниллы, после завоевания этого города англичанами, неожиданно нашли дневник Торреса и описание его путешествия. Каким образом эти документы попали в архив города Маниллы—остается загадкой. В память этого отважного морехода в XVIII веке пролив, по которому Торрес блуждал целых два месяца, был назван Торресовым проливом.

V.

Поиски северо-восточного пути из Западной Европы к берегам Восточной Азии и в Индию.—Проект Себастьяна Кабота.—Путешествие Виллоби и Ченслера.

Встретив, как мы видели выше, большие затруднения при отыскании северо-западного прохода из Европы в Восточную Азию, англичане предприняли в XVI веке несколько попыток достигнуть берегов Азии другим путем, а именно, северо-восточным, то-есть следуя из Англии на восток, вдоль северных берегов Скандинавии и Восточной Европы. Идея этого пути родилась впервые в уме Себастьяна Кабота. Переселившись в 1548 году из Испании в Англию, Себастьян Кабот деятельно принялся за разработку этого плана и вполне логично поставил вопрос: «Если Китай и Индия не могли быть достигнуты северо-западной дорогой, то нельзя ли попробовать добраться до них северо-восточной?»

Кабот изложил свои проекты крупным лондонским коммерсантам и затем основал товарищество так называемых «коммерсантов-искателей». Это товарищество под названием «Мистерия» приступило к постройке специальных кораблей для плавания по северным морям. Наконец 10 мая 1553 года из Лондона, вниз по Темзе, отплыли три корабля для изыскания северо-восточного пути. Капитанами этих трех кораблей были—Гуго Виллоби, Корнилий Джерфорт и Ричард Ченслер, искусный моряк и близкий друг Себастьяна Кабота.

Преклонные лета Кабота (ему было в то время восемьдесят лет) не позволили ему самому стать во главе экспедиции; он лишь давал советы и инструкции. Инструкции Кабота, данные Ченслеру, сохранились до нашего времени и свидетельствуют об уме и предусмотрительности этого замечательного мореплавателя. Он рекомендует, между прочим, лаг, как инструмент для измерения скорости хода корабля, он настаивает на правильном веде-

нии журнала морских событий, советует вести запись о характере, нравах, привычках тех народов, какие встретятся на пути и т. д. В отношениях к туземцам Кабот рекомендовал самое обходительное обращение и запрещал прибегать к каким-либо жестоким мерам. В заключение Кабот просит всех участников экспедиции поддерживать между собою дружбу и согласие, напоминает капитанам о серьезности их предприятия.

Достигнув Лофотенских островов у берегов Норвегии, эскадра разделилась с тем, чтобы соединиться вновь у мыса Норд-Кап. Однако два корабля Виллоби и Джерфорта были унесены бурей далеко на север. Корабль Виллоби со всем экипажем погиб во льдах, а корабль Джерфорта поврежденный вернулся в Англию. Ченслер, тщетно прождавши оба корабля в условленном месте, решил, что они опередили его, и, обогнув Норд-Кап, вступил в обширный залив и проник в Белое море. Здесь он высадился у устья Двины, около монастыря, на том самом месте, где вскоре был построен город Архангельск. Жители этих пустынных стран сообщили ему, что они находятся под владычеством русского великого князя, живущего в Москве. Несмотря на громадное расстояние, отделявшее Ченслера от Москвы, он решил тотчас же поехать в столицу великого князя. В то время в России царствовал царь Иоанн IV Грозный. Россия только что свергла иго татар, и московские цари соединили под своей властью бывшие разрозненные до того времени удельные княжества. Вследствие этого Московское царство усилилось и представляло в торговом отношении большой рынок. Ченслер решил установить с царем торговый договор и добиться для англичан некоторых привилегий.

VI.

«Открытие» англичанами России.—Ченслер у Ивана Грозного.—Путешествие в Россию Дженкинсона.—Джером Горсей и Флетчер.

После долгого и трудного пути в тысячу сто верст от берега Белого моря до Москвы, Ченслер прибыл благополучно в столицу русского царя. Царь устроил Ченслеру торжественный прием.

Ченслер продал с большой пользой все свои товары и получил от царя большие льготы для англичан на будущее время. Царь послал с Ченслером письмо английской королеве. Ченслер нагрузил свой корабль мехами, китовым жиром, медью и другими продуктами и благополучно вернулся в Англию, оставив мысль о дальнейшем пути в Китай. Выгоды, которые

получило товарищество лондонских купцов от первого путешествия в Россию, побудили их снарядить в Россию новую экспедицию, начальство над которой снова было вверено Ченслеру.

Карта России Антония Дженкинсона. 1562 года.

В это путешествие Ченслер привез в Москву двух агентов «товарищества», которые заключили с царем выгодный для англичан торговый договор. Затем Ченслер, нагрузив свои корабли меха-

ми, медом и льном, снова отправился в Англию. На этот раз царь послал с Ченслером своего посла к английской королеве—Осипа Непея, наместника Вологодского. Но флотилия Ченслера была застигнута в пути сильной бурей, и из четырех кораблей Ченслера один погиб у берегов Норвегии, другой—в виду Тронтгейма, а третий, на котором был сам Ченслер и посланник Непей, потерпел крушение у берегов Шотландии 10 ноября 1556 года. Ченслер, менее счастливый, чем русский посол, которому удалось спастись, утонул при этом кораблекрушении. Подарки Ивана Грозного для королевы английской и все товары погибли.

Таково было начало торговых сношений Англии с Россией. После этого английская экспедиция в Белое море следовали одна за другою, и торговые сношения Москвы с Лондоном сделались регулярными. В 1557 году Осип Непей был отправлен в Россию с англичанином Антоном Дженкинсоном, который имел под своим начальством четыре больших корабля. Одной из целей Дженкинсона было исходатайствовать у царя разрешения на путешествие через Россию в Бухару, откуда Дженкинсон надеялся пробраться в Китай. Дженкинсон благополучно прибыл в устье Двины и затем на санях добрался до Москвы, куда привез английские товары. В 1561 году Дженкинсон снова совершил путешествие в Москву, а в 1566 году в третий раз побывал в столице русского царства. Дженкинсон много путешествовал по России и на основании этих путешествий составил карту России, снимок с которой мы помещаем здесь.

После Дженкинсона в Россию совершали экспедиции с торговыми целями почти ежегодно многие лондонские купцы. В Лондоне образовалась так называемая «Русская компания английских купцов», которая, пользуясь полученными привилегиями, в несколько лет завела свои торговые конторы в Холмогорах, Вологде, Ярославле, Новгороде и Москве и имела своих агентов в Казани и Астрахани. Ежегодно флотилии из тринадцати и более кораблей привозили разные товары из Англии в устье Северной Двины и осенью возвращались обратно.

Англичане были почти единственными иностранцами, в руках которых была сосредоточена почти вся внешняя торговля России. Только в половине XVII ст., при Алексее Михайловиче, англичане лишены были своих прежних привилегий за то, что они «всею землею учинили злое дело: государя своего Карлуса короля убили до смерти». Вместо англичан главную роль в торговле с Россией в XVII ст. начинают играть голландцы.

VII.

Поиски северо-восточного прохода голландцами.—Экспедиция Барентца и Геемскерка.—Открытие Шпицбергена.—Зимовка Барентца на Новой Земле.

В XVI веке в деле морских исследований выступил новый народ,—это были голландцы. Освободившись от испанского ига, голландцы выступили соперниками англичан в области мировой торговли. Голландцы следовали за англичанами по их пятам всюду, куда они проникали, и заинтересовались также вопросом о северо-восточном проходе из Европы в Восточную Азию. Тотчас же после экспедиции Виллоби и Ченслера, голландцы принялись за обсуждение вопроса о снаряжении в Китай морской экспедиции. Но за исполнение этого проекта голландцы взялись лишь тогда, когда узнали от некоторых путешественников и от знаменитого географа XVI века Гергардта Меркатора, что достижение устья Оби и дальнейшее проникновение в Китай отнюдь не так невозможны, как это могло показаться после английских неудач. Только после этого Голландия снарядила под начальством Корнелия Найя и Брандта Теттгалес экспедицию для исследования северо-восточного пути в Китай. Эта экспедиция беспрепятственно проехала в Карское море, а затем вернулась обратно. Най и Теттгалес утверждали, что можно свободно проехать «через Анианский пролив в Китай», но они этого не сделали потому, что им не было поручено доехать до Китая.

В 1595 году голландцы снарядили новую экспедицию на семи парусных судах во главе с адмиралом Корнелием Най и главным штурманом Вильгельмом Барентцом. Эта экспедиция имела целью совершить «северное плавание к царствам Китая и Японии». Насколько была велика уверенность в достижении этих стран, можно видеть из того, что на суда были взяты товары, зафрахтованные в Китай. Снаряжение экспедиции потребовало, однако, столько времени, что голландцам удалось попасть в Карское море лишь тогда, когда там появились в огромном количестве льды. Экспедиция вынуждена была вернуться.

Достигнутые экспедицией результаты считались, однако, настолько важными, что в следующем году городской совет города Амстердама снарядил снова два корабля в северное плавание, начальство над которыми было поручено Геемскерку и Яну Корнелиссену Риппу. Барентц был назначен главным штурманом этой экспедиции, но, в сущности, он был фактическим ее начальником. Историк этого путешествия, Герард де-Веер, участвовал в этой экспедиции в качестве боцмана.

Экспедиция выехала из Амстердама 10 мая 1596 года. Она благополучно миновала Шотландские и Фарерские острова, и

5 июня мореплаватели увидели первые льдины, «чему они были очень удивлены и приняли их за белых лебедей». Это было на юге Шпицбергена, недалеко от небольшого острова, которому Барентц дал название «Медвежьего», потому что на нем голландцы убили белого медведя. На этом острове голландцы собрали множество яиц чаек. 19 июня голландцы достигли берега большого острова, которому они дали наименование за его остроконечные горы— Шпицбергена; они исследовали значительную часть западного побережья этого острова. Принужденные вследствие плавающих льдов спуститься снова к Медвежьему острову, корабли Риппа и Геемскерка здесь разделились. Рипп решил сделать еще попытку подняться на север, а Геемскерк с Барентцом решили плыть на восток. 11 июля корабль Барентца достиг мыса Канина, и, спустя пять дней, голландцы увидели западный берег острова Новой Земли, называвшейся тогда Землею Виллоби. Отсюда Барентц переменил направление и поднялся на север. 19 июля Барентц достиг острова Крестового, но не мог к нему подойти, так как льды преграждали путь. Здесь Барентц остановился до 4 августа, а затем обогнул мыс Нассау. С большим трудом корабль Барентца добрался до Оранжевых островов, на северной оконечности Новой Земли. Спускаясь вдоль восточного берега Новой Земли, Барентц скоро вошел в обширную бухту. На море плавали многочисленные льдины; на некоторых из них бродили белые медведи, на других видны были пучки морских трав. 11 августа море, казалось, очистилось от льда с южной стороны. Не оставалось сомнений, что путь делался свободным; в знак радости Барентц поднял флаги на мачтах, и экипаж воспрянул духом. Но вскоре голландцы увидали перед собой снова белые стены плавающих льдин, и Барентц с ужасом понял, что его корабль оказался запертым среди льдов.

Барентц решил остановиться на зимовку. «Было 26 августа,— пишет Герард де-Веер в своем журнале,—льды становились многочисленнее и все теснее и теснее окружали корабль. Казалось иногда, что он будет неминуемо раздавлен льдинами,—ужасно было все это видеть, волосы становились дыбом». Но неожиданно для всех корабль был приподнят льдинами и вытолкнут из воды на лед. «Вскоре корабль стал так трещать, что благоразумие требовало, чтобы с корабля были разгружены все припасы, паруса, порох, пули, мушкеты и другие предметы; затем мы поставили на берегу палатку, чтобы укрыться от снега и нападения медведей. Некоторые матросы углубились на две или на три мили от берега и встретили около реки много лесу и следы диких коз и северных оленей». 11 сентября голландцы, «чтобы оградить себя от холода и диких зверей», приступили к постройке дома, в котором могли бы все поместиться, а корабль, оставаться на котором

становилось с каждым днем все опаснее, они решили оставить на произвол судьбы. К счастью для себя, голландцы нашли на берегу много деревьев, принесенных, без сомнения, течением из Сибири; лесу голландцы нашли так много, что его хватило не только для постройки жилища, но и на топливо на всю зиму.

Никогда еще до этого времени ни один европеец не зимовал в полярных областях, среди мрака и страшного холода. Голланд-

Корабль Барентца среди льдов. (Снимок со старинной гравюры.)

цы, решаясь на зимовку на Новой Земле, не могли себе представить всех ужасов полярной зимы и всех тех страданий, какие их ожидали.

Историк и участник этой экспедиции, Герард де-Веер, правдиво описал все перипетии этой зимовки и подробно рассказал о жизни своих спутников среди льда и ночи. 12 октября голландцы перешли уже в дом, хотя он был еще не окончен. 21 октября большая часть провизии, мебель, припасы и инструменты

были перенесены с корабля на берег. Дни становились совсем короткими, и солнце только на мгновение показывалось над горизонтом. Холода усиливались.

Внутренность дома Барентца на Новой Земле. (Снимок с гравюры, приложенной к книге Де-Веера.)

По плану Барентца, дом, построенный голландцами, состоял из одной большой комнаты; по середине комнаты был устроен очаг, над которым была выведена высокая труба для вытяжки дыма. Вдоль стен были устроены нары для спанья; с корабля были принесены большие стенные часы, а пустая бочка была

превращена в ванну, так как доктор экспедиции советовал во избежание заболеваний частые омовения. Скоро построенный голландцами дом был весь занесен снегом, благодаря чему тепло стало дольше держаться внутри дома. Часто по ночам голландцы слышали, как по крыше ходили то медведи, то лисицы, пробовавшие найти вход к людям; медведи стали приходить даже днем и разрывали на крыше снег, чувствуя, что внутри есть богатая пожива. Голландцы начали устраивать охоту на медведей; они вылезали в трубу и выжидали прихода зверя и убивали его. Они устраивали также около дома множество западней и ловушек, в которые попадали лисицы; из лисьих мехов голландцы выучились шить себе шубы и в этих шубах могли проводить на воздухе по нескольку часов.

До декабря месяца голландцы проводили время довольно сносно; но с 7 декабря наступили сильные холода; холод не давал возможности дыму выходить через трубу, и путешественники едва не задохлись в своем помещении. В конце концов, они были вынуждены прекратить огонь, и тогда в комнате сделалось сразу холодно; скоро стены и пол покрылись снегом и льдом; виноградное вино замерзло, и голландцы решили, что они неминуемо должны замерзнуть. «Не зная, какими средствами защититься от холода,—пишет де-Веер,—мы собрались все вместе, полузамерзшие, и совещались о том, что предпринять; тогда один из нас предложил зажечь каменный уголь, который мы забрали с нашего корабля; вечером мы развели большой огонь, согревший комнату; тепло оживило нас, и мы хотели сохранить его как можно дольше; с этою целью мы плотно закрыли трубу и заделали дверь; и таким образом каждый из нас, ободренный и согретый, улегся на свою постель и мы долго еще беседовали. Но вдруг многие из нас почувствовали головокружение; прежде всего мы заметили это на одном больном, который вследствие болезни был менее вынослив, а затем и сами почувствовали дурноту, тогда некоторые из нас, самые сильные, встали с своих коек и открыли трубы, а затем дверь. Но отворивший дверь упал в обморок на снег; увидя это, я поспешил к нему и нашел его без сознания. Я тотчас принес уксусу и тер ему лицо до тех пор, пока он не очнулся от своего обморока. Затем, когда мы все пришли в себя, капитан дал нам выпить немного вина, чтобы подкрепить нас».

Холода стояли весь декабрь и январь; лисицы и медведи прямо осаждали дом, и их вой наводил страх на мореходов. Начиная с 21 января, день стал прибавляться, и голландцы начали выходить на воздух. 24 января один из матросов, долго болевший, умер и был похоронен в снегу, недалеко от дома; 28 января был очень хороший день, и все голландцы вышли из дома, чтобы размять свои члены, которые почти у всех ослабли от цынги. Нако-

нец, в первых числах марта, после бурь и метелей, мореплаватели увидали, что буря отогнала льды, и море на некотором протяжении очистилось. 15 апреля Барентц с несколькими матросами совершили экскурсию на корабль, они нашли его в довольно хорошем состоянии; он был на льду и поэтому остался целым.

В начале мая матросы стали выражать нетерпение и обращались к Барентцу с вопросами по поводу приготовлений к отъезду; но Барентц говорил, что надо ждать до конца мая, и если тогда нельзя будет освободить корабль ото льда и спустить его на воду, то придется устроить шлюпку и большую лодку и приспособить их к плаванию по морю. 20 мая было приступлено к приготовлению к отъезду. Можно себе представить, с какой радостью и энергией голландцы принялись за работу. Через несколько дней шлюпка и лодка были готовы и нагружены припасами. Затем, когда море освободилось ото льда, Геемскерк сказал Барентцу, который лежал совершенно больной в избе, что «ему кажется, что пора уехать с этого места и начать путешествие».

Вильгельм Барентц раньше еще написал записку, в которой он объяснял цель своего путешествия: найти путь из Голландии в китайское царство; он описал в записке все, что им пришлось испытать, дабы каждый, кто явится после них, мог бы узнать, все, что случилось. Эту записку он положил в ружейный чехол, который повесил на трубу.

13 июня 1597 года голландцы бросили свой корабль, который не освобождался из своих ледяных оков. На двух наскоро построенных шлюпках пятнадцать человек полубольных мореплавателей отдались на волю волн. Они достигли благополучно Оранжевых островов и, среди сменяющих друг друга опасностей, спустились вдоль западного берега Новой Земли. 20 июня сильно заболел на одной шлюпке матрос Николай Андрие; когда об этом сказали Барентцу, то он ответил: «Мне кажется, что и моя жизнь недолго протянется». «Мы совсем не думали, пишет де-Веер, чтобы Барентц был так болен, так как он беседовал с нами и рассматривал карту нашего путешествия, которую я составил. Мы продолжали разговаривать о разных предметах. Наконец он положил карту и сказал мне: «Герард, дай мне пить!» Напившись, он почувствовал страшную слабость, закатил глаза и умер так внезапно, что мы не успели позвать Геемскерка, находившегося на другой шлюпке. Смерть Вильгельма Барентца чрезвычайно опечалила нас, так как он был наш главный проводник и единственный штурман, на которого мы возлагали все наши надежды».

Принужденные неоднократно отливать воду из своих лодок, ежеминутно подвергаясь опасности быть раздавленными льдом,

перенося голод и жажду, голландцы достигли, наконец, мыса Нассау. Затем они прибыли на Крестовый остров, где нашли семьдесят утиных яиц. Они страшно обрадовались этой находке и подкрепили яйцами свои силы.

Начиная с 19 июля, море было почти совсем чисто ото льда. 28 июля голландцы встретили две русских барки, к которым сначала боялись приблизиться. Но когда они увидели, что русские мореходы направляются к ним без оружия, они отбросили всякий страх, тем более, что узнали в них людей, которых видели в предыдущем году в окрестностях Вайгача. Голландцы получили от русских немного съестных припасов и затем продолжали свое путешествие далее, стараясь держаться берега Новой Земли так близко, как только позволял лед. Во время одной высадки на берег мореплаватели нашли ложечную траву, листья и семена которой употребляются и теперь как противоцынготное средство. Голландцы с жадностью начали есть эту траву и почувствовали облегчение.

Между тем припасы быстро истощались; оставалось лишь немного хлеба и ничтожное количество мяса. Тогда мореплаватели решились пуститься в открытое море, чтобы сократить расстояние, отделявшее их от берегов России, где они рассчитывали встретить русских рыболовов и получить от них помощь. Надежда эта оправдалась, хотя мореплавателям и пришлось перенести много тяжелых часов в море. С большим трудом они добрались до острова Кильдина, где, действительно, они встретили русских рыболовов, оказавших им помощь. Но важнее всего было для голландцев известие, которое им передали русские рыболовы; они сказали Геемскерку, что в Коле находятся три корабля такого же народа, как и они, и что они готовы к отплытию. Голландцы тотчас же послали одного из своих в сопровождении лапландца, который возвратился через три дня с письмом от Яна Риппа. Можно себе представить, как велико было изумление голландцев при виде этого письма. Несколько дней спустя, 30 сентября, Рипп прибыл сам за ними с баркой, нагруженной провизией, чтобы отвезти их в Колу, где стоял его корабль.

Рипп был поражен, узнав обо всем, что произошло с экспедицией Барентца и Геемскерка. Прибыв в Колу, измученные мореплаватели после нескольких дней отдыха и обильного питания совершенно восстановили свои силы. 17 сентября Рипп с Геемскерком отправились из Колы в Голландию и 1 ноября благополучно прибыли в Амстердам. «На нас были надеты,— говорит Герард де-Веер,—те же самые одежды, которые мы носили на Новой Земле, и меховые лисьи шапки; мы все отправились в дом Пьера Гасселера, городского советника, который принимал участие в снаряжении нашей экспедиции. Нас встретили

с большим изумлением, так как нас давно считали умершими».

Чтобы закончить рассказ об этих храбрых мореходах, нам остается еще добавить, что Герард де-Веер напечатал историю своего путешествия в следующем году и что Жак Геемскерк, после нескольких путешествий в Индию, получил в 1607 году начальство над большой военной эскадрой; со своим флотом он

Встреча голландских моряков с русскими. (Рисунок из книги Герарда де-Веера, 1598.)

сражался с испанцами; в этом сражении голландцы остались победителями, но сам Геемскерк был убит.

Почти триста лет спустя после смерти Барентца, а именно в 1871 году, на Новой Земле было случайно открыто место зимовки голландцев. 7 сентября 1871 года мореплаватель Еллинг Карлсен, известный своими многочисленными путешествиями в Ледовитый океан, нашел на Новой Земле дом, служивший убежищем голландцам. Дом так хорошо сохранился, что казался построенным только недавно. В доме все оставалось в том же положении, как при отъезде Барентца с товарищами. Вокруг дома валялись

пустые бочки, груды костей тюленей, медведей и лисиц. Внутри дома все находилось на тех же местах, как описал Герард де-Веер. Вдоль стен тянулись кровати, а на стене висели часы, мушкеты, алебарды. Из всей домашней утвари, оружия и различных предметов, привезенных капитаном Карлсеном, большая часть вещей были переданы Карлсеном голландскому правительству. Эти предметы были помещены в морском музее в городе Гааге, и там же была устроена большая модель дома Барентца на Новой Земле, составленная по рисункам де-Веера.

Карлсен нашел в доме Барентца на Новой Земле две книги, принадлежащие Барентцу; одна из них, «История Китая», указывает на цель, преследовавшуюся Барентцом в этой экспедиции, а другая, «Руководство к мореплаванию», свидетельствует, что Барентц следил за всем, что касалось мореходной науки. Позднее англичанин Гардинер нашел отчет Барентца.

Со смертью Барентца был оставлен на долгое время и проект отыскания пути в Китай вокруг севера Европы и Азии.

VIII.

Морские пираты XVI столетия.—Фрэнсис Дрэк и его кругосветное путешествие.—Кавендиш.—Вальтер Ралей.

В XVI столетии, кроме морских экспедиций, снаряжавшихся правительствами для завоевания новых земель или торговыми компаниями с коммерческими целями, развились также морские плавания частных лиц, которые предпринимали далекие морские путешествия с целью грабежа. К этой эпохе более всего приложимы слова Гёте, что «война, торговля и пиратство нераздельны и связаны друг с другом». Из многочисленных путешествий, предпринятых с целью обогащения при помощи грабежа и оказавших большое влияние на развитие наших познаний о земле, следует упомянуть об экспедициях Фрэнсиса Дрэка, Кавендиша и «отца английской колонизации» Вальтера Ралея.

Англичанин Фрэнсис Дрэк, «благородный пират», как его называли, заслуживает упоминания в истории географических открытий потому, что он является вторым мореплавателем после Магеллана, который задумал и совершил кругосветное путешествие, что представляло в XVI столетии необычайный подвиг.

Фрэнсис Дрэк родился в 1540 г. в семье бедного деревенского священника в графстве Девоншир. Обремененный большой семьей, отец Дрэка отдал своего сына в корабельные юнги. Мо-

лодой Фрэнсис, обладавший настойчивым характером, трудолюбием и хладнокровием, вскоре сделался отважным мореходом, приобрел в собственность небольшую барку и на ней предпринял плавание с торговой целью в Бискайское море и к берегам Северной Африки.

Возвращаясь однажды в 1565 г. с колониальными товарами в Англию, Дрэк был захвачен испанцами, которые конфисковали все его товары и отняли судно. Протесты Дрэка против такого поступка окончились ничем, и тогда он поклялся отомстить испанцам за свое разорение и, как увидим дальше, вполне сдержал свою клятву.

В 1567 году, то-есть спустя два года после этого происшествия, маленькая флотилия из шести кораблей покинула, с разрешения королевы, Плимут и направилась к берегам Мексики. Эта флотилия находилась под начальством Фрэнсиса Дрэка. Дрэк намеревался отнять у испанцев Мексику и сделать ее английской колонией. Однако у берегов Мексики флотилию Дрэка встретил многочисленный испанский флот, и Дрэк был разбит; с большими трудностями ему удалось избежать испанского плена и добраться в Англию.

После этого поражения Дрэк совершил еще два путешествия к берегам Мексики и Южной Америки с целью узнать, где можно всего легче сделать нападение. Наконец, в 1572 году он отправился на двух кораблях в Антильское море и производил многочисленные нападения на прибрежные испанские города. Вернувшись в Англию, Дрэк был представлен королеве Елизавете; он изложил королеве свой план завоевания западных берегов Южной Америки и получил вместе с титулом адмирала флот из пяти кораблей, на которых находилось 160 опытных матросов.

Дрэк выехал на этом флоте 15 ноября 1577 года на запад. После пятидесятидневного плавания по Атлантическому океану, он достиг благополучно берегов Бразилии. Затем он направился вдоль бразильского берега до устья Ла-Платы, где сделал короткую остановку. От устья Ла-Платы Дрэк поплыл далее на юг и достиг третьего июня гавани Св. Иулиана, места зимовки Магеллана.

20 августа флот Дрэка, состоявший теперь только из трех кораблей,—так как два корабля пришли в полную негодность и были брошены,—вступил в Магелланов пролив, который со времени Магеллана никем не посещался. Вследствие сильных ветров Дрэк с большим трудом прошел через этот пролив. При выходе из него в Тихий океан флотилия Дрэка была застигнута сильной бурей, которая совершенно разбила один корабль, а несколько дней спустя ветер угнал другой, и Дрэк остался только с одним кораблем. На этом корабле Дрэк добрался до острова

Моша, где хотел оправиться от долгого и бурного путешествия; но не успели англичане высадиться на берег, как на них напали индейцы; в битве двое из англичан были убиты, многие ранены, в том числе и Дрэк. Дрэк был ранен двумя стрелами в голову и ему едва удалось добраться до своего корабля.

От Моша Дрэк направился в гавань Вальпарайзо; здесь он сделал смелое нападение на испанский корабль, нагруженный в Чили винами и слитками золота. Затем Дрэк разграбил самый город Вальпарайзо, жители которого поспешно бежали. Отсюда Дрэк отплыл далее на север. В Коквимбо он встретил значительное сопротивление, заставившее его отступить. В Арике он разбил три небольшие барки, на которых он нашел значительное количество серебра. В порте Лима Дрэк также взял значительную добычу. Здесь он узнал, что отсюда был отправлен несколько дней перед тем корабль в Парау с грузом золота. Дрэк тотчас же бросился в погоню за этим кораблем, догнал его на высоте мыса Св. Франциска и без труда овладел им. Свое занятие Дрэк называл «стрижкой бороды испанского короля». Для поимки Дрэка испанцы снарядили целый флот. Чувствуя себя не в силах бороться против хорошо вооруженного флота, Дрэк решил вернуться в Англию. Перед ним были открыты три пути: пройти снова через Магелланов пролив, или проехать через Тихий океан и обогнуть мыс Доброй Надежды и таким образом добраться до Атлантического океана, или же подняться вдоль берега Китая и возвратиться через Ледовитое море мимо мыса Норд-Кап. Этот последний путь показался Дрэку самым удобным и безопасным, и он направился на север. Достигнув 38° северной широты, Дрэк высадился в бухте Сан-Франциско. Погода в это время стояла уже холодная, и земля была покрыта снегом. Дрэк сообщает интересные подробности о приеме, встреченном им у местных дикарей.

«Когда мы высадились на берег,—пишет Дрэк,—то дикие с большим изумлением смотрели на нас и, очевидно, принимая нас за богов, оказывали нам большое уважение. Все время, пока мы там были, дикари приходили к нам и приносили нам султаны из разноцветных перьев и табак. Прежде чем дать эти вещи, индейцы останавливались вдали, затем они говорили длинные речи в роде воззвания и, когда кончали говорить, клали свои луки и стрелы на землю и приближались к нам, поднося подарки. В первый раз, когда явились индейцы, за ними следовали их жены, которые с громкими воплями царапали и рвали кожу на лице; это нас очень удивляло. Но мы скоро узнали, что это они совершали в честь нашего прибытия».

Дрэк решил отказаться от своего намерения вернуться в Англию мимо северных берегов Азии, так как ранние холода

свидетельствовали, что этот путь будет опасен. Поэтому Дрэк отплыл из Северной Америки по направлению к экватору, намереваясь пройти мимо Молуккских островов и обогнуть мыс Доброй Надежды. На одном из Молуккских островов Дрэк нагрузил свое судно пряностями и с большими предосторожностями совершал плавание к мысу Доброй Надежды, боясь попасть в руки испанцев. В первых числах июня Дрэк обогнул мыс Доброй Надежды, а 3 ноября 1580 года, после отсутствия, продолжавшегося почти целых три года, высадился в Плимуте, привезя добычи более чем на 800.000 фунтов стерлингов. Плавание Дрэка и огромная ценность привезенной им добычи произвели такое сильное впечатление в Англии, что даже королева Елизавета лично посетила Дрэка в Дептфорде, где стояло его судно, и сама посвятила его в рыцари. Дрэк получил приглашение поступить на службу во флот, и под его начальством англичане предприняли несколько экспедиций против испанцев.

Выгоды, полученные Дрэком от его морских грабежей, были так соблазнительны, что многие из его современников занялись, в свою очередь, этим промыслом. Из всех подражателей Дрэка самым выдающимся считается Томас Кавендиш.

Поступив еще в ранней молодости на службу в английский военный флот, Кавендиш приобрел все привычки моряка, и море стало его второй природой. Выйдя со службы, Кавендиш получил каперское свидетельство и решил отправиться в Индию. Возвратившись из этого путешествия с богатой добычей, Кавендиш купил три корабля и нанял сто двадцать человек матросов и солдат. С этим флотом он выехал 22 июля 1586 года из Англии на юг и, добравшись до португальской колонии Сиерра-Леонэ, разграбил этот город. Затем Кавендиш направился через Атлантический океан и спустился вдоль берегов Бразилии до бухты Дезире.

7 января 1597 года Кавендиш вступил в Магелланов пролив и в самой узкой части канала встретил двадцать одного испанца и двух женщин—единственных живых жителей колонии, основанной три года перед тем капитаном Сармиенто под именем Филиппвилля. Этот город, построенный с целью воспрепятствовать проходу через пролив, имел четыре форта. Жители этого города, лишенные всякой возможности заниматься обработкой земли вследствие беспрерывных нападений дикарей, постепенно все умерли от голода и болезней. Оставшиеся в живых двадцать три человека просили Кавендиша взять их с собой и доставить в Испанию или, по крайней мере, в Перу или Чили. Кавендиш, забрав на свои суда несчастных колонистов, изменил название Филиппвилля в Голодный Порт. Под этим именем это место известно и в наши дни. 21 января 1598 года Кавендиш посетил дру-

гую бухту, названную им бухтой Елизаветы, в честь английской королевы.

24 февраля, при выходе из пролива в Южный океан, маленькая эскадра Кавендиша была застигнута сильной бурей, рассеявшей ее. Только 15 марта суда Кавендиша, полуразбитые бурей, вновь соединились около острова Моша, на котором был принят так недружелюбно Дрэк.

30 марта Кавендиш остановился в бухте Квинтеро (под 32° 50′ южн. шир.). Он отправился во главе отряда из 30 стрелков в экскурсию внутрь страны. Атакованный испанцами, Кавендиш был принужден возвратиться на корабли, потеряв десять человек убитыми. Затем Кавендиш произвел нападение на город Параку, Цинху, Писку, Паиту и опустошил остров Пуну, где захватил большое количество золота. Потопив один из своих кораблей вследствие непригодности его к дальнейшему плаванию, Кавендиш на двух судах продолжал свое плавание.

Миновав Воровские (Ладронны) и Филиппинские острова, Кавендиш благополучно достиг мыса Доброй Надежды и 9 сентября 1588 г. прибыл в Плимут после двухлетнего путешествия, привезя с собою большие богатства.

6 августа 1591 г. Кавендиш предпринял новое путешествие. Застигнутый страшными ураганами в Магеллановом проливе, покинутый тремя своими кораблями, Кавендиш вынужден был с полпути вернуться в Англию. Не достигнув берегов своего отечества, Кавендиш умер от истощения и голода. Большая часть его экипажа также погибла, страдая от недостатка провианта. Кавендиш был третьим человеком, совершившим кругосветное путешествие.

Одним из самых крупных английских авантюристов в конце XVI века был также и знаменитый сэр Вальтер Ралей, положивший начало английской колонизации в Америке.

Вальтер Ралей, обладая характером искателя приключений, был в то же время человеком с высшим образованием и во время своих морских набегов ставил себе также и научные цели. В 1585 г. он открыл восточный берег Северной Америки и назвал его в честь королевы Елизаветы — «Виргинией», т.-е. «Земля-девственница».

В течение нескольких лет Ралей плавал вдоль северных берегов Южной Америки, занимался грабежом испанских судов, опустошал испанские колонии и искал место легендарной земли, изобиловавшей золотом—Эльдорадо. По своем возвращении в Англию Ралей издал книгу о своем путешествии. В этой книге действительность перемешана с вымыслом и фантазией. Ралей восторженно описывает области по реке Ориноко и говорит, что в этих местах нет совершенно зимы и почва отличается

большим плодородием. «Мой капитан, — пишет Ралей, — отправленный на поиски рудников, нашел залежи золота и серебра; но так как все его оружие состояло только из меча, то он не имел возможности отделить металлы от камней. Один испанец,

Портрет Вальтера Ралея. (Снимок со старинной гравюры.)

по имени Каракас, сказал, что в этой местности должен находиться рудник Mader del oro (Мать золота). Капитаны Уиддон и Мильган принесли однажды несколько камней, очень похожих на сапфиры; многие из туземцев говорили, что «из таких камней выше по реке есть целая гора».

Один старый кацик, пришедший к Ралею, рассказал ему, что будто бы далеко от берега есть гора из чистого золота. Ралей рассказывает в своей книге, что он хотел увидеть эту гору, но «она оказалась наполовину затопленной разливом, и к ней нельзя было подойти ни пешком ни на лодке. Гора имела форму башни, — пишет Ралей, — и, как мне показалось, была скорее белого, нежели желтого цвета».

Далее в своей книге Ралей приводит совершенно баснословные сведения; он говорит о виденных им великанах, циклопах, описывает людей, у которых глаза находились на плечах, рот — на груди, а волосы росли посередине спины. Все эти сообщения Ралей излагает совершенно серьезным тоном. Благодаря нагромождению в книге Ралея таких нелепостей, действительные открытия Ралея затемняются, и географ-историк с трудом отыскивает и отделяет истину от фантазий пылкого воображения.

Вернувшись в Англию, Ралей не мог, однако, жить спокойной жизнью богатого лорда и снова начал мечтать о заморских приключениях. В это время Англия переживала экономический кризис. Крупные землевладельцы, которым принадлежала почти вся земля в Англии, находили более выгодным для себя не сдавать землю под пашню бедным крестьянам, а обращать ее в луга для пастьбы овец, шерсть которых находила большой сбыт на английские суконные фабрики. В это время Англия была главной поставщицей сукон почти на весь мир, и английские сукна требовались в большом количестве.

Вследствие уменьшения количества пахотной земли среди английского деревенского населения стала быстро расти бедность. Безземельные крестьяне шли в города, но промышленные заведения Англии не могли дать занятие всей огромной армии безработных. Государственные деятели Англии того времени, изыскивая средства для предотвращения взрыва недовольства среди полуголодного населения, пришли к заключению, что лучшим средством для этого может явиться переселение бедняков в другие страны. Благодаря такой мере страна избавится от «нежелательных элементов», не нарушая привилегий и монополий богатых земельных собственников.

Среди горячих приверженцев эмиграции были три брата Жильбер, близкие родственники Вальтера Ралея. Эти братья наметили для колонизации северо-американский берег Атлантического океана, считавшийся владением Англии со времен Кабота. Ралей присоединился к братьям Жильбер и деятельно принялся за колонизацию этих берегов. Однако жизнь колонизатора и земледельческие работы в девственной стране не отвечали темпераменту Ралея, и поэтому вскоре он продал свои права на обширные области в Северной Америке, а сам принялся за

снаряжение эскадры для захвата испанских владений в Америке. Борьба Англии с флотом Филиппа II, с «Непобедимой Армадой», заставляет Ралея временно оставить свой план.

Но вскоре после окончания войны с Испанией, Ралей впадает в немилость у королевы Елизаветы, по приказу которой он был заключен в тюрьму. После освобождения из тюрьмы Ралей поселился в своем замке Шербонне и здесь составил план своего нового путешествия в Америку. Но при восшествии на престол короля Иакова I Ралей принял участие в политическом заговоре и был заключен в тюрьму Тоуэр, где он просидел 13 лет. С целью добиться своего освобождения Ралей сообщил алчному и ограниченному королю, что он знает в Южной Америке богатые залежи золота и предложил королю завладеть этой областью. Король принял предложение, и в 1617 г. Ралей был отправлен в Америку. Но, конечно, ему не удалось найти никаких золотых россыпей, и он был привезен под конвоем в Англию, где его и казнили.

Ралей был последним из авантюристов XVI века, искавших легендарную страну золота—Эльдорадо. После него ни один уже путешественник не верил в существование Эльдорадо, и все пришли к убеждению, что для добычи сокровищ во вновь открытых землях необходим тяжелый труд и упорная деятельность.

Ралей вместе с Дрэком первые обратили внимание в Америке на неизвестное в Европе растение, получившее название картофеля. Ралей и Дрэк вывезли картофель в Англию, и Ралей стал усиленно культивировать его в своих ирландских поместьях. Благодаря ему вскоре картофель распространился по всей Ирландии и сделался национальной пищей ирландцев. Из Ирландии и Англии картофель был вывезен и во все другие европейские страны.

IX.

Кругосветное путешествие Де-Ноорта.

После неудачной экспедиции Барентца, о которой мы говорили выше, голландцы не решались делать новых попыток найти северо-восточный проход в Индию и на острова Пряностей. Однако, все более и более сосредоточивая в своих руках торговлю колониальными товарами, они стремились обойтись без посредничества португальцев. До этого времени голландские купцы удовлетворялись тем, что покупали пряности и товары Индии у португальцев и перепродавали их другим европейским народам; теперь же голландцы решили сами приобрести в свое владение некоторые острова Пряностей или же, по крайней

мере, установить прямые торговые сношения с Индией. С этою целью и была послана экспедиция 2 июля 1598 года.

Начальником экспедиции амстердамские купцы избрали Оливье де-Ноорта, известного в то время мореплавателя. Де-Ноорт избрал путь в страну пряностей через Магелланов пролив, так как плавание мимо берегов Испании и мимо Мыса Доброй Надежды было небезопасно: испанские корабли зорко следили за неприятельскими судами и охраняли путь в Индию и на Молукки.

Достигнув берегов Бразилии, де-Ноорт тщетно искал места высадки и стоянки для отдыха: португальцы всюду встречали голландцев с оружием в руках и не давали возможности высадиться на берег. Страдая от недостатка съестных припасов и пресной воды, голландцы хотели было достигнуть острова Св. Елены, но сильные бури снова пригнали их корабли к берегам Бразилии. После долгих скитаний по океану, де-Ноорт решил зимовать на пустынном острове Святой Клары. После тяжелой зимовки Де-Ноорт направился в конце июня 1599 года на юг. 23 ноября флотилия де-Ноорта была уже в Магеллановом проливе. 20 февраля 1600 года де-Ноорт вышел в Тихий океан, употребив на проход через пролив девяносто девять дней. В Тихом океане флотилия де-Ноорта была разъединена бурями и ветрами, и де-Ноорт остался лишь с одним кораблем и одной яхтой. Он пристал для отдыха к острову Моша, где ему, вопреки ожиданию, был оказан хороший прием.

Отсюда де-Ноорт поплыл вдоль Чилийского берега и там приобрел большое количество съестных припасов, вымениваяих на ножи, топоры, рубашки, шляпы и другие дешевые предметы. Опустошив, разорив и сжегши много испанских поселений на этом берегу и собрав значительную добычу, де-Ноорт узнал, что за ним послана испанцами эскадра с целью поймать его; вследствие этого де-Ноорт направился к Разбойничьим островам, куда и пристал 16 сентября. Оттуда де-Ноорт направился к Филиппинам и затем на Яву. Нагрузив на Яве свой корабль пряностями, де-Ноорт миновал мыс Доброй Надежды и 26 августа 1601 г. благополучно прибыл в Роттердам. Де-Ноорт является четвертым мореплавателем, совершившим кругосветное путешествие в XVI веке.

X.

Завоевание русскими Сибири.—Поход Ермака.—Достижение русскими восточных берегов Азии.—Открытие казаками Охотского моря.

Выше мы видели, что народы Западной Европы, стремясь к богатым странам Востока, искали наиболее короткого пути в Азию в северо-восточном и в северо-западном направлениях.

Открытый Магелланом пролив в южном полушарии мало удовлетворял европейцев, так как путь через этот пролив из Европы в Индию и к восточным берегам Азии требовал много времени. Вот почему англичане и голландцы, жившие в северной половине Западной Европы, особенно настойчиво стремились отыскать морской путь в Индию и в Восточную Азию через север. Все эти попытки потерпели, однако, полную неудачу, и мало-по-малу вопрос о северном морском пути в Китай и в Индию был оставлен.

Но в то время, как европейцы тщетно искали кратчайший морской путь к берегам Восточной Азии, русские, постепенно расселяясь по необъятной равнине восточной Европы, дошли до Урала, а затем, перевалив через него, завоевали Сибирь и уже в половине XVII столетия достигли по суше до берегов Великого океана.

В этом постепенном продвижении русских на восток, «навстречу солнца», играли главную роль, как и у европейцев, причины экономического характера—жажда обогащения. Уже начиная с XIII века новгородские повольники, а затем вообще дружины русских «удалых людей», предпринимали набеги по ту сторону «Большого Камня» (Уральского хребта) с целью грабежа и захвата у сибирских туземцев дорогих собольих, куньих, лисьих и других мехов, а также и з о л о т а. Новгородцы даже положили начало прочной колонизации Сибири, и это владение Великого Новгорода, известное под именем «Югорской Земли», представляло собою большую область, простиравшуюся к северу от слияния реки Оби с Иртышем. С падением Новгорода Югорская Земля вошла в состав Московского царства вместе с землею «самояди»; населявшие эти области дикие туземцы, «югра» и «самоядь», бродили по тундре и вели меновую торговлю с проникавшими туда русскими. Центром меновой торговли была область между Обской губой и низовьями Енисея по реке Тазу. Эта область была известна под именем «Мангазеи»; в конце XVI ст. здесь был основан первый русский город, носивший это же название. Однако правильные и регулярные сношения с Югорской Землей были стеснены тем, что на пути, шедшем из Москвы в Югорскую Землю, лежали враждебные татарские царства—Казанское и Астраханское.

Только после покорения этих царств и присоединения их областей к Москве, т.-е. с половины XVI столетия, когда Волга и Кама стали русскими реками, для русских людей открылась свободная дорога за Урал. С этого времени началось массовое движение русских людей на восток. Но, прежде чем заселить обширные равнины Сибири, русским предстояло уничтожить на своем пути к Великому океану еще одно препятствие. Как известно, в XIII столетии в Азии возникла могущественная им-

перия Чингиз-хана; в состав этой империи входили земли от Ледовитого океана на севере до берегов Великого океана на востоке. После смерти Чингиз-Хана его деспотия распалась на несколько отдельных царств, и одно из них, Искер, или Сибирь, включало в себя все области по реке Тоболу и Иртышу, через которые лежал кратчайший путь из Москвы и с Урала на восток. Необходимо было поэтому так или иначе устранить это царство.

Покорение Иваном Грозным Казани и Астрахани произвело сильное впечатление на царей Сибирского царства. Не имея сил бороться против Москвы, они начали заискивать у нее и даже согласились платить дань соболями. Но лет через двадцать после этого новый царь Сибири Кучум не только прекратил платеж дани, но даже убил послов московского царя. Однако московские цари не могли предпринять похода на Сибирь за дальностью расстояния и поэтому оставили Кучума без наказания. Ободренный успехом Кучум предпринял после этого несколько походов в земли Московского царства, и его орды, переходя через Урал, жгли и грабили пограничные селения в Пермской области. В это время Иван Грозный, не имея средств содержать на далекой восточной границе своего царства крепости и заставы, отдал во владение значительную часть Пермской области купцам Строгановым с тем, чтобы они за свой счет содержали караулы на границе. С этою целью Строгановым царь разрешил строить укрепленные города и нанимать вольные дружины. Вследствие этого к Строгановым потянулись на военную службу казаки с Дона и другие «вольные люди» из Московского царства. С дружинами из таких людей Строгановы не только оберегали Пермскую землю от нападений татар, но и делали дальнейшие завоевания. Они посылали свои дружины на Урал и выпросили разрешение у Ивана Грозного построить на реке Чусовой, недалеко от границы Кучумова царства, «городок, на городке пушки и пищали учинить и пушкарей и пищальников нанять для бережения от нагайских людей и от иных орд».

Укрепившись на реке Чусовой, Строгановы стали мечтать о завоевании земель по реке Тоболу и его притокам. Исполнителем этих стремлений Строгановых явился в XVI веке донской казак Василий Тимофеев Повольский, по прозвищу Ермак [1]). Поступив на службу к Строгановым, Ермак стал мечтать о походе в Сибирь и поэтому, когда Строгановы предложили ему средства и людей для похода в Сибирь, он охотно принял это предло-

[1]) *Ермаком* у донских казаков в то время назывался артельный котел. Василий Повольский ходил одно время бурлаком по Каме и Волге и был в артели кашеваром, за что и получил прозвище «ермак», которое вытеснило его имя Василий.

жение. Собрав семь тысяч человек, Ермак отправился в 1579 году за Урал. Еще не переваливши через Уральские горы, Ермак лишился во время зимовки на Жаровле (между Волгой и Камой) значительного числа своих казаков, умерших от голода и холода. Однако это не остановило Ермака, и уже весною 1580 года он был в пределах Кучумова царства. На реке Туре произошло первое сражение казаков с татарами; войско Ермака состояло всего из двух тысяч человек. Но благодаря огнестрельному оружию Ермаку удалось рассеять огромные скопища Кучумовых войск, и он с горстью своих казаков достиг реки Тобола, на берегах которого нанес вновь несколько поражений татарам. 26 октября 1581 года Ермак со своими казаками взял приступом хорошо защищенный город Искер, или Сибирь, столицу Кучума. После этого Ермак с товарищами «привели татар, вогулов, остяков к шерти» [1]).

Сознавая, что удержать собственными силами всю покоренную страну он не в состоянии, Ермак решил «бить челом и Сибирским царством» московскому царю; с этою целью он послал одного из своих атаманов, Ивана Кольцо, в Москву. Иван Грозный принял дар буйных казаков и послал в Сибирь военных припасов и людей. Помощь была необходима, так как крошечная горсть казаков, бывших с Ермаком, не могла противостоять многочисленным ордам татар. Пока Кольцо путешествовал в Москву, на Ермака было сделано несколько нападений татарами и в 1584 году он вынужден был отдать обратно столицу Искер и при отступлении потонул в реке Иртыше. Немногочисленные остатки его войска принуждены были поспешно спастись за Урал.

С возвращением Ивана Кольцо из Москвы и с прибытием подкреплений русские казаки снова перешли в наступление и в 1587 году столица Сибирского царства снова была взята русскими. После этого Иван Грозный приказал построить в Сибири несколько укрепленных городов и оставил в них сильные гарнизоны. Таким образом возникли города Тобольск, Тара и другие. Тобольск был сделан центральным пунктом всей Сибири и отсюда пошло дальнейшее завоевание. В 1598 году сибирский хан, с успехом державшийся на юге, потерпел решительное поражение и бежал в Центральную Азию, где и пропал без вести. Таким образом был устранен с дороги самый сильный противник, которого русские встретили во всей Северной Азии; после покорения Кучума русские могли почти без всякой помехи завладеть всей громадной областью от Урала до берегов Великого океана.

---

[1]) Шерть—старинная присяга мусульман на подданство.

Это завоевание русские казаки совершили с удивительной быстротой, благодаря отчасти особым географическим условиям страны; Оскар Пешель говорит, «что казаки, перевалив через Уральский хребет, встретили сначала такие же физические условия, как и у себя на родине, а именно, обширные равнины, поросшие местами лесом и травой. Огромная Сибирская равнина, которая постепенно опускается к Северному Ледовитому океану, прорезывается тремя большими реками: Обью, Енисеем и Леной с их притоками , едва не сливающимися друг с другом. Так, по реке Оби и ее притоку, реке Кеть, можно проникнуть почти до Енисея, а от Енисея по верхней Тунгузке—до Илима, который ведет далее к Лене. Лена на значительном протяжении течет в северо-восточном направлении и скоро, повернув на север, принимает в себя Алдан; по Алдану нужно подняться до реки Маи, чтобы попасть к истокам Юдомы, отстоящей лишь на один день пути от речек, впадающих уже в Охотское море. Таким образом, добавляет Пешель, сама природа как бы позаботилась об удобстве завоевателей и приготовила им водный путь от Оби до Великого океана. На своей же родине русские с древних времен научились пользоваться такими водными путями. Пространство суши между двумя речными системами они проходили пешком, перетаскивая или «волоча» за собою лодки. Там же, где лодки становились слишком тяжелой обузой, они бросали их и затем у ближайшей новой реки строили новые».

Уже через пятьдесят лет после первого смелого натиска Ермака, русские достигли далекого восточного края Азии, найдя таким образом дорогу из Европы в Китай.

Впрочем, еще до завоевания Сибири Ермаком московское правительство делало попытки отыскать путь в Сибирь и в «великое Китайское царство, в котором родится всякий дорогой камень и золото»; так, в 1567 г. Иван Грозный отправил казацких атаманов Петрова и Елычева на восток «проведывать Китайское государство и Мунгальскую страну», к владетелям которых Грозный послал дружественные грамоты. Петров и Елычев пробыли в путешествии два года и благополучно вернулись в Москву, составив «сказку» о виденных им землях. По их словам, они добрались до Пекина, хотя богдыхана им и не удалось увидать, так как к нему «не с чем было явиться: не было подарков».

В 1616 г. в Китай было послано посольство атамана Василия Тюменца «с товарищи». Тюменец добрался лишь до владений монгольского хана Алтына, который любезно принял казаков и у которого Тюменец «ел» несколько раз. Через посредничество Алтын-хана в 1618 г. из Китая был впервые ввезен в Россию чай.

В 1618 г. из Тобольска через Монголию совершили путешествие в Китай два казака «Ивашка Петлин и Андрюшка Мундов», которые пробыли в пути целых три года.

Казаки постепенно подвигались по великой Сибирской равнине и в 1618 г. достигли уже реки Лены. Наконец в 1639 году казак Иван Москвитин через Алдан, Маю и вверх по Юдоме перевалил через водораздел Великого океана, и первый из европейцев достиг берегов Восточной Азии и Охотского моря. О некоторых выдающихся путешествиях и открытиях русских казаков в Северной Азии мы скажем несколько подробнее ниже, когда будем говорить о путешественниках и исследователях XVII века. Здесь же, заканчивая эту главу, мы добавим, что завоевание Сибири и открытие берегов Восточной Азии было первым подвигом русских в географической области.

XI.

Путешествие Герберштейна в Московию.—Значение путешествия Герберштейна для географической науки.

В то время как внимание испанцев, португальцев, французов, англичан и голландцев было обращено всецело на Америку и на страны востока—Индию и Китай, народы средней Европы, германцы, в XVI веке стали интересоваться ближними восточными странами.

В это время на востоке Европы, как мы уже сказали выше, росло и крепло обширное Московское государство. Московские князья, объединив под своею властью разрозненные удельные княжества и свергнув иго татар, ставили перед собою широкие цели, и это начинало беспокоить их западных соседей—королей Польши и Литвы. Особенно боялись роста могущества Московского государства короли Польши, владевшие обширными областями с русским населением, которые цари московские решили присоединить к своим владениям. Вследствие этого между Москвой и Польшей происходили в XV и XVI веках неоднократные войны. Польские короли в борьбе с московскими царями нередко прибегали за помощью и содействием к германским императорам и в начале XVI века германский император Максимилиан послал даже в Москву особое посольство с целью устроения мира между Москвою и Польшею. Во главе этого посольства находился «вольный барон» Сигизмунд Герберштейн, которому было поручено начальство над этой экспедицией, потому что он был хорошо знаком с славянским языком.

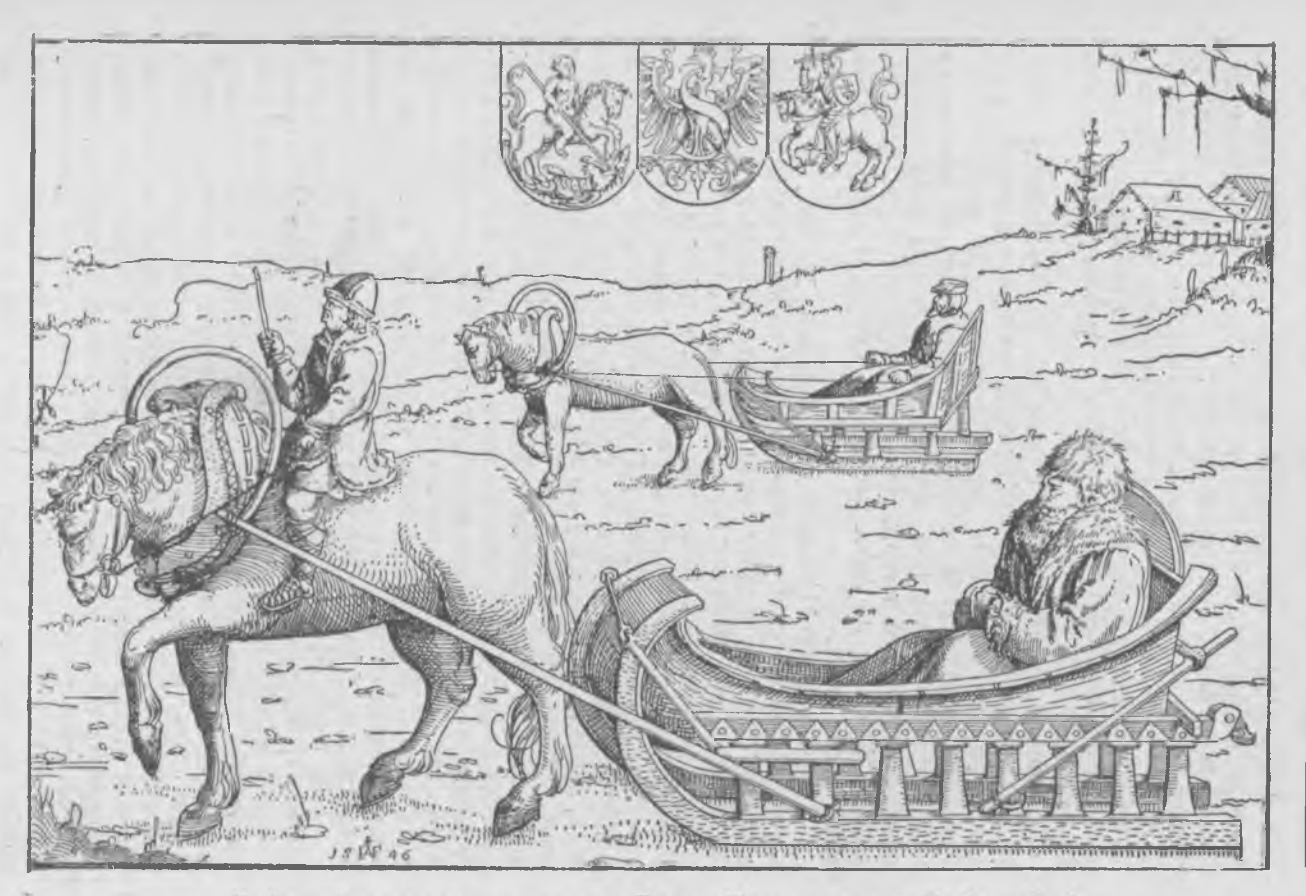
Барон Герберштейн, родившийся в Крайне, где значительную часть населения составляют «словены», уже в юности из-

учил «словенский» язык; знакомство с этим языком доставляло ему много горя в молодости, так как германцы презрительно относились к славянам и Герберштейна часто называли «склавом», что по-немецки означает в одно и то же время и «славянин» и «раб». Но зато впоследствии, при путешествии в Россию, это знание языка принесло огромную пользу не только самому Герберштейну, но и науке.

Путешествие в Россию в XVI столетии представлялось для жителей Западной Европы делом в высшей степени трудным и рискованным. В Европе XVI века имели крайне преувеличенные и неблагоприятные сведения о суровости русского климата и о русских нравах и обычаях. Путешествие в Россию рассматривалось как предприятие, перед началом которого необходимо было устроить все свои земные дела и приготовиться как бы к путешествию на «тот свет». Только после таких приготовлений Герберштейн с своими спутниками выехал 14 декабря 1516 года из Германии в Россию. 4 марта 1517 года он прибыл в Вильну, где был принят польским королем. В нашу задачу не входит описание дипломатической деятельности Гербертштейна, и мы здесь ограничимся лишь чисто географической стороной посольства Герберштейна. 14 марта Герберштейн выехал из Вильны, а 18 апреля был уже в Москве, где 21 числа того же месяца получил аудиенцию у московского князя Василия Иоанновича.

Герберштейн прожил в России семь месяцев и за это время тщательно изучил жизнь русских людей того времени и, кроме того, познакомился с географией России. Все свои наблюдения он изложил в объемистом труде, опубликованном им на латинском языке в 1549 году под названием: «Rerum moscovitarum commentarii». (Записки о московитских делах...). Это сочинение Герберштейна является первой книгой, посвященной России и ее географии. Она произвела сильное впечатление в Европе и пробудила интерес к малоизвестной до того времени стране.

Герберштейн посещал Россию еще в 1525 г., и за время этого вторичного путешествия он мог значительно пополнить и проверить собранные им во время первого путешествия материалы. Собирал он их на этот раз тем усерднее, что получил от эрцгерцога австрийского особую инструкцию по изучению вопроса о религии русских и обрядовой ее стороны. Книга Герберштейна является драгоценным источником не только для русской истории, но и для географии. Герберштейн довольно подробно описывает Московское государство в географическом отношении и сообщает ценные сведения. Здесь мы в кратких словах передадим его «хорографию государства и владычества великого князя московского».

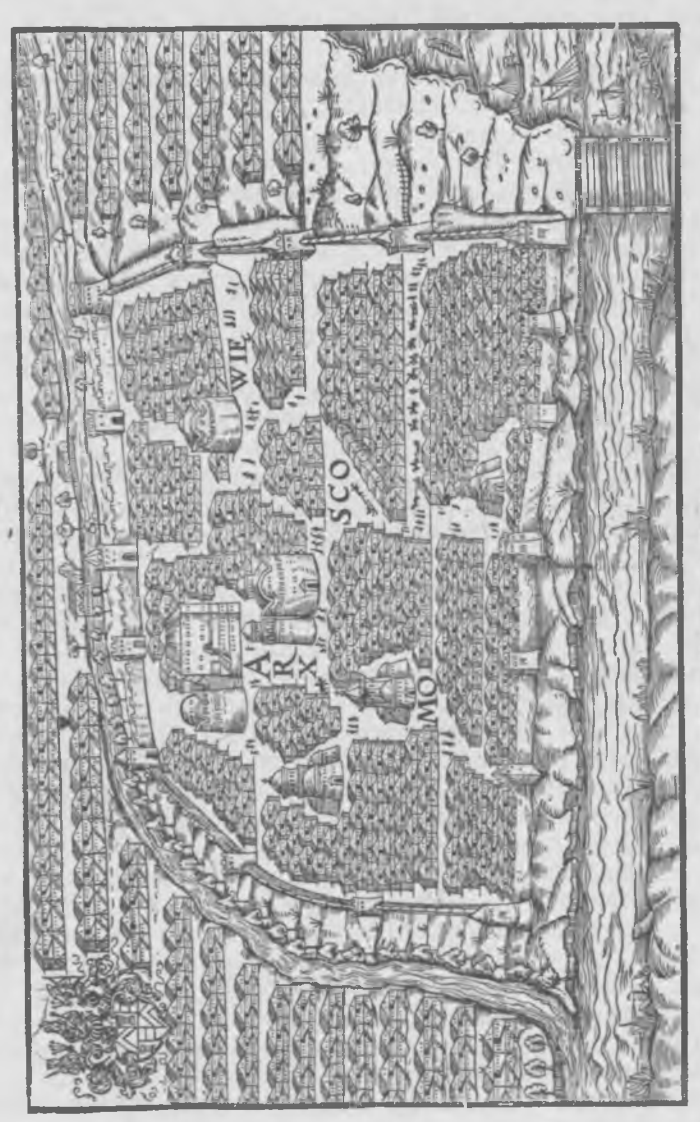
Герберштейн во время путешествия по России. (Рисунок из книги Герберштейна.)

«Область Московского государства представляет обширную равнину, покрытую лесами и пересекаемую во всех направлениях большими реками, обильными рыбою. Реки эти, разливаясь от тающего весною снега и льда, во многих местах превращают поля в болота, а дороги покрывают стоячей водой и грязью, не просыхающей до следующей зимы, когда лютый мороз опять постелет по болотам ледяные мосты и сделает дорогу по ним безопасной».

Главные произведения страны, по Герберштейну, —хлеб, лес, мед, воск и меха. Сосны в лесах московских величины невероятной, так что одного дерева достаточно на мачту самого большого корабля. В Московии нет ни винограда, ни маслин, ни даже вкусных яблок, ибо все нежные растения истребляются холодным северным ветром. Но несмотря на суровость климата, поля в Московии покрыты пшеницею, просом и другими хлебными растениями.

Главная река Московского княжества, Москва, берет начало в Тверской области, верстах в семнадцати от Можайска, недалеко от места, называемого Олешно; протекши отсюда девяносто верст, она достигает города Москвы и, приняв в себя несколько рек, впадает на востоке в Оку; в шести верстах выше Можайска река Москва начинает быть судоходной. Говоря о климате Московского княжества, Герберштейн пишет, что холода в Москве бывают так сильны, что земля трескается от мороза; вода, пролитая на воздухе, слюна, выплюнутая изо рта, замерзают прежде чем падают на землю. В 1525 году люди и скот мерзли в окрестных деревнях Москвы и по дорогам; медведи, гонимые холодом, выходили из лесов, врывались в селения и забирались в избы. Таким морозам зимою соответствуют летом жары: так, в 1525 году летом все погорело от жары, и такая сделалась дороговизна, что начали платить по 20 и 30 денег за вещь, которая прежде стоила три деньги; леса и поля загорались от жары, дым стлался повсюду, и многие потеряли от него зрение.

Сам город Москва, говорит Герберштейн, деревянный и довольно обширный; издали он кажется еще обширнее, чем на самом деле, потому что большие сады и дворы при каждом доме увеличивают пространство города; кроме того, на конце его находятся жилища кузнецов и других мастеров, для которых необходим огонь, и между этими жилищами расстилаются луга и поля. Недалеко от города находятся монастыри, из которых каждый издали кажется городом. Улицы в некоторых местах загорожены рогатками, при которых находятся сторожа, имеющие обязанность наблюдать, чтобы никто не ходил ночью после урочного часа; если кого поймают в запрещенное время, то бьют, грабят или сажают в тюрьму, исключая людей известных и по-

План Москвы по Герберштейну.

четных, которых сторожа провожают до дому. Москва очень грязный город. В городе есть крепость, построенная из кирпича, которая, с одной стороны, омывается рекой Москвой, а с другой— Неглинкой. Крепость так велика, что, кроме обширных и великолепных каменных палат великокняжеских, заключает в своих

степах дом митрополита, дома князей и вельмож и много церквей.

После Москвы Герберштейн описывает Владимир-на-Клязьме, Нижний-Новгород, Рязань, Тулу, Калугу, Каширу, Можайск, Вязьму, Дорогобуж, Тверь, Новгород, Старую Руссу, Псков, Дмитров, Ярославль, Углич, Переяславль, Вологду, Устюг и многие другие города. Герберштейн перечисляет также все значительные русские реки и первый из писателей-европейцев сообщает о реке Оби, берущей начало, как он пишет, «из Китайского озера». Эта река, говорит он, очень широка, и ее едва можно переплыть в целый день. По Оби живут племена вогулов и угров. Поднимаясь вверх по Оби, в три месяца достигают устьев реки Иртыша, в который впадает Сосва. От устьев Иртыша, говорит Герберштейн, до крепости Грустины два месяца пути; от Грустины до озера Китай более трех месяцев пути. От этого озера приходят в весьма большом количестве черные люди, не говорящие обыкновенным языком; они приносят разные товары, особенно жемчуг и драгоценные камни, покупаемые у них грустинцами и серпоновцами. Эти последние получили свое название от крепости Серпонова, находящейся в Лукоморье на горах, за рекой Обью. С людьми же Лукоморья, как говорят, случается нечто удивительное, невероятное и весьма похожее на басню; именно, говорят, будто каждый год, и притом в определенный день 27 ноября, они умирают, или, скорее, засыпают, а на следующую весну, чаще всего к двадцать третьему апреля, они, наподобие лягушек, оживают снова. Народы грустинцы и серпоновцы ведут с жителями Лукоморья необыкновенную и неизвестную в других странах торговлю. Именно, когда наступает для жителей Лукоморья время их умирания, или засыпания, они складывают свои товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы приезжают зимою сюда со своими товарами, и свои товары оставляют на границах Лукоморья, а товары жителей Лукоморья увозят с собой. Весною жители Лукоморья, возвратясь опять к жизни, приходят за товарами и если видят, что их товары увезены по слишком несправедливой оценке, то требуют их обратно. От этого между ними возникают частые споры и войны».

Говоря о Лукоморье и его жителях, Герберштейн добавляет, что все эти сведения он списал из «Русского Дорожника». «Лукоморье,—пишет Герберштейн,—суть приморская лесистая область в горах, которые расположены вокруг реки Печоры и называются русскими—«Земной Пояс», то-есть пояс Мира или Земли. Недалеко от Лукоморья находится татарское царство Тюмень. Герберштейн говорит далее, что на северо-восток от Москвы, на западной стороне гор Земного пояса (Урал) лежит великая и обширная область Пермин, с главным городом того же названия.

Карта России, составленная Герберштейном.

По причине частых болот и рек, сухим путем в Пермию можно добраться только зимою, летом же этот путь легче совершить на судах через Вологду, Устюг и реку Вычегду, которая в двенадцати милях от Устюга впадает в Двину.

По ту сторону гор Земного пояса лежит область Югры. Это та Югария, добавляет Герберштейн, из которой некогда вышли угры или венгры и заняли Паннонию и, под предводительством Атиллы, покорили много областей Европы.

Заканчивая наш обзор путешествия Герберштейна по Московии, мы считаем нелишним познакомить читателей с главою из книги Герберштейна, носящей название «Плавание по Ледовитому морю». В этой главе Герберштейн описывает плавание по Ледовитому морю некоего Григория Истомы, бывшего во время посещения Герберштейном Москвы толмачом при дворе великого князя московского. Этот Григорий Истома, которого Герберштейн называет «человеком дельным и знающим латинский язык», рассказал Герберштейну о своем путешествии из устья Северной Двины в Копенгаген кругом северных берегов Швеции и Норвегии. Свое плавание по Ледовитому морю Григорий Истома совершил в 1496 году, то-есть гораздо ранее англичан и голландцев объехал Европу с севера.

Григорий Истома был послан в 1496 году великим князем московским к королю Дании, но так как в это время Швеция отложилась от короля Дании, и московский князь был в несогласии со шведами, то Истома не решился ехать в Данию обычным путем через Балтийское море, а избрал другой, более длинный, но зато более безопасный путь через Ледовитое море. Истома говорит, что он с товарищами добрался из Новгорода к устьям Двины, испытав на этом пути большие затруднения. Затем на Двине они построили четыре барки и, держась в плавании правого берега океана, видели там высокие и неприступные горы; наконец, проехав какой-то залив, они приплыли к левому берегу. Оставив справа обширное море, Истома на своих судах добрался до берегов Финнлаппии. Хотя жители этой земли живут разбросанно вдоль моря в низких хижинах и ведут почти звериную жизнь, однако они гораздо более кротки, чем дикие лопари. Истома объявил эту область владением московского князя и обложил жителей данью.

Оставив затем землю лопарей и проплыв восемьдесят миль, Истома достиг страны Нортподен, подвластной королю шведскому. Русские называют ее Каянской землей, а жителей ее—каянцами. Отсюда, объехав с большим трудом изрезанный берег, который тянулся вправо, Истома прибыл к одному мысу, который он называет Святым Носом. Этот Святой Нос представляет огромную скалу, выдающуюся в море. Под этой скалой находится

большая пещера, которая каждые шесть часов поглощает море, а другие шесть часов с большим шумом извергает воду обратно. Одни называли эту пещеру пупом земли, а другие — Харибдой. Сила же этой пучины настолько велика, что она притягивает корабли и другие предметы, находящиеся поблизости, крутит их и поглощает.

По словам Истомы, он никогда не находился в большей опасности, чем в то время, когда он плыл мимо Святого Носа. «Ибо,—

Русский корабль в Ледовитом океане. (Со старинной гравюры XVI века.)

говорит Истома,—когда эта пучина стала внезапно и сильно притягивать к себе корабль, на котором мы ехали, то нам едва удалось спастись, оказав с великим трудом сопротивление веслами». Пройдя мимо Святого Носа, Истома прибыл к какой-то скалистой горе, которую надлежало обогнуть. Когда суда Истомы были задержаны около этого места бурею, то корабельщик сказал Истоме: «Эта скала, которую вы видите, называется Семь, и если мы не умилостивим ее каким-нибудь даром, то нам не легко будет пройти мимо нее». Истома, по его словам, упрекнул корабельщика за пустое суеверие. Тот после упреков замолчал,

и буря задержала их там на целых четыре дня, а затем ветер успокоился, и корабли отплыли. Когда они ехали уже при попутном ветре, то корабельщик сказал: «Вы издевались над моим предложением умилостивить гору Семь, как над пустым суеверием, но если бы я ночью не взобрался тайно на гору и не умилостивил бы ее, то мы никогда не обогнули бы этот мыс». На вопрос Истомы, что он принес в жертву горе, корабельщик ответил, что он насыпал на вершине горы немного овсяной муки с маслом.

При дальнейшем плавании экспедиция встретила еще огромный мыс, в виде полуострова, по имени Мотка, на оконечности которого находится крепость Вардэтуз, что значит караульный дом, ибо короли Норвегии имели здесь воинский караул для охраны границ. По словам Истомы, этот мыс настолько далеко вдается в море, что его едва можно обогнуть в восемь дней. Чтобы не замедлять этим препятствием своего пути, они с великим трудом перетащили на себе свои суда и провиант через узкий перешеек и снова поплыли на запад. После этого они приплыли в страну дикилаппов, которые суть не что иное, как дикие лопари, а затем суда Истомы остановились в местности Дронт (Тронтгейм). По утверждению Истомы, государь Московии обыкновенно взыскивает подать вплоть до сих мест.

Отсюда Истома с товарищами, покинув свои барки, поехали по суше на санях и прибыли в город Гафнию, столицу Дании, называемую германцами Копенгаген. Рассказывая о своем путешествии Герберштейну, Истома сообщает ему сведения о северных оленях, о жизни лопарей и говорит, что у Дронта и Бергена в летнее солнцестояние день имеет двадцать два часа. Интересные сведения передает Истома Герберштейну и относительно моржей. Он говорит, что около устьев реки Печоры, находящихся вправо от устьев Двины, в океане водятся большие и разнообразные животные, и между ними некое животное величиною с быка, называемое тамошними жителями моржом. Ноги у этого животного коротки, как у бобров, грудь, по сравнению с размерами остального туловища, несколько выше и шире, а два верхние зуба далеко выдаются наружу. Это животное, ради размножения и отдыха, покидает с другими однородными с ним животными океан и стадами стремятся на горы. Здесь, прежде чем предаться слишком крепкому сну, животные выбирают из своей среды сторожа, подобно журавлям. Если этот сторож заснет или случайно будет убит охотником, то в таком случае остальных животных можно легко захватить; если же сторож во-время заметит охотника, то он подает сигнал ревом, и все стадо тотчас же пробуждается; моржи, прижав свои ноги к зубам, с величайшей скоростью, как в санях, скатываются с горы и устремляются в океан, где они обыкновенно отдыхают, взбираясь на поверхность пла-

вающих льдин. Охотники убивают моржей ради одних только их зубов, из которых московиты, татары, а, главным образом, турки искусно приготовляют рукоятки мечей и кинжалов.

«Ледовитое море,—прибавляет Герберштейн,—простирается на далекое пространство за Двину вплоть до устьев Печоры и Оби. За этими реками, как говорят, находится страна Енгронеландт. Я слышал,—добавляет Герберштейн,—что она отделена от сношений или торговли с людьми наших стран как по причине высоких гор, которые твердеют, покрытые постоянно снегом, так и по причине плавающих в море льдов, и потому неизвестна».

«Записки» Герберштейна имели большое влияние на развитие географической науки. Прежде всего Герберштейн значительно обогатил географическую номенклатуру и познакомил европейцев с названиями многочисленных русских рек и городов. Благодаря его сочинению мир узнал также о существовании значительного числа финских и иных племен, населявших леса и степи России, как, например, мордвы, чувашей, черемисов, вогулов и т. д. Герберштейн впервые упоминает Белое море, как часть Северного Ледовитого океана; он исправил большую географическую ошибку древности относительно цепи Рипейских гор, проходящих с запада на восток по русской земле. Герберштейн первый осмелился утверждать, что этих гор не существует. и на место их поместил гораздо правильнее проходящий с севера на юг Уральский хребет. Герберштейну русское землеведение обязано одной из первых новых карт России, на которой Герберштейн поместил все значительные города России того времени. Немаловажная заслуга Герберштейна заключается и в том, что он, по его собственным словам, пользовался русскими названиями при обозначении местностей и рек; благодаря этому в географической науке прочно усвоились с первого же раза многие коренные русские названия. Сочинением и картами Герберштейна пользовались все выдающиеся географы XVI века, и знаменитые картографы той эпохи—Ортелиус и Меркатор—широко пользовались данными Герберштейна при составлении своих географических атласов. Записки Герберштейна были переведены в свое время почти на все европейские языки, и далекая Московия, благодаря книге Герберштейна, перестала быть неведомой страной. Один экземпляр первого издания «Записок» Герберштейна был приобретен в свое время русским правительством, и в настоящее время эта редкая книга хранится в Ленинградской Публичной Библиотеке[1]).

[1]) Книга Герберштейна несколько раз переводилась и на русский язык; первый русск. перевод был сделан еще в 1748 г., но переводчик, представляя свою рукопись Академии Наук, просил: «переведенную книгу приказать в сокровенном месте хранить; ради многих содержащихся в оной секретов».

XII.

Состояние географической науки в конце XVI века.—Влияние великих географических открытий на прогресс географической науки.—Себастьян Мюнстер и его «Всеобщая Космография».—Авраам Ортелиус.—Герард Меркатор.

Географические открытия XV и XVI столетий должны были оказать огромное влияние на развитие географической науки. После открытий Колумба, Васко-де-Гамы, Америго Веспуччи и Магеллана представление людей о Земле совершенно изменились, и оказалось, что все прежние учения географов не соответствовали действительности. Вследствие этого уже после откры-

Морское чудовище. (Рисунок из книги XVI века «Космография», Мюнстера.)

тия Колумбом Нового Света появляются попытки создать новые космографии и составить карты. Выше мы уже упоминали о труде Гилакомилуса, издавшего в 1507 году книгу «Космография», в которой впервые упоминается о материке Нового Света и применяется к этому материку название Америки. Что же касается географических карт, то первоначально делались исправления на старых картах Птоломея, но в половине XVI века, после всех великих открытий, эти карты совершенно не соответствовали действительности, и поэтому являлась насущная потребность заново переработать все географические карты. Эту задачу в половине XVI века выполнил блестяще фламандец Авраам Ортелиус, составивший свой знаменитый «Theatrum orbis terrarum». Об Ортелиусе мы скажем несколько подробнее ниже, здесь же мы перейдем к рассмотрению другого произведения

XVI века, а именно «Всеобщей Космографии» Себастьяна Мюнстера.

«Всеобщая Космография» Себастьяна Мюнстера, напечатанная в Базеле в 1541 году по-немецки, а в 1552 году—по-французски, была первой книгой, которая пришла на смену древней «Географии» Птоломея. «Всеобщая Космография» Мюнстера нашла широкое распространение во всех странах Европы и более века была почти единственной книгой по географии. Если несколько позднее и появлялись другие «Космографии», то это в большинстве случаев были или подражания «Космографии» Мюнстера, или просто ее переделки.

«Всеобщая Космография» содержит в себе описание всех известных в XVI веке стран; Мюнстер говорит также о растениях, о животных и людях, населяющих эти страны, он описывает род занятий жителей, города, историю государств, нравы и обычаи. «Всеобщая Космография» Мюнстера представляет объемистый том в 1100 страниц in-folio, иллюстрированный многочисленными картами и рисунками, гравированными на дереве. В течение целых ста лет «Космография» Мюнстера выдержала сорок четыре издания и была переведена почти на все европейские языки. Несмотря на весь прогресс географических знаний, Мюнстер в своей «Космографии» не мог, однако, освободиться от древнего представления о дальних странах и, описывая малоизвестные области, населял их различными фантастическими людьми и чудовищами. Географические карты, помещенные в «Космографии» Мюнстера, также немногим отличаются от прежних среднеевковых карт из книг Птоломея и Гилакомилуса (Вальдземюлера).

Вот почему труд фламандского космографа Авраама Ортелиуса в области картографии был предприятием огромной важности и послужил началом современной картографии.

Авраам Ортелиус, уроженец города Антверпена, занимался географией, много путешествовал по Европе и составил первый атлас географических карт. Этот атлас, под названием «Theatrum orbis terrarum», был напечатан в Антверпене в 1570 году в типографии Плантена.

Атлас Ортелиуса состоял из семидесяти карт большого формата, сопровождаемых объяснительным текстом. Карты Ортелиуса очень тщательно были выгравированы на меди и давали точное понятие о состоянии географических знаний в 1570 году. На карте полушарий материки Старого и Нового Света изображены со всеми подробностями, но их очертания еще не соответствуют действительности. В эпоху Ортелиуса признавали существование обширного материка Южной Земли, и поэтому на картах Ортелиуса мы видим этот таинственный материк,

оконечностями которого является, с одной стороны, Огненная Земля Южной Америки, а с другой—Новая Голландия (Австралия). Точно так же на картах Ортелиуса мы видим большой материк, помещенный в северо-полярной области.

Но, несмотря на все неточности и ошибки, атлас Ортелиуса оказал огромное влияние на развитие географических познаний. Все мореплаватели XVI века и начала XVII столетия пользовались атласом Ортелиуса.

Карта Америки из «Космографии» Себастьяна Мюнстера 1550 года.

Ортелиус, знавший хорошо географию своего времени, составил также сочинение «Synonymia geographica», напечатанное в Антверпене в 1578 году. Этот труд Ортелиуса представляет собою словарь всех географических названий с объяснением их значения и смысла. Для этого сочинения Ортелиус пользовался многочисленными источниками Средних веков, а также сочинениями древнегреческих и римских писателей. Это сочинение Ортелиуса еще не утратило своего значения и в наши дни.

Большое усовершенствование внес в картографию другой фламандец XVI века Герард Кремер, более известный по своему латинизированному прозвищу Меркатор, друг Ортелиуса, космограф и в то же время гравер. Герард Меркатор изобрел способ чертить географические карты в особой проекции, которая и до сих пор называется «меркаторской». Меркатор начал изображать на своих картах меридианные линии перпендикулярно экватору

Герард Меркатор.

и параллельным кругам. Чтобы сохранить действительное соотношение широт, Меркатор, оставляя на своих картах градусы долготы одинаковыми, увеличивал расстояние между градусами широты в известной пропорции. Хотя благодаря такому способу черчения карт контуры стран по мере удаления от экватора к полюсам сильно растягиваются, а по мере приближения к полюсу становятся совсем несоответственными действительности, тем не менее, эта проекция обладает очень важным для моряков качеством—постоянством угла, образуемого направлением движу-

щегося судна (курса корабля) со всеми меридианами, чего не дает никакая другая проекция; вследствие этого моряки еще и теперь употребляют карты в меркаторовской проекции.

Меркатор выгравировал сам лично и издал в 1595 году собрание географических карт под названием «Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi ef fabricati figura». Это название собрания географических карт «Атласом» по имени мифического великана Атланта, держащего землю. сделалось вскоре нарицательным и употребляется и теперь.

Кабинет ученого космографа XVI века.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Путешествия и географические исследования XVII века.

I.

Период отдельных географических проблем.—Подробное исследование уже открытых стран.—Путешествия европейских миссионеров.

С точки зрения географической науки XVII век по своему характеру является совершенно противоположным предъидущему столетию. Если предшествовавший XVI век можно назвать веком великих географических открытий, то XVII столетие можно охарактеризовать как период отдельных географических проблем. Действительно, большинство путешествий и географических экспедиций, предпринимавшихся в это столетие, имели целью разрешение отдельных географических вопросов, хотя иногда эти экспедиции и сопровождались важными географическими открытиями.

XVII век в географическом отношении противоположен также и последующему XVIII столетию. В то время, как в XVIII веке исследователи начинают уже применять научные методы и приемы, в XVII столетии путешественники и мореплаватели в сво-

их описаниях касаются лишь более анекдотической стороны; говоря о нравах и обычаях народов, о произведениях какой-либо страны, путешественники не останавливаются на серьезном изучении жизни народов и описывают лишь то, что затрагивает их любопытство. Исследователь XVII века—поверхностный наблюдатель. Он торопится описать все страны, открытые в XVI веке, и не думает посвятить себя серьезному и всестороннему изучению новых областей.

Роскошь и богатства, распространившиеся в Западной Европе после открытия Америки и богатых островов Пряностей, не замедлили вызвать в Европе большой экономический кризис. В то время, как многие купцы и промышленники богатели и накапливали огромные состояния, народные массы беднели и превращались в пролетариев. Многие из этих неимущих людей, соблазненные рассказами о богатых и обильных заморских странах, покидают свою родину и направляются в далекий Новый Свет. Так, в XVII веке создались Новая Англия, Новая Франция, Новая Голландия, Новая Испания.

Вслед за колонистами-земледельцами и за искателями приключений в новые страны направились миссионеры. Миссионеры начинают первые изучать подробно новые области и описывают их. Путешествия миссионеров составляют одну из наиболее характерных черт XVII столетия. Описания миссионеров способствовали в очень сильной степени развитию географических знаний. Действительно, путешественник или завоеватель только проходил по стране, миссионер же жил в ней—и иногда очень долгие годы; ему, конечно, гораздо легче было познакомиться с историей и культурой изучаемых народов, и совершенно естественно, что многим миссионерам мы обязаны весьма подробными рассказами о новых странах.

Выше мы уже упоминали о самоотверженной деятельности в XVI веке доминиканского монаха, испанца Лас-Казаса, оставившего нам капитальный труд «История Индий». После него дело продолжали другие испанские миссионеры, объехавшие самые отдаленные области Южной Америки. В свою очередь, португальские миссионеры, после завоевания португальцами Малабарского берега и Малакки, начали исследования в Индии и в Восточной Африке, где они доходили до Абиссинии. Из числа этих миссионеров, деятельность которых имела влияние и на развитие географической науки, следует упомянуть о монахах Паэце и Лобо.

Паэц, поселившийся сначала на Малабарском берегу, переправился в Восточную Африку и проник в Абиссинию. Из Абиссинии Паэц добрался до истоков Голубого Нила и дал превосходное описание этой области.

Иероним Лобо высадился в 1625 году в Абиссинии вместе с Альфонсом Менезесом, патриархом эфиопским. Вскоре после его прибытия против белых пришельцев в Абиссинии вспыхнуло движение, многие миссионеры были изгнаны, захвачены, заключены в тюрьмы и проданы туркам. Лобо написал для папы небольшое сочинение об Эфиопии.

На берегу Атлантического океана, в Конго, вскоре после открытия страны португальцами, появились монахи-доминиканцы; но так как они не имели большого успеха, то папа, с согласия короля Португалии, послал в Африку итальянских миссионеров. Это были Карл Плаченца с товарищами, посланный в 1667 году, Жан Антонио Кавацци, бывший в Африке от 1654 до 1668 года, затем Антонио Зукчелла и Гридиска. Мы называем имена только этих миссионеров, так как они издали записки о своих путешествиях. Кавацци первый исследовал Анголу.

Следуя общему стремлению к колонизации новых стран, французы в начале XVII века, кроме колонизации Канады, укрепились на острове Святого Христофора, а затем захватили Гваделупу, Мартиник, Гренаду, Доминик и Сан-Доминго (Гаити). Кроме того, Франция заняла область на западном берегу Африки, у устья реки Сенегала. Благодаря искусному управлению коменданта и главного правителя французской королевской компании на берегах Сенегала—Андре Брю, французы скоро колонизовали эту область.

На юго-востоке Африки французы в первую половину XVII века основали несколько факторий на острове Мадагаскаре, известном долгое время под именем острова Святого Лаврентия. В 1649 году они завладели Маскаренскими островами. Впрочем, путешествия внутрь Мадагаскара были чрезвычайно редки, и только в наше время французы приступили к серьезному исследованию этого острова.

В XVII веке миссионеры были единственными путешественниками в Индо-Китай и Тибет. Нельзя пройти молчанием такие имена, как имена Александра Род, Антония Андрада, Авриля и Бенедикта Гоеца. Сочинения этих миссионеров заключали в себе много сведений, и теперь еще не лишенных интереса, о странах, которые были так долго скрыты от европейцев. В Кохинхине и Тонкине миссионер Ташар занимался астрономическими наблюдениями, результат которых показал, насколько ошибочны были определения долгот, данные Птоломеем для этих областей. Наблюдения Ташара заставили картографов и космографов XVII века изменить графические изображения стран крайнего востока и указывали на необходимость более точных наблюдений, которые могли бы быть сделаны учеными специа-

листами и мореплавателями, хорошо знакомыми с астрономическими вычислениями.

Страна, особенно соблазнявшая европейских миссионеров, куда они начали стремиться, несмотря на трудные условия, был Китай—эта обширная, многолюдная империя, которая, с тех пор как европейцы проникли в Индию, одна упорно старалась не впускать в свои пределы чужестранцев. Только в конце XVI века несколько миссионеров получили разрешение проникнуть в Небесную Империю. Сведения миссионеров по математическим наукам и астрономии облегчили их пребывание в стране и дали возможность собрать частью по древним летописям Китая, частью во время путешествий самих миссионеров, множество сведений, крайне важных для истории, этнографии и географии Китая. Из миссионеров, особенно тщательно изучавших жизнь Китая в XVII столетии, следует упомянуть Мендозу, Риччи, Триго, Визделу, Леконта, Вербиеста, Наварета, Шалля и Мартини.

II.

Голландцы в Ост-Индии.—Экспедиция Лемера и Схоутена.—Географические открытия Абеля Тасмана.

В предыдущей главе мы уже упоминали о том, что в XVI веке на арену мировой истории выступил новый народ—голландцы. В конце XVI столетия голландцы сосредоточили в своих руках почти всю торговлю заморскими товарами, и их суда можно было встретить во всех гаванях мира; голландские коммерсанты всюду вытеснили не только испанцев и португальцев, но и венецианцев и генуэзцев. Столица Голландии, или, как тогда называли эту страну, Нидерландов, город Амстердам сделался складочным местом колониальных товаров для всей центральной Европы.

Португальцы безуспешно боролись с ростом торгового могущества Голландии и стремились запретить голландцам плавание в Индию и на острова Пряностей. Эти запрещения побудили в 1609 г. двадцатишестилетнего голландского ученого Гуго Гроциуса написать свое знаменитое сочинение: «Mare liberum sive de jure quod Batavis competit ad Indicana commercia» (Свободное море, или о праве, которое принадлежит нидерландцам в индийской торговле). В этом сочинении Гуго Гроций резко критиковал испано-португальские притязания на исключительное право торговли и мореходства в Индийском и Атлантическом океанах.

В 1602 г. голландские купцы основали Ост-Индскую торговую компанию, которая вскоре достигла большого могущества

и посылала свои флотилии в Индию и на острова Малайского архипелага. Во многих пунктах возникали голландские форты. В 1615 г. голландцы имели в Индии и на островах Пряностей уже около 10.000 человек солдат. Они подчинили себе остров Амбоину и вскоре укрепились на Целебесе. Представители голландской Ост-Индской компании прочно укрепились во всех главнейших торговых портах Индии и Зондских островов. Голландцы стремились сосредоточить в своих руках всю торговлю пряностями и изгоняли всех иностранцев, водворявшихся на Молуккских островах или приезжавших туда. Компания дошла даже до того, что для увеличения ценности пряностей она уничтожала на многих островах некоторые виды растений и под страхом смерти запретила вывоз и продажу семян и черенков пряных деревьев. В короткое время голландцы прочно утвердились на Яве, Суматре, Борнео, на Молуккских островах, на мысе Доброй Надежды; они завладели наилучшими гаванями, в которых могли останавливаться корабли, возвращающиеся в Европу.

Огромные барыши, получаемые Индийской компанией от продажи пряностей, служили предметом зависти со стороны многих голландских торговцев и коммерсантов; но Голландские Штаты препятствовали всем голландцам, не состоявшим на службе у Индийской компании, плавать к островам Пряностей мимо мыса Доброй Надежды или через Магелланов пролив. Такое запрещение побудило в 1615 году одного богатого амстердамского купца, Жака Лемера, вместе с моряком Вильямом Корнелисом Схоутеном искать нового пути в Индию. Схоутен предложил Лемеру свой план путешествия на острова Пряностей; он рассчитывал достигнуть их, найдя какой-нибудь путь южнее Магелланова пролива. Так как запрещение касалось только плавания мимо мыса Доброй Надежды и через Магелланов пролив, то корабли, достигшие островов Пряностей новым путем, могли беспрепятственно привозить пряности в Европу. Лемер согласился принять на свой счет половину издержек по снаряжению этой экспедиции, в то время как Схоутен, сообща с некоторыми другими амстердамскими купцами, обязался покрыть другую половину. На собранные деньги Лемер и Схоутен приобрели корабль в 360 тонн, который они назвали «Конкордия», и одну яхту, где поместилось шестьдесят пять человек солдат с двадцатью девятью пушками.

Командиром «Конкордии» был избран сам Схоутен, а Лемер заведывал хозяйственной частью экспедиции. Цель путешествия хранилась в тайне. Офицеры и матросы были взяты на службу с условием, что они пойдут всюду, куда им прикажут.

25 июня 1615 года, спустя одиннадцать дней после отъезда Схоутена из Голландии, когда корабль был уже в открытом море,

Схоутен и Лемер объявили экипажу, что они будут искать другой пролив, который, подобно Магелланову проливу, привел бы в Южное море, где, может быть, удастся открыть новые страны пряностей, и что, если удастся, они отправятся тем же морем в Восточную Индию. Весь экипаж отнесся с энтузиазмом к этому сообщению.

Путь, которым обычно следовали корабли голландцев в Южную Америку, шел сначала вдоль берегов Африки, и после пересечения экватора корабли поворачивали на запад. Корабль Схоутена благополучно достиг берегов Бразилии, затем спустился до Патагонии. Когда экспедиция была недалеко от входа в Магелланов пролив, на яхте случился пожар; несмотря на энергичные меры, яхта сгорела, и весь ее экипаж был взят на корабль. 13 января 1616 года Лемер и Схоутен достигли Себальдинских островов, открытых Себальдом Веердтом, и затем «Конкордия» направилась вдоль берегов Огненной Земли, держась недалеко от берега. Берег тянулся на юго-восток и был окаймлен высокими горами, покрытыми снегом. 24 января, в полдень, Схоутен заметил, что берег Огненной Земли повернул на запад, и вскоре корабль вошел в широкий пролив, на востоке которого виднелась другая какая-то земля. Расстояние между этими двумя островами казалось не более восьми миль. Когда «Конкордия» вошла в пролив, голландцы встретили здесь множество китов, мешавших ходу корабля. Схоутен назвал остров, простиравшийся к востоку, Островом Штатов, а землю на западе назвал Землею Мориса Нассауского в честь принца Нассауского.

После целых суток плавания по проливу, названному проливом Лемера, «Конкордия» встретила целую группу маленьких островов, которым Схоутен дал название Барневельтских. Под 58 градус. южной широты Лемер и Схоутен обогнули мыс Горн, названный ими так по имени их родного города Горна в Голландии. После этого корабль вышел в Южное море. Таким образом Лемер и Схоутен первые обогнули южную оконечность американского материка.

От мыса Горна Лемер и Схоутен поднялись к островам Хуана Фернандеца, где они остановились на некоторое время, чтобы дать оправиться экипажу, болевшему цынгой. Подобно Магеллану, Лемер и Схоутен прошли, не заметив, между главными островами Полинезии и 10 апреля пристали к Собачьему острову, где ничего не нашли, кроме незначительного ручейка пресной воды и немного зелени. Лемер и Схоутен надеялись достигнуть Соломоновых островов, но проехали их и открыли новый остров Ватерланд, названный так благодаря большому озеру, встреченному на нем; затем голландцы открыли остров Мух, получивший свое наименование от громадного количества этих

насекомых. Затем Лемер и Схоутен проехали мимо острова Дружбы и открыли острова Мореплавателей, или Самоа, из которых четыре острова сохранили за собой и теперь данные им голландцами названия.

Жители этих островов подъезжали на своих пирогах к кораблю голландцев. Так как цынга продолжала свирепствовать среди экипажа, то Лемер и Схоутен были чрезвычайно рады, когда король одного из островов прислал им в подарок одного вепря и фруктов. Сам король, по имени Лату, не замедлил приехать на большой парусной пироге в сопровождении флотилии из двадцати пяти лодок, его сын поднялся на борт корабля и с интересом рассматривал все, что ему показывали. Лемер и Схоутен дружелюбно проводили сына короля и благодарили за подарок. На следующий день к кораблю снова приблизилось много пирог, и голландцы, по некоторым признакам, поняли, что дикари хотят сделать нападение. Действительно, вскоре на корабль полетели камни, лодки стали охватывать кольцом корабль и начали приближаться вплотную. Чтобы отразить нападение, голландцы вынуждены были сделать по ним залп, после чего дикари стремительно удалились. Схоутен назвал этот остров Островом Предателей.

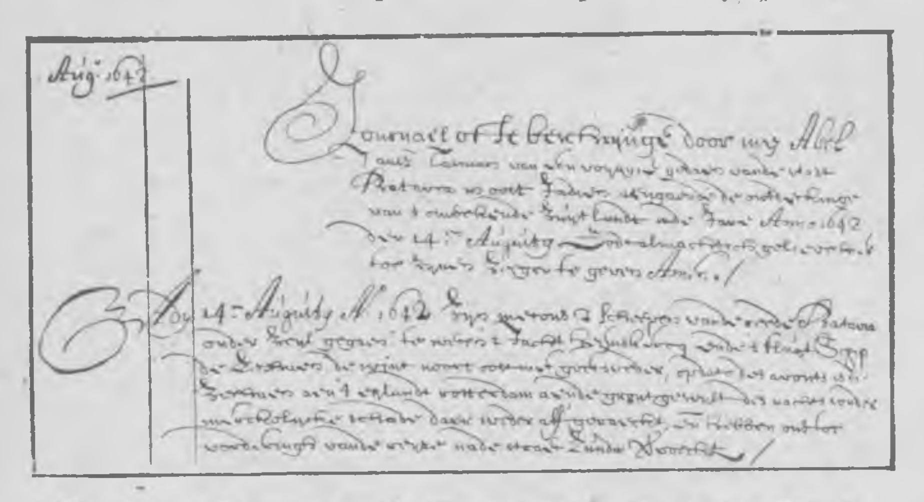
18 мая Схоутен изменил направление хода корабля и поплыл на север, где по его расчетам должны были находиться Молуккские острова. Он проехал, вероятно, мимо Соломоновых островов, островов Адмиралтейства и архипелага «Тысячи Островов». Затем он направился вдоль берега Новой Гвинеи. Голландцы часто высаживались на берег и давали названия многим местам, каковы — Двадцать пять островов, составляющие часть архипелага Адмиралтейства, Высокий угол, Высокая гора, Моа и Аримоа—два острова, исследованные позднее Тасманом. Обозревши землю папуасов, Схоутен и Лемер достигли одного из Молуккских островов, Жилоло, где были встречены своими соотечественниками.

Когда экипаж «Конкордия» оправился от цынги и усталости, Лемер и Схоутен направились к Батавии, куда прибыли 23 октября 1616 года, то-есть после шестнадцатимесячного плавания, потеряв за это время всего тринадцать человек. Так был открыт новый путь в Великий океан мимо мыса Гоорн, через пролив Лемера, который оказался короче и безопаснее пути через Магелланов пролив.

В свою очередь, голландская Ост-Индская компания почти ежегодно снаряжала экспедиции в южные моря, с целью открытия новых земель. Так, в 1616 г. был снаряжен корабль «Цендрагт» под начальством капитана Дирка Хартогса; Хартогс, стремясь открыть «австральную» землю, достиг берега Австралийского материка, но не мог убедиться в том, действительно ли открытая

им земля представляет материк. В 1618 г. другой корабль Ост-Индской компании, «Маврикий», пристал к западному берегу Новой Гвинеи, а в 1619 г. капитан Ян Эдель открыл названный позднее его именем берег Австралии. В 1623 г. Ост-Индская компания снарядила две яхты «Пера» и «Арнем» под начальством Яна Карстенса, чтобы исследовать Новую Гвинею. Карстенс и восемь человек из его спутников были убиты туземцами. В 1627 г. капитан Питер Нуит достиг южного берега Австралии до залива, называемого ныне Стрики-бей.

В 1628 г. из Голландии отправилась для исследования австральных земель целая флотилия из одиннадцати кораблей под начальством капитана Франциса Пельсарта. Но эту флотилию

Aug° 1642
Journaell of te beschrijvinge door mij Abel
Anno 1642
den 14en Augusty
Ao 14en Augusty Ao 1642

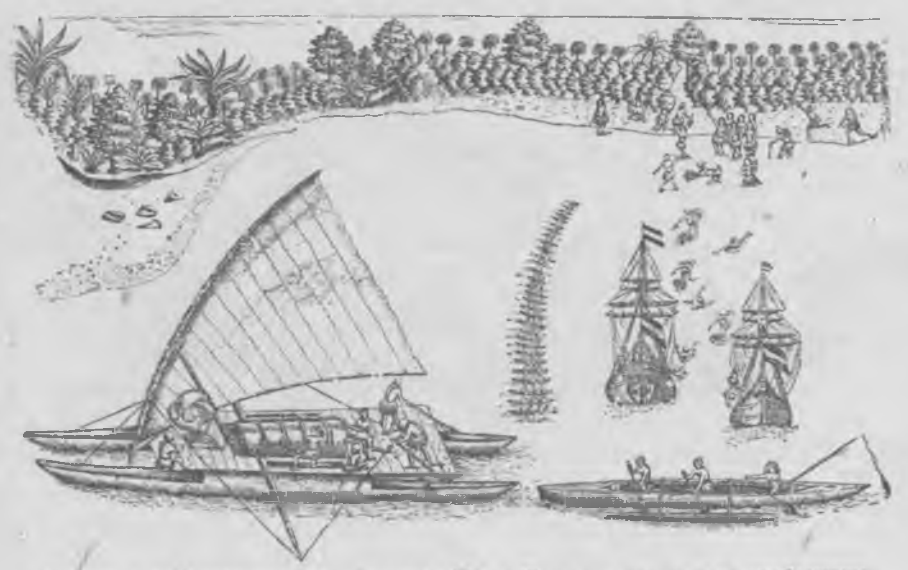
Снимок с первой страницы корабельного журнала, писанного рукою Тасмана.

постигла неудача: буря близ мыса Доброй Надежды рассеяла корабли, и Пельсарт только на одном своем корабле добрался до острова Явы.

Но, несмотря на эту неудачу, Ост-Индская компания продолжала снаряжать экспедиции для исследования берегов Новой Гвинеи и Австралии, которую голландцы назвали «Новой Голландией». В 1636 г. с острова Явы для исследований к берегам Австралии отправилась экспедиция на двух кораблях «Амстердам» и «Везель» под начальством капитана Пооля. Через несколько недель корабли вернулись—капитан Пооль был убит туземцами на острове Новой Гвинеи. Открытий не было сделано. Тем не менее, через шесть лет, в 1642 г., была снаряжена новая экспедиция, начальником которой был назначен, по распоряжению

бывшего в то время губернатором Ост-Индии Ван-Димена, капитан Абель Тасман, успешно совершивший перед этим большое плавание в Японию.

Ван-Димен поручил Тасману исследовать Великий океан и установить, как далеко простирается австральный материк. Тасман отправился на двух кораблях 14 августа 1642 г. 5 сентября он достиг острова Маврикия и затем направился на юго-восток на поиски южного континента. 24 ноября Тасман открыл под 40° 25′ южной широты землю, которой он дал название Ван-Дименовой Земли, в честь губернатора (теперь этот остров называется, более справедливо, Тасманией). Здесь Тасман пристал в бухте Фредерика-Генри и узнал, что земля обитаема людьми, хотя он сам не видел ни одного туземца. Продолжая плавание, Тасман открыл еще другой обширный остров, который он назвал «Землею Штатов» (теперь этот остров называется Новой Зеландией).

Снимок с собственноручного рисунка Абеля Тасмана, на котором изображены голландские суда, лодки туземцев и обитатели острова Фиджи.

Проплыв несколько времени вдоль берега этого острова, Тасман решил 18 декабря пристать к берегу. Когда голландцы вышли на берег, то в отдалении появились дикари, которые, однако, не осмеливались подойти ближе. Дикари были большого роста, имели смугло-желтый цвет кожи и черные волосы, со-

бранные в пучок на макушке. На следующий день дикари стали смелее и решились подойти к голландцам. Видя их мирные намерения, Тасман послал на берег шлюпку, но дикари вдруг набросились на моряков, и трое матросов были убиты; остальные голландцы поспешили в шлюпку и были спасены подоспевшими лодками с кораблей. Место, где произошло это событие, получило название «Бухты Убийц». Тасман снялся с якоря и поплыл вдоль берега до оконечности острова. Мыс, которым оканчивался остров, Тасман назвал «мысом Марии-Ван-Димен»—в честь «дамы своего сердца», так как предание утверждает, что он осме-

Дикари с одного из островов, открытых Тасманом в Великом океане. (Рисунок Тасмана.)

лился просить руки дочери губернатора Восточной Индии, Ван-Димена, за что и был отправлен им в далекую экспедицию на двух старых полуразвалившихся кораблях.

21 января 1643 года Тасман открыл острова Амстердам и Роттердам, на которых нашел множество свиней, кур и фруктов. 6 февраля корабли Тасмана достигли архипелага островов, названных Тасманом «Островами принца Вильгельма». Затем Тасман поплыл вдоль берега Новой Гвинеи, начиная от мыса Санта-Мария, и, проехав все места, исследованные ранее Лемером и Схоутеном, 15 июня, после почти десятимесячного путешествия, прибыл благополучно в Батавию.

В 1644 году Ван-Димен снова послал Тасмана в большое плавание; на этот раз Ван-Димен поручил ему объехать кругом материк Новой Голландии (Австралии), который голландцы знали в то время только с северной стороны. Но, кажется, Тасману не удалось окончить это предприятие, он исследовал лишь восточные и западные берега залива Карпентария и затем вернулся обратно, не доехав до пролива, отделяющего материк Австралии от Новой Гвинеи и известного теперь под названием Торресова пролива. Вообще об этом путешествии Тасмана мы не знаем почти ничего. С этого времени ничего также неизвестно и о дальнейшей судьбе этого мореплавателя. Согласно биографии Тасмана, написанной Дози, он умер в 1659 году пятидесяти семи лет отроду.

Путешествия и плавания голландцев в Индию и на Яву косвенным образом способствовали колонизации голландцами Южной Африки. Португальцы, первые открывшие Южную Африку и мыс Доброй Надежды, видели в бухте Доброй Надежды только станцию на своем пути в Индию. Английские суда по пути в Индию также заходили в эту гавань, и в 1620 г. здесь был водружен английский флаг; но английское правительство не пожелало укрепить этот пункт, а вместо этого своей опорной базой на пути в Индию избрало остров Св. Елены; в 1651 г. на острове Св. Елены англичанами был возведен форт. Это возбудило опасения голландцев за безопасность пути в Индию. В 1652 г. Ост-Индская компания поручила доктору Рибеку устроить небольшую колонию на том месте, где теперь раскинулся город Капштадт. Благодаря плодородию почвы и прекрасному климату, колония голландцев на южной оконечности Африки стала процветать и, начиная с 1687 г., в южную Африку потянулись целые массы голландских крестьян. В это же время сюда стали переселяться и многие французские протестанты—гугеноты. Эти европейские переселенцы—голландцы и французы—образовали с течением времени особый народ, получивший название б у р о в (что значит земледелец, крестьянин), которые заставили так много говорить о себе в конце XIX столетия.

III.

Вильям Дампиер и его географические открытия.

Одним из выдающихся мореплавателей XVII века, сделавшим много географических открытий, был морской пират XVII столетия—англичанин Вильям Дампиер, прозванный современниками за свои подвиги «морским королем». Дампиер совершил три кругосветных плавания, сделал много географических от-

крытий, производил наблюдения над морскими течениями, приливами и отливами, составил трактат «О ветрах, господствующих в океанах». Он был также опытным ботаником и много способствовал развитию географии растений.

Родившись в 1612 году в Ист-Токере, в графстве Соммерсет, в Англии, Вильям Дампиер, вследствие смерти своих родителей, с раннего детства был предоставлен самому себе. Вскоре он поступил юнгой на торговый корабль. После путешествия на остров Ньюфаундленд и в Ост-Индию, Дампиер перешел на службу в английский военный флот; будучи ранен в одном сражении, Дампиер был положен на излечение в госпиталь в Гринвиче. По выходе из военного госпиталя, Дампиер уехал на остров Ямайку в качестве заведующего одной плантацией. Но через полгода Дампиер бросил своих негров и отплыл к Кампешскому заливу, на берегу которого он в продолжение трех лет собирал красильное дерево.

Через три года Дампиер приехал в Лондон, а затем снова уехал на Ямайку, где вошел в сношения с знаменитыми морскими разбойниками, корсарами. Водворившись на Черепашьем острове, близ берега Сан-Доминика, эти авантюристы—французы и англичане—делали набеги на испанские колонии. Их опустошения не ограничивались только Мексиканским заливом, они переправились через Панамский перешеек и разорили колонии на берегу Тихого океана, от Магелланова пролива до Калифорнии.

Мы не будем излагать подробно все экспедиции Дампиера; скажем только, что Дампиер, в компании другого пирата, Свана, отправился в Ост-Индию 14 января 1699 года с намерением проехать через Магелланов пролив или объехать Огненную Землю. Проехав 10 марта экватор, Дампиер направился к берегам Бразилии, откуда был отброшен противными ветрами к мысу Доброй Надежды. Отсюда Дампиер не решился еще раз переезжать Атлантический океан, а направился на юго-восток к берегам Новой Голландии. Этот продолжительный переезд не ознаменовался никакими открытиями. 1 августа Дампиер достиг берега Новой Голландии и пристал в бухте Морских Собак на западном берегу Австралии. Но здесь он нашел только бесплодную пустыню, где не встретил ни воды ни растений. Отсюда Дампиер направился вдоль берега к северу, чтобы найти хотя небольшую речку с пресной водой. Дампиер целый месяц плыл вдоль берега, несколько раз высаживался, но нигде не встречал ни рек ни растительности. Во время одной высадки Дампиер имел стычку с местными дикарями.

Видя, что ему и его экипажу грозит голодная смерть среди океана, Дампиер решил направиться к острову Тимору, которым

владели голландцы. Но море этой области было очень мало знакомо Дампиеру, а карты его были неудовлетворительны, поэтому Дампиер долго блуждал по морям и с большим трудом достиг Тимора.

После недолгой стоянки на этом острове Дампиер снова отплыл в океан и направился к берегам Новой Гвинеи. 4 февраля 1700 года он достиг мыса Маго. 7 февраля он подошел к острову короля Вильгельма и, направившись отсюда на восток, достиг мыса Доброй Надежды и острова Схоутена.

25 февраля Дампиер открыл небольшой гористый остров, лежавший севернее островов Адмиралтейства; он дал этому острову название «Острова Св. Матфея». Немного далее Дампиер открыл еще остров, которой назвал «Бурным», благодаря господствовавшим здесь бурным ветрам, мешавшим пристать к острову; Дампиер предполагал, что он находится около берегов Новой Гвинеи, но в действительности он был у берегов Новой Ирландии. Дампиер хотел сделать высадку на берег, но его окружили многочисленные пироги с дикарями, а большая толпа туземцев стояла на берегу. Сознавая, что высадку на берег произвести опасно, Дампиер отдал приказ удалиться от острова. Едва было отдано это распоряжение, как дикари стали бросать в корабль камни. Дикари бросали камни с берега с помощью каких-то приспособлений, так что камни летели на большое расстояние; вследствие этого Дампиер дал название гавани, где он подвергся нападению, «Бухты Пращников». В некотором расстоянии от берега Новой Ирландии Дампиер открыл целый ряд островов—Св. Дионисия, Св. Иоанна, остров Вулканов, Лонг-Рич, Горящий остров и др.

После продолжительного плавания, Дампиер направился к западу и достиг острова Миссори и затем острова Церам, входящего в состав Молуккских островов. Отсюда Дампиер направился к Борнео, проехал Макассарский пролив и 23 июня достиг Батавии на острове Яве, где он оставался до 17 октября, и затем отправился в Европу. Когда он 23 февраля 1701 года достиг острова Вознесения, то его корабль дал такую значительную течь, что пришлось пристать к берегу, где корабль затонул. К счастью, Дампиер и его спутники нашли на берегу речку с пресной водой, много черепах, коз и других мелких животных. Благодаря этому они могли не бояться умереть голодной смертью до того времени, пока к острову пристанет какой-нибудь корабль. Им не пришлось долго этого ждать. 2 апреля одно английское судно, проходившее мимо острова, заметило их сигналы и забрало их на борт. Ниже мы еще вернемся к деятельности Дампиера, когда будем говорить о другом английском мореплавателе Вуде Роджерсе.

IV.

Полярные плавания в XVII веке.—Экспедиция Генри Гудсона.—Баффин.

Если англичане после неудач Кабота, Фробишера и Дэвиса перестали интересоваться отыскиванием северо-западного прохода из Атлантического океана в Великий, они все-таки не отказались окончательно от мысли найти морской путь из Европы в Китай мимо берегов Северной Америки. Вследствие этого в XVII столетии мы видим несколько попыток со стороны англичан разрешить этот географический вопрос. В самом начале XVII века выдающийся английский мореплаватель того времени, Генри Гудсон, заключил договор с компанией лондонских купцов, взяв на себя задачу отыскать северо-западный проход. В мае 1607 года Генри Гудсон отплыл из Грэвезенда на простой барке с двенадцатью человеками экипажа. 13 июня он достиг восточного берега Гренландии под 73° северной широты. 27 июня Гудсон поднялся на пять градусов выше на север, но 2 июля температура неожиданно изменилась, как это часто бывает в северных странах, и холод сделался очень резким. Однако море было свободно ото льда, и поэтому Гудсон продолжал плыть далее на север. Встретив под 82° северной широты огромную плавающую льдину, Гудсон тщетно старался обойти ее и вынужден был вернуться в Англию. На обратном пути Гудсон открыл небольшой остров, который был, вероятно, островом Ян Майен.

Так как путь, которого держался Гудсон во время своего путешествия на север, не привел к положительным результатам, то Гудсон решил достичь берегов Восточной Азии другой дорогой. 21 апреля следующего года он снова отправился в плавание и на этот раз предполагал найти желанный проход между Шпицбергеном и Новой Землей. Однако и здесь Гудсона ждала неудача, и он снова вернулся в Англию, не разрешив поставленной задачи. Компания английских купцов, снаряжавшая на свой счет эти экспедиции, отказалась от дальнейших опытов. Этот факт и заставил, без сомнения, Гудсона перейти на службу к голландской Ост-Индской компании.

В 1609 году голландская компания поручила Гудсону совершить путешествие, с целью найти северо-восточный проход, который тщетно отыскивал Барентц. Обогнувши мыс Норд-Кап, Гудсон направился вдоль берегов Новой Земли; но экипаж его судна, состоявший из англичан и голландцев, привыкших к плаванию в теплых морях, вскоре запротестовал, увидев ледяные горы. Гудсон вынужден был изменить план путешествия

и предложил своим спутникам снова отправиться на поиски северо-западного прохода. Матросы согласились, и 18 июля Гудсон был уже близ берегов американского материка. Он начал плыть вдоль берега и под 40° 30′ северной широты открыл большой залив. Между тем на корабле стал ощущаться недостаток съестных припасов. Среди матросов возникли снова волнения, и Гудсон вынужден был вернуться в Европу.

В следующем, 1610 году, Гудсон, несмотря на все вынесенные им неприятности и неудачи, предложил опять свои услуги голландской компании; голландцы снарядили под начальством Гудсона корабль, на котором Гудсон должен был отправиться на поиски северо-западного прохода. В конце мая 1610 года Гудсон был уже в океане и благополучно достиг залива Фробишера. Отсюда он направился к Земле Отчаяния, открытой Дэвисом, и затем углубился в широкий залив, получивший впоследствие название Гудсонова залива

Гудсон предполагал отыскать пролив именно в этом месте и тщательно начал исследовать западный берег залива. Задумав во что бы то ни стало найти на этот раз проход, Гудсон решил перезимовать на берегу залива, чтобы ранней весной снова приняться за поиски. В первых числах ноября 1610 года Гудсон достиг южной стороны залива и приступил к выбору места для зимовки. Несмотря на небольшой запас провизии, мореплавателям удалось перезимовать без больших затруднений, но, тем не менее, против Гудсона росло недовольство, и большинство матросов не хотели оставаться еще целое лето среди неизвестных областей. Вследствие этого, когда наступила весна, и корабль был уже готов к плаванию, среди матросов вспыхнул бунт, и бунтовщики овладели кораблем. Гудсон, его сын и несколько матросов, оставшихся верными Гудсону, были объявлены пленниками, а затем возмутившиеся матросы направились обратно в Англию. При выходе в море, бунтовщики посадили Гудсона с сыном и пятерых матросов в шлюпку и оставили их в море на произвол судьбы. Корабль Гудсона прибыл в Англию, и некоторые из матросов, мучимые угрызениями совести, рассказали о том, что они сделали с Гудсоном. Благодаря этому английское правительство послало тотчас же два судна, под начальством Бюттона и Ингрема, на поиски несчастных мореплавателей. Они объехали весь Гудсонов залив, но не нашли никаких следов злополучных моряков. Экспедиция Бюттона и Ингрема, обследовав Гудсонов залив, сделала наблюдение, что будто бы в этом море приливная волна идет с запада, так что, следовательно, существует сообщение между Гудсоновым морем и Тихим океаном. Это известие вызвало новую попытку отыскать проход в Тихий океан.

Новая экспедиция была снаряжена под начальством капитана Бейлота; его помощником был назначен опытный моряк Вильям Баффин, прославившийся своими подвигами более, чем начальник этой экспедиции, Бейлот. Бейлот и Баффин выехали из Англии в океан 13 апреля 1615 года на одном корабле, который назывался «Открытие». Экспедиция благополучно достигла Земли Отчаяния и отсюда поднялась на северо-запад до 64°. 10 июля мореплаватели открыли новый остров; крайний мыс этого острова они назвали «Мысом Утешения», так как думали, что они находятся уже при входе в искомый пролив. Однако, проплыв целый месяц по морю, они не нашли прохода и вынуждены были плыть обратно в Англию.

Но уверенность в существовании прохода к берегам Азии была так велика у Бейлота и Баффина, что в следующем, 1616 г., они снова отправились на северо-запад. 14 мая 1616 года они проникли в Дэвисов пролив, обогнули мыс Надежды Сандерсона—этой крайней точки, достигнутой некогда Девисом, и под 72° 40′ северной широты открыли «Остров Женщин», названный ими так потому, что на нем они встретили несколько эскимосских женщин. 12 июня Бейлот и Баффин встретили большие массы плавающих льдов и вынуждены были войти в бухту, чтобы не быть раздавленными льдами. В этой бухте мореплаватели встретили эскимосов, которые принесли им много моржевых клыков и рогов мускусных быков; это событие послужило причиной того, что англичане дали название этому месту «Пролив Рогов».

После нескольких дней остановки, когда море немного очистилось ото льда, Бейлот и Баффин снова направились к северу. Начиная с 75° северной широты, пред ними открылось обширное пространство воды, свободное ото льда; они смело направились вперед и за 78° северной широты достигли входа в пролив, составлявший продолжение огромного залива, который они только что проехали и который впоследствии получил название Баффинова залива, в честь Баффина. Повернув на запад и затем на юго-запад, Бейлот и Баффин открыли острова Кареи, пролив Джонса, остров Кобург и прошли мимо Ланкастерского пролива, который и является главным входом в искомый северо-западный морской проход. Но именно у входа в этот пролив Бейлот и Баффин бросили надежду найти проход, так как пролив был закрыт в то время льдами. Вследствие сильного распространения цынги среди экипажа, Бейлот и Баффин не могли продолжать далее свои исследования и вынуждены были отправиться в обратный путь. 30 августа они были уже в Дувре.

Вильям Баффин, считавшийся в свое время выдающимся мореплавателем и вместе с тем географом, пришел к заключению, что если проход и существует, то проникнуть в него, по-

причине скопления льдов, очень трудно, и что вообще северо-западный проход очень мало может иметь практического значения. Авторитетных слов Баффина было достаточно, чтобы прекратить дальнейшие поиски северо-западного прохода. Даже назначенное английским парламентом вознаграждение за открытие северо-западного прохода в размере двадцати тысяч фунтов стерлингов (200.000 рублей золотом) не могло побудить к дальнейшим попыткам. Лишь в XIX столетии вопрос о северо-западном проходе был снова поставлен на очередь и после нескольких попыток был разрешен в положительном смысле. Об этом мы расскажем в своем месте. Впрочем, в XVII веке были еще две попытки отыскать северо-западный проход; в 1619 году датчанин Иенс Мунк отправился с этою целью на север; во время зимовки в Америке он потерял почти всех своих спутников и только втроем вернулся в Европу. В 1631—1632 годах на поиски северо-западного прохода отправились два мореплавателя Фокс и Томас Джемс, но их экспедиция также не увенчалась успехом.

V.

Колонизация Северной Америки.—Французы в Канаде.—Шамплен.—Ла-Саль.

После того, как Жак Картье открыл в 1534 г. Канаду, французское правительство мало обращало внимания на новую колонию. Разорительные войны, которые Франция вела в это время с Испанией, а также внутренние неурядицы и религиозные распри, отодвинули колониальную деятельность на второй план. Только в XVII столетии колонизация пошла несколько успешнее, чему много способствовал один энергичный человек, Самуил Шамплен.

Шамплен был приглашен французским правительством в 1603 году продолжать открытия Жака Картье и выбрать места, удобные для основания городов и селений в Канаде. Мы рассмотрим кратко те открытия Шамплена, которые способствовали развитию познаний о земле.

В 1603 году Шамплен поднялся вверх по реке Св. Лаврентия до Тадусакской гавани; он был встречен здесь дружелюбно туземцами, которые, как говорит он, жили, как звери. Оставив здесь свои корабли, Шамплен поднялся на барке до водопада Сен-Луи, где остановился Жак Картье, и исследовал окружающую местность. После этого Шамплен возвратился с отчетом о своей поездке во Францию, к королю Генриху IV.

Генрих IV решил продолжать предприятие. Он снова отправил Шамплена в Канаду, или, как тогда ее называли, Новую Францию, и в 1608 г. Шамплен основал город Квебек. В следую-

щем году Шамплен совершил плавание по реке Св. Лаврентия, и на одной пироге с двумя товарищами и в сопровождении нескольких канадских индейцев он проник в область индейцев-ирокезов. Ирокезы напали на Шамплена и его спутников на берегу озера, получившего название «озера Шамплена», но, несмотря на свое численное превосходство, были побеждены. Затем Шамплен по реке Ришелье спустился снова в реку Св. Лаврентия.

В 1610 году Шамплен совершил новый поход в страну ирокезов и, благодаря применению огнестрельного оружия, одержал полную победу. При нападении на одно селение Шамплен приказал сделать большую фигуру рыцаря из дерева и посадил в нее трех стрелков, которые стреляли в ирокезов. Это громадное существо, из которого неслись смертоносные пули, привело в такой ужас ирокезов, что они все бежали.

В последующие годы Шамплен исследовал реку Оттаву и область ее бассейна, затем озеро Гурон, добрался по суше до озера Онтарио и переехал его. До самой своей смерти в 1655 году Шамплен неутомимо продолжал исследование Канады. Все его путешествия, все его исследования имели одну цель—упрочить процветание Новой Франции.

После Шамплена выдающимся исследователем Канады и других областей Америки является Роберт Ла-Саль. Он был родом из Руана и воспитывался некоторое время в иезуитской школе. Почувствовав стремление к путешествиям, Ла-Саль в 1678 г. отправился в Канаду. Здесь он стал посещать лагери индейцев, начал знакомиться с их нравами и обычаями и принялся за изучение туземных наречий. В Канаде он познакомился с некиим Жолие, который рассказал Ла-Салю, что он вместе с четырьмя товарищами достигли большой реки, называемой индейцами Миссисипи, что значит «отец вод», и текущей к югу. Ла-Саль заинтересовался этой большой рекой, и в его уме тотчас же созрел план путешествия вниз по этой реке. Ла-Саль вполне оценил громадное значение реки, предполагая, что она впадает в Мексиканский залив. «В таком случае,—рассуждал Ла-Саль,—через посредство озер и реки Иллинойса, притока Миссисипи, можно будет установить сообщение между рекою Св. Лаврентия и Антильскими островами. Какую неоценимую выгоду может извлечь Франция из этого открытия!»

Ла-Саль сообщил свой план Фронтеку, губернатору Новой Франции; Фронтек отнесся одобрительно к плану Ла-Саля, но не решился снарядить экспедицию по своему личному почину. Он советовал Ла-Салю съездить во Францию и предложить свой план королю. Благодаря рекомендации Фронтека, король принял Ла-Саля и дал свое согласие прийти на помощь в снаряжении экспедиции для исследования реки Миссисипи.

14 июля 1678 года Ла-Саль выехал обратно в Канаду: с ним отправились человек тридцать солдат, рыцарь Тонти и один французский монах Геннепин, сопровождавший Ла-Саля во всех его путешествиях. По приезде в Канаду Ла-Саль стал строить на озере Эри большую барку и в то же время исследовал окрестные области. В половине августа 1679 года Ла-Саль отправился из озера Эри в озеро Гурон, намереваясь далее проникнуть в бассейн Миссисипи. Однако на этот раз Ла-Салю не удалось достигнуть Миссисипи, и он только 6 февраля 1682 года приехал к месту слияния реки Иллинойса с Миссисипи. На этот раз он спустился по реке, исследовал устье Миссури, устье Огио, где построил крепость и проник в страну арканзасцев, которую объявил владением Франции. 9 апреля 1682 года Ла-Саль благополучно достиг устья Миссисипи и вышел в Мексиканский залив. Он немедленно вступил торжественно во владение страною, которой дал название «Луизианы», в честь царствовавшего в то время во Франции короля Людовика.

Ла-Салю потребовалось целых четыре года, чтобы вернуться в Канаду. На пути ему пришлось преодолеть много различных затруднений, и только благодаря сильной воле и твердому характеру Ла-Салю удалось благополучно добраться до Монреаля. Но здесь неутомимого исследователя ожидало сильное огорчение. Во время его отсутствия губернатор Фронтек умер и вместо него был назначен Лефевр де-ля-Барр. Новый губернатор, восстановленный против Ла-Саля его врагами, не оценил открытия Ла-Саля и в своем докладе королю, сообщая об этом событии, писал: «Этот путешественник, с двумя десятками французских и туземных бродяг, действительно достиг Мексиканского залива, где он грабил и разорял страны, подвергал народы насилию и все это прикрывал правом, дарованным ему вашим королевским величеством,—одному производить торговлю в странах, какие ему удастся открыть».

Ла-Саль не мог оставаться спокойным в виду таких обвинений и поэтому поспешил во Францию. Во Франции он был принят королем, и когда он изложил королю свой новый проект исследования устья Миссисипи со стороны моря и основания там колонии, то король тотчас же согласился дать ему несколько кораблей. Король назначил Ла-Саля губернатором Луизианы и послал с ним флот из четырех кораблей под начальством адмирала Божё. 24 июля 1684 года маленькая эскадра Ла-Саля и Божё вышла из порта Ля-Рошель на запад. Спустя пять месяцев флотилия Ла-Саля была около полуострова Флориды и вступила в Мексиканский залив. Но так как Ла-Саля уверяли, что все течения в Мексиканском заливе направлены на восток, то он не сомневался, что устье Миссисипи должно

находиться от Флориды прямо на запад; эта ошибка послужила началом всех дальнейших неудач.

Ла-Саль, направившись на запад, проехал устье Миссисипи. Он заметил свою ошибку и просил Божё повернуть назад, но последний не согласился. Ла-Саль решил высадиться с своими спутниками на берег и предпринял несколько экскурсий вдоль берега, надеясь найти устье Миссисипи. Но он нашел здесь только прекрасную и плодоносную страну, признаков же близости реки нигде не было видно. Ла-Саль решил поселиться на берегу бухты, которую он назвал «Бухтой Св. Бернарда», и посеять хлеб, чтобы избежать голодной смерти. Однако вследствие обилия дождей хлеб не взошел. Вскоре между французами начались болезни, и в короткое время почти все поселенцы умерли. 12 января 1687 года у Ла-Саля осталось только тридцать человек.

Предвидя неминуемую гибель, Ла-Саль решил отправиться на простых лодках в море, где надеялся напасть на какой-нибудь остров, населенный испанскими колонистами. Во время одной остановки Ла-Саль послал своего племянника с тремя другими матросами для исследования страны. Во время этой экскурсии спутники племянника Ла-Саля убили его и составили заговор точно так же убить и самого Ла-Саля. Беспокоясь долгим отсутствием своего племянника, Ла-Саль 19 января 1687 года отправился на поиски вместе с монахом Анастасием. Когда убийцы увидели приближавшегося Ла-Саля, они скрылись в кустарниках, и затем один из них выстрелом из ружья убил Ла-Саля. Так погиб этот отважный путешественник, который с совершенно ничтожными средствами открыл реку Миссисипи и первый совершил по этой реке путешествие.

Открытие Ла-Саля имело решающее значение для будущности французских колоний в Америке. По пути, указанному Жолие и Ла-Салем, двинулись в обширную и плодородную область запада миссионеры и торговцы мехами, охотники и авантюристы. На Иллинойсе и Арканзасе стали возникать небольшие поселения французов. Сведения о необычайном богатстве страны проникали и во Францию, и оттуда направилось также много поселенцев.

В 1699 году Лемуан д'Ибервилль отплыл из Франции в Мексиканский залив с целью осуществить проект Ла-Саля, то-есть основать колонию в устье реки Миссисипи. После нескольких лет попыток и разведок, Лемуан д'Ибервилль основал поселение Розалию, первый французский город в устьях Миссисипи. В течение многих лет это местечко служило лишь складочным пунктом для торговцев мехами. Только в 1718 году в дельте Миссисипи возник город Новый Орлеан. Но и после

этого колонизация края развивалась очень медленно, так что в половине XVIII столетия в Новом Орлеане насчитывалось лишь около сотни хижин и несколько сот жителей. В 1803 году Новый Орлеан вместе с остальной Луизианой был продан Францией Соединенным Штатам, и, таким образом, Франция окончательно рассталась с своими владениями, которые были открыты Ла-Салем.

VI.

Колонизация Северной Америки англичанами.

Выше мы уже говорили о попытках англичан в XVI веке колонизовать некоторые местности Северной Америки. Целый ряд благоприятных условий в сильной степени способствовал развитию этой колонизации. Из таких условий следует отметить, прежде всего, открытие в 1602 г. капитаном Госнольдом прямого пути из Англии в Северную Америку. До этого времени английские мореплаватели плавали в Северную Америку далеким кружным путем, а именно, от берегов Англии они спускались к Канарским островам, затем направлялись к Вест-Индским островам и оттуда поднимались вдоль американского побережья к северу. В 1602 г. капитан Госнольд сделал впервые попытку пересечь Атлантический океан по прямой линии из Англии, и ему удалось достигнуть американского берега через сравнительно короткий для той эпохи период времени—через шесть недель.

Капитан Госнольд взял тот самый курс, который берут в наше время, и пристал к мысу Код, приблизительно в том месте, где теперь поднимается гигантская станция беспроволочного телеграфа. Удачное путешествие и ценный груз кедрового дерева и сассафраса [1]), привезенный Госнольдом в Англию, возбудили большой интерес к американским странам у многих англичан. Кроме того, сильный экономический кризис и религиозные стеснения также содействовали стремлению к переселению за океан. Не искание приключений, а необходимость, часто сильная нужда гнали тысячи англичан на поиски новой родины. В самом начале XVII века в Англии возникло два акционерных общества — Лондонская и Плимутская компании, которые получили право на владение огромными областями в Сев. Америке. Владения Лондонской компании обнимали юг, т.-е. Виргинию, а владения Плимутской компании—север. Этому

[1]) Сассафрасное дерево, из семейства лавровых, растет в Сев. Америке, Канады до Флориды, достигает до 30 метров высоты. Из коры и корней добывается эфирное масло.

территориальному разграничению соответствовали и различные климатические и экономические условия, которые создали впоследствии такой антагонизм между севером и югом: на юге произрастал, главным образом, табак, для возделывания которого английские колонисты стали употреблять негров-рабов, а на севере развилось земледелие и культура хлебных злаков при посредстве собственного труда колонистов.

Революция 1648 г. и религиозные гонения еще более усилили наплыв колонистов из Англии в Америку, и вскоре обширные леса, покрывавшие земли Виргинии, Пенсильвании и Каролины, пали под топором колонистов, и почва была вспахана [1]). Мало-по-малу англичане начали захватывать земли и города, основанные в Америке французами и голландцами. Уже в 1643 году четыре английских колонии—Массачусетс, Коннектикут, Нью-Гэвен и Нью-Плимут—заключили союз для общей борьбы с французами и голландцами; у последних английские колонисты вскоре отняли Новый Амстердам, основанный в 1610 году, который англичане переименовали в Нью-Йорк. В 1664 году голландцы окончательно покинули побережье Северной Америки.

Гораздо дольше длилось соперничество с французами. Французы были хозяевами, как мы видели выше, всей области реки Св. Лаврентия. В конце концов, англичане оказались победителями в этой борьбе, и по Утрехтскому миру Англия получила от французов Акадию (Новый Брауншвейг с Новой Шотландией и частью Мэна и Ньюфаундленд).

Вместе с тем, английским колонистам приходилось бороться и с туземным населением Северной Америки, с многочисленными племенами краснокожих индейцев. Краснокожие должны были все далее и далее отступать от побережья в глубь материка; там, где они не делали этого добровольно, их вынуждали силой. Таким образом, благодаря заселению англичанами все большей и большей площади Северной Америки, краснокожих оттесняли все более и более в отдаленные области, пока, наконец, не замкнули их в ограниченном пространстве. В этой борьбе пролились целые реки крови как белых людей, так и краснокожих. В настоящее время индейцы, за исключением очень немногих племен, совершенно оставили свой прежний образ жизни.

---

[1]) С самого начала в Америку стали эмигрировать наиболее свободолюбивые элементы, так как с самого начала Америка стала считаться страной свободы. Еще в 1605 г. в одной английской пьесе она характеризовалась следующим образом: «Там ты можешь жить без полиции и без помещиков, без адвокатов и без газетчиков. Там ты можешь быть городским советником, не становясь негодяем, быть чиновником, не становясь лакеем. Там законы не насилуют совесть человека!».

VII.

Испанцы в Южной Америке.

В то время, как между французами, англичанами и голландцами шла борьба за северо-американский материк, испанцы, почти без соперников, завладели всей Центральной и Южной Америкой, исключая Бразилии. Но далекие от того, чтобы работать самим, как англичане, испанцы пришли в страны Нового Света как господа и обратили индейцев в рабство. Вместо того, чтобы вводить в стране земледелие и промышленность, они старались искать лишь залежей драгоценных металлов. Но когда рудники были исчерпаны, в испанских колониях не замедлило исчезнуть и богатство. Падению испанских колоний способствовала и вся правительственная система управления колониями. Государство, или, вернее, короли, смотрели на колонии только как на средство обогащения, поэтому из колоний вывозились все ценности, чтобы наполнить ими казну. Правительство ревниво не допускало в колониях никакой самостоятельности. Государство и церковь стремились в колониях к той же цели, что и в метрополии: убить все признаки самостоятельности и свободы

В политическом отношении все испанские владения в Америке были разделены на наместничества, которых в XVII веке было четыре: Новая Испания, Перу, Новая Гранада и страны Ла-Платы; их правители находились в Мексике, Лиме, Боготе и Буэносъ-Айресе. Кроме этих четырех наместников, или вице-королей, были еще генерал-губернаторы—в Каракасе (Венецуэла), Гаванне (Антильские острова) и Сант-Яго (Чили). Большое жалованье и почетное положение позволяли занимавшим эти должности представителям испанского короля вести пышную жизнь, высасывая для этого все соки и достатки из индейского населения. Однако краткий срок пребывания в должности и постоянное строгое наблюдение со стороны других королевских чиновников и посещения ревизоров не давали им возможности прочно осесть на своем месте или завязать сношения с местным населением, чтобы действовать в ущерб королевским интересам.

Верховный надзор за колониями принадлежал учрежденному в 1503 году «Совету по делам Индии», который находился в Севилье, где сходились все нити управления колониями. Там по мере сил заботились о том, чтобы не могло возникать общих колониальных интересов и ничего похожего на автономию отдельных колоний. Кроме всего этого, испанский кастовый дух, перенесенный в колонии, действовал в том же направлении; строгое

различие между классами и сословиями в колониях соблюдалось еще с большей строгостью, чем в самой Испании. К этому присоединялась еще обособленность отдельных колоний, разъединенных высокими горами, широкими степями, болотами и дикими индейскими племенами.

С внешней стороны испанские колониальные владения охранялись могущественным испанским флотом. До 1580 года ни один народ не осмеливался открыто выступить против испанцев на море. Но когда Англия нанесла удар «Непобедимой Армаде», то близ берегов испанских владений в Америке появились целые флотилии французских и английских корсаров и морских пиратов, грабивших прибрежные города. Выше мы уже говорили о нескольких выдающихся морских разбойниках—Дреке, Кавендише, Ралее и Дампиере. Английское правительство ничего не имело против действия этих корсаров, и даже, как мы видели выше, Дрек был посвящен самой королевой Елизаветой в рыцари, а Вальтер Ралей считался также фаворитом королевы. Походы Ралея в Гвиану в 1595, 1597 и 1616 годах представляют первые серьезные посягательства иностранцев на испанские владения. Здесь, как и на севере, они послужили толчком для иностранных держав, чтобы стать твердой ногой в области испанско-португальских колониальных владений.

По следам корсаров двинулись в испанско-португальские владения и торговцы. В половине XVII века голландцы основали, по образцу Ост-Индской компании, «Вест-Индскую компанию», которая вела не только торговлю с испанскими колониями, но и нападала на владения Испании и вытесняла испанцев. Таким образом «Вест-Индская компания» захватила Бразилию и часть Гвианы. Почти одновременно с голландцами французы основали также привилегированное торговое общество под названием «Компания американских островов». Этому обществу Франция обязана своими настоящими вест-индскими колониями: Мартиника, Гваделупа и другими. Англичане также, в свою очередь, старались захватить некоторые из Вест-Индских островов. В эпоху Кромвеля английский флот сделал нападение на Сан-Доминго (1655 г.); затем англичане заняли Ямайку, которая окончательно перешла в их руки.

Однако ни французам, ни англичанам не удалось захватить в свои руки главных испанских владений в Южной Америке, как, например, Мексики, Перу и области Ла-Платы. Здесь в XVII веке уже образовалось особое население, представлявшее помесь испанцев и португальцев с местными индейскими племенами. Это население южно-американских стран, признавая родным языком испанский и приняв испанскую культуру, мало чувствовало привязанности к своему прежнему отечеству, но, тем

не менее, не желало быть также и в подданстве у Англии или Франции. Вследствие этого южно-американские народы постарались в конце XVIII и начале XIX столетия освободиться от испанской власти и образовали несколько самостоятельных южно-американских республик.

VIII.

«Путешествие Адама Олеария в Московию и через Московию в Персию и обратно».

Выше мы уже говорили, что в то время, как англичане, французы, испанцы и голландцы стремились колонизовать Америку и установить торговые сношения, главным образом, с заокеанскими странами, народы средней Европы, в особенности германцы, интересовались преимущественно странами, лежащими на востоке. Особенно в XVI и XVII веках немцы стали интересоваться Россией. В Москву все чаще и чаще стали наезжать «немецкие гости», и многие немецкие короли и герцоги посылали свои посольства с заверениями дружбы к московским царям. В первой половине XVII столетия Москву посетило посольство голштинского герцога, в составе которого был Адам Олеарий, составивший подробное описание всего, что он видел во время своего путешествия. Труд Олеария под заглавием «Путешествие в Московию и через Московию в Персию и обратно» является крайне важным историческим памятником.

Обладая солидной научной подготовкой и знанием русского и арабского языков, Олеарий мог лучше чем кто-либо другой познакомиться с жизнью и обычаями тогдашней России и Персии. В его книге, кроме множества совершенно новых географических сведений, мы находим впервые верное изображение политического и общественного состояния Московского и Персидского государств в XVII веке. В этом отношении сочинение Олеария является в высшей степени важным историческом документом для ознакомления с жизнью русских и персов в XVII столетии. Книга Олеария, из всех сочинений XVII века, посвященных России, самое известное и интересное; оно выдержало несколько изданий и было переведено в свое время на многие европейские языки. Интерес книги Олеария увеличивался еще и обилием прекрасно выполненных на меди рисунков, изображавших необыкновенные для европейцев XVII столетия сцены из жизни русских людей. Первое издание книги Олеария вышло в 1647 году в Шлезвиге.

Адам Олеарий родился в Ашерслебене около 1599 года и умер около Готторпа 22 февраля 1671 года. Отец его был бедный портной и, повидимому, умер еще в то время, когда Адам

Адам Олеарий. Под портретом его девиз—слова из псалма 73-го: «Ты поведешь меня по совету твоему и примешь меня потом в славе». Внизу стихотворение, посвященное Олеарию поэтом Вартом из Лейпцига.

был ребенком. Только благодаря своей энергии, настойчивости и прилежанию, Адаму Олеарию удалось поступить в Лейпцигский университет, где он окончил курс и получил в 1627 году звание магистра философии. Когда в 1634 году герцог голштинский решил послать посольство в Москву к царю Михаилу Феодоровичу Романову с тем, чтобы просить его о свободном пропуске голштинских товаров через Россию в Персию, Адам Олеарий, интересуясь восточными странами, стал хлопотать о разрешении отправиться вместе с этим посольством. Просьба Олеария была удовлетворена, и он был назначен секретарем посольства.

Голштинское посольство выехало в путь осенью 1633 года и через Ригу, Нарву, Новгород и Тверь прибыло в августе 1634 года в Москву, где и было принято царем Михаилом Феодоровичем. Посольство прожило в Москве четыре месяца и вернулось на родину с согласием царя пропустить голштинское посольство в Персию. Вследствие этого герцог Голштинский снарядил в октябре 1635 года новое посольство в Персию: Олеарий был снова назначен секретарем посольства. Во время своего путешествия Олеарий не упускал случая определять географическое положение различных городов, делал наблюдения над магнитною стрелкой, собирал всякие материалы для карт и приобретал персидские книги и рукописи.

Олеарий отличался от других участников посольства своими научными познаниями в астрономии и в географии, и поэтому русские стали считать его за волшебника и звездочета, умеющего предсказывать будущее; сам царь Михаил Феодорович, видя ученость Олеария, приглашал его к себе на службу и в своей грамоте Олеарию писал: «Ведомо нам учинилось, что ты гораздо научен и навычен в *астрономіи и географус*, и небесного бегу, и землемерию, и иным многим подобным мастерствам и мудростям; а нам, великому государю, таков мастер годен». Однако Олеарий не принял это предложение.

Описывая свое первое путешествие по России, Олеарий говорит, что его более всего поразил при въезде в Россию обряд русских совершать поминовение по своим умершим. Прибыв перед праздником Троицы в крепость Копорье, близ Нарвы, голштинские послы остановились отдохнуть, и Олеарий, воспользовавшись этим, тотчас же приступил к изучению русских обычаев. «В это время, говорит Олеарий, русские поминали своих умерших родных и друзей. Я отправился на кладбище. Кладбище было полно русских женщин, которые на могилах и могильных камнях разложили прекрасные вышитые пестрые платки, а на них положили на блюдах штуки по три или четыре длинных оладей и пирогов, вяленой рыбы и крашеных яиц. Иные из женщин стояли, другие лежали на коленях тут же, выли и кричали и об-

ращались к умершим с вопросами. Если мимо проходил какой-либо знакомый, плачущие женщины обращались к нему, разговаривали со смеющимся ртом, а когда он уходил, снова начинали выть. Между ними ходил священник с двумя прислужниками, с кадильницей, куда он временами бросал кусочек ладану и окуривал могилы, приговаривая несколько слов. Женщины говорили попу (так называют русские своих священников) под ряд имена своих умерших друзей, другие читали имена по книжеч-

Поминовение умерших в России. (Рисунок из книги Олеария.)

кам, некоторые же давали их читать прислужникам, а поп должен был повторять их; тем временем женщины кланялись попу, иногда знаменуя себя крестным знамением, а поп помахивал против них кадильницей.

Женщины тянули и тащили попа с одного места на другое, и каждая желала иметь преимущество для своего покойника. Когда это каждение и моление, которое поп совершал с блуждающим лицом, без особого благоговения, было закончено, то женщины давали ему крупную медную монету, в роде зесслинга по-

голштински или шести пфеннигов. Пироги же и яйца прислужники священника забирали себе, дав кое-что из них и нам, немцам, смотревшим на это зрелище. Мы их, в свою очередь, роздали бедным детям».

В главе «О государстве русском, его провинциях, реках и городах» Олеарий указывает географическое положение России и перечисляет все важнейшие города. Описывая Москву, он перечисляет все ее достопримечательности и говорит, что «Москва вполне того стоит, чтобы подробнее на ней остановиться». Всего более понравился в Москве Олеарию Кремль и церковь Василия Блаженного, которую он тщательно срисовал и поместил рису-

Московский Кремль во времена Олеария.

нок в своей книге. Недалеко от этой церкви, на большой площади перед Кремлем, находится рынок, на котором целый день толпятся торговцы, мужчины и женщины, рабы и праздношатающиеся. «На этом рынке,—говорит Олеарий,—каждому товару и каждому промыслу положены особые места и лавки, так что однородные промыслы встречаются в одном месте. Торговцы шелком, сукном, золотых дел мастера, шорники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другие,—все имеют свои особые улицы, где они продают свои товары. Этот порядок очень удобен: каждый знает, куда ему пойти и где получить то или иное. На краю рынка находится особое место, где русские под открытым небом бреются и стригутся. Этот рынок, называющийся

Вшивым рынком, так устлан волосами, что по ним ходишь как по мягкой обивке».

В главе «О состоянии воздуха, погоды, почвы, растительности и садов страны» Олеарий говорит о жестоких русских зимах, но тут же добавляет, что это не мешает плодородию страны, так как «обильные снега покрывают почву и растения как бы одеждою и охраняют от резкого холода». Олеарий говорит об обширных русских лесах, о степях и добавляет, что русские много разводят разных садовых растений—яблонь, груш, вишен, слив, смородины и малины. Олеарий приводит в своей книге любопытный рассказ об особых дынях «баранец». Он говорит: «Нам рассказывали, что совершенно особая порода дынь, или, вернее, тыкв, растет за Самарою, между реками Волгой и Доном. Эта порода величиною и качеством похожа на другие обыкновенные дыни, но по внешнему виду имеет сходство с бараном, члены которого она совершенно ясно изображает. Поэтому русские и называют ее «баранцем». Когда эта дыня поспевает, плод получает меховую шкурку, подобно барану; по их словам, эту шкурку будто бы можно дубить и носить как мех. Нам в Москве показывали несколько кусков такой шкурки, оторванной от одеяла, говоря, будто это шкурка от дыни «баранца»; эта шкурка была нежна и курчаво-шерстиста, подобно шкуре ягненка. Русские говорят, что этот плод скоро зреет и что дыни поедаются волками, которых часто ловят благодаря такой приманке».

Очевидно, Олеарий был введен в заблуждение относительно дынь «баранца» и, несмотря на всю свою ученость, поверил фантастическому рассказу, хотя и говорит, что он «решил не приводить в своей книге странных и небывалых историй». Но влияние эпохи, когда всюду видели чудесное и необыкновенное, не могло не сказаться и на Олеарии, и поэтому мы, кроме рассказа о «баранцах», встречаем еще несколько подобных же повествований. Интересно отметить, что Олеарий, описывая самоедов, живших в пределах нынешней Архангельской губернии, дает весьма остроумное предположение разгадки, откуда пошло средневековое учение о безголовых людях. Он говорит, что самоеды зимою надевают особые кафтаны или шубы, в которых для лица сделано отверстие; люди в таких костюмах представляют очень странное зрелище,—они кажутся без голов, а их глаза и рот как бы находятся на груди. «Вид издали таких людей,—добавляет Олеарий,—особенно с судна, пристающего к берегу, может быть, дал основание некоторым из древних писателей утверждать, будто существуют на земле люди, не имеющие голов, но с лицом на груди». В доказательство своей теории Олеарий приводит в своей книге рисунок, на котором изображен самоед в такой шубе, так что, действительно, кажется, что он без головы, а лицо его

помещено на груди; этот интересный рисунок Олеария мы и приводим здесь.

Любопытны суждения Олеария «о самих русских—в отношении их внешнего вида, одежды, их душевных качеств и нравов». Характеризуя русских XVII века, Олеарий говорит, что «мужчины у русских, большею частью, рослые, толстые и крепкие люди, кожей и натуральным цветом своим сходные с другими европейцами. Русские очень почитают длинные бороды и

Самоеды. (Рисунок из книги Олеария.)

толстые животы, и те, у кого эти качества имеются, пользуются у них большим почетом... Женщины—среднего роста, в общем красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах все они сильно румянятся и белятся... Когда наблюдаешь русских,—пишет Олеарий,—в отношении их душевных качеств, нравов и образа жизни, то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам. Русские вовсе не любят свободных искусств и высоких наук и не имеют никакой охоты заниматься ими... Большинство русских дают грубые и невежественные отзывы о высоких, им неизвестных, натуральных науках и искусствах в тех случаях,

когда они встречают иностранцев, имеющих подобные познания. Так, они, например, астрономию и астрологию считали за волшебную науку. Они полагают, что имеется что-то нечистое в знании и предсказании наперед солнечных и лунных затмений, равно как и действии светил... Когда я, ради забавы, в темной комнате при помощи маленького отверстия в стене и вложенного туда шлифованного стекла стал изображать в живых цветах все находившееся на улицах против окна, а канцлер в это время зашел ко мне, то он перекрестился и сказал: «тут, верно, волшебство»— тем более, что лошади и люди представлялись идущими вверх ногами».

Однако Олеарий не отрицает у русских ума и говорит, что они «отличаются смышленостью и хитростью, но пользуются они умом своим не для того, чтобы стремиться к добродетели и похвальной жизни, но чтобы искать выгод и пользы и угождать страстям своим». Одной из черт национального характера русских Олеарий признает склонность русских к ругани. Он говорит, что «русские постоянно употребляют постыдные, гнусные слова. Скверными словами ругаются не только взрослые, но и малые дети».

«Искать у русских большой вежливости и добрых нравов нечего,—говорит Олеарий,—они не стесняются во всеуслышание и так, чтобы было заметно всем, проявлять действие пищи последы... Так как они несведущи в хвальных науках, не очень интересуются достопамятными событиями и историей отцов и дедов своих и вовсе не стремятся к знакомству с качествами чужих наций, то в сходбищах их ни о чем подобном не приходится слышать... Большею частью их разговоры направлены в ту сторону, куда устремляют их природа и низменный образ жизни: они говорят о разврате, о гнусных пороках, о неприличностях и безнравственных поступках, частью ими самими, частью другими совершенных. Они рассказывают разные постыдные басни, и кто при этом в состоянии рассказать самые грубые похабности и неприличности, притом с самой легкомысленной мимикой, тот считается лучшим и приятнейшим собеседником».

Другим национальным пороком русских Олеарий считает пьянство. «Порок пьянства,—говорит он,—так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания: до того все это обыденно... Никто из русских никогда не упустит случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, где бы и при каких обстоятельствах это ни было; пьют при этом чаще всего водку. Поэтому и при приходе в гости и при свиданиях первым знаком

почета, который кому-либо оказывается, является то, что ему подносят одну или несколько «чарок вина» или водки... Не только простонародье, но и знатные вельможи, даже царские послы, которые должны были бы соблюдать высокую честь своего государя в чужих странах, не знают меры, когда перед ними ставятся крепкие напитки; напротив, если напиток им нравится, они льют его в себя, как воду, до тех пор, пока не начнут вести себя подобно лишенным разума и пока их не поднимут порою

Пьяные на улице русского города. (Рисунок из книги Олеария.)

уже мертвыми. Подобного рода случай произошел в 1608 г. с царским послом, который был отправлен к королю шведскому. Он так напился самой крепкой водки, что в тот день, когда его нужно было вести на аудиенцию, его нашли мертвым в постели».

Говоря о пьянстве русских, Олеарий пишет, что «простой народ» пропивает все с себя и даже продает себя в кабалу. «Когда я в 1643 году был в Новгороде,—пишет Олеарий,—и остановился в любекском дворе, около кабака, я видел каждый день, как спившаяся и голая братия выходила из кабака: иные без шапок, иные без сапог и чулок, иные в одних рубашках. Между прочим, вы-

шел из кабака и мужчина, который раньше пропил кафтан; когда же ему встретился приятель, направлявшийся в тот же кабак, то мужчина опять вернулся; через некоторое время он вышел без рубашки, в одних лишь подштанниках. Я велел его спросить: «Куда же девалась его рубашка? Кто его так обобрал?» На это он с обычной матерной бранью отвечал: «Это сделал кабатчик; ну, а где остались кафтан и рубашка, туда пусть идут и штаны». При этих словах он вернулся в кабак, вышел оттуда совершенно голый, сорвал пучок собачьей ромашки, росшей рядом с кабаком и, держа ее перед собою, весело и с песнями направился домой».

В главе «О домашнем хозяйстве русских, их обыденной жизни, кушаньях и развлечениях» Олеарий подробно описывает домашнюю обстановку русских и говорит об их пище. Как европейца, его поражает грязь и нечистоплотность русских и обычай спать «на печи и на лежанках». «В приготовлении пищи московиты также не искусны», по словам Олеария, однако он не мог не оказать чести русским пирогам: «у русских имеется особый вид печенья,—пишет он,—в роде паштета или скорее пфанкухена, называемый ими «пирогом». Они кладут в него начинку из мелкоизрубленной рыбы или мяса и луку и пекут их в коровьем, а в посте в растительном масле; вкус их не без приятности. Этим кушаньем у них каждый угощает своего гостя, если он имеет в виду хорошо его принять». Олеарию понравилась также русская «икра»; «русские мешают икру красной рыбы с перцем и мелконарезанным луком, затем некоторые добавляют сюда еще уксуса и прованского масла и подают. Это не плохое кушанье». Точно так же Олеарий восторгается и русскими медами и наливками.

Кроме того, Олеарий говорит в своей книге о положении русской женщины в XVII веке, о браках русских, о русском судопроизводстве, о религии русских, о шрифте русских, их языке и школах, о русских церквах, о духовенстве, об управлении страною и, наконец, «о светском состоянии и о полицейском строе у русских». В последней главе Олеарий говорит: «что касается русского государственного строя, то, как видно отчасти уже из вышеприведенных глав, Московия является абсолютной монархией. Государь, каковым является царь московский, один управляет всею страною, и все его подданные, как дворяне и князья, так и простонародье и крестьяне, являются его холопами и рабами, с которыми он обращается как хозяин со своими слугами. Этот род управления очень похож на тот, который Аристотелем изображен в следующих словах: «Есть и иной вид монархии, в роде того, как у некоторых варваров имеются царства, по значению своему стоящие ближе всего к тирании». Если иметь в виду, что общее отличие закономерного правления от тиранического заключается в том, что в первом из них соблю-

дается благополучие подданных, а во втором—личная выгода государя, то русское управление должно считаться находящимся в близком родстве с тираническим».

Говоря о своем путешествии по России, Олеарий замечает, что крестьяне в деревнях неохотно пускали останавливаться иноземцев у себя в избах; крестьяне очень просили не прикасаться к иконам и не ложиться к ним ногами. «Многие крестьяне,—

Типы московитов XVII века. (Рисунок из книги Олеария.)

говорит Олеарий,—после нашего постоя приглашали попа с кадилом, и он совершал очищение избы».

В главе о религии русских Олеарий много уделяет места почитанию русскими икон, «чудесам», любви русских к паломничеству в монастыри и пустыни. Упоминая о Троице-Сергиевской лавре, Олеарий пишет, что ему передавали, что в этой лавре находится чудодейственный горшок, который, будто бы, «никогда не делался пустым: сколько бы из него ни черпали щей для угощения братии, все-таки в нем щи не убавлялись».

Прожив несколько месяцев в Москве, голштинское посольство направилось в Персию. Посольство выехало из Москвы

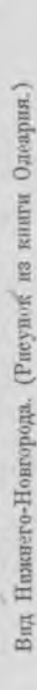
30 июня на лодках вниз по Москве-реке. Олеарий подробно описывает свой путь и перечисляет все города, встреченные по дороге. Первый город, мимо которого проезжали послы, был Коломна, «где,—говорит Олеарий,—на берег вышло бесчисленное множество народа, чтобы смотреть на нас». В трех верстах за Коломною река-Москва впадает в Оку, «широкую и глубокую реку, текущею с юга». Проезжая мимо города Касимова, Олеарий, узнав, что в городе живет татарский князь, послал ему в подарок фунт табаку и бутылку французской водки; за что получил от князя большую благодарность и в подарок две овцы, боченок меду, боченок пива, несколько кусков льду, кислого молока, сливок и свежего масла.

После Касимова посольство имело остановку в городе Муроме, населенном русскими и татарами. Около Мурома на посольство было сделано нападение татарами, но сопровождавшие посольство стрельцы выстрелами из пищалей разогнали нападавших. 10 июля посольство проехало мимо местечка Павлово, принадлежавшего знатному боярину Ивану Борисовичу Черкасскому. Затем Олеарий со своими спутниками миновали устья рек Ворсмы и Клязьмы, а 11 июля, после проезда мимо красивых деревень Избыльца, Троицкой слободы, Дудина монастыря и Новинок, посольство прибыло в Нижний-Новгород.

В Нижнем-Новгороде для дальнейшего путешествия по Волге и Каспийскому морю был построен большой корабль. Там посольство оставалось до конца июля. Олеарий был в восторге от Волги и говорит, что эта река одна из величайших, длиннейших и важнейших в мире. Он тщательно определял направление ее течения и составил первую карту реки Волги от Нижнего до Астрахани, при чем нанес на своей карте изгибы, углы и берега, а также и глубину фарватера, мели и острова.

Спускаясь вниз по Волге, Олеарий и его спутники познакомились с черемисами, и Олеарий заинтересовался этим народом. Олеарий говорит, что черемисы обожают солнце и луну, так как замечают, что их действие благоприятно для земли и скота. «Когда же я,—прибавляет Олеарий,—стал говорить одному черемису, что неправильно чтить разные предметы природы и молиться им, он дал мне такого рода ответ: «Что же представляют собою боги русских, вешаемые на стенку? Ведь в них ничего нет, кроме дерева и краски, и поэтому он не желает им поклоняться; гораздо лучше и разумнее обожать солнце и то, что имеет жизнь».

Добравшись благополучно до Астрахани, голштинское посольство отправилось далее по Каспийскому морю в Персию. Во время плавания по Каспийскому морю Олеарий убедился, что все карты этого моря неправильны, и поэтому он составил

Вид Нижнего-Новгорода. (Рисунок из книги Олеария.)

свою карту Каспийского моря, более отвечающую действительности. Плывя вдоль западного берега Каспийского моря, Олеарий увидел на юго-западе, на суше, очень высокие горы. «Это были,—говорит Олеарий,—знаменитые горы Кавказские, которые лежат в области Колхиды, известной в древности по плаванию туда Язона за золотым руном. Горы эти,—добавляет Олеарий, — в виду большой высоты своей (они оставляют облака далеко внизу и простираются как бы до звезд) дали поэтам повод к созданию сказки, будто Прометей на них при помощи сухой ветки похитил с солнца огонь и снес его вниз к людям». Говоря о побережьи Каспийского моря, Олеарий упоминает о городе Баку и первый из европейских географов пишет, что здесь из постоянных колодцев добывают особое земляное масло—нефть, которое жгут в лампах вместо жира.

Совершив путешествие в Шемаху, Олеарий с своими спутниками вновь вернулся в Астрахань, откуда отправился в Казань. В Казань посольство прибыло 8 ноября с большим трудом, так как на Волге появился лед. Вследствие этого посольство осталось жить в Казани, дожидаясь того времени, когда установится санный путь. Таким образом послы прожили в Казани до 13 декабря. Описывая свою жизнь в Казани, Олеарий говорит, что им пришлось праздновать вместе с русскими большой праздник в честь св. Николая. «Целых восемь дней под ряд, — пишет Олеарий,—русские ходили по гостям друг к другу и каждый день напивались. Хозяйка в нашей квартире пригласила и нас, когда у нее были гости; из вежливости нельзя было отказаться и пришлось с ними вместе веселиться».

Отправившись на лошадях из Казани в Москву, посольство снова останавливалось в Нижнем и затем, через Владимир, 2 января прибыло в Москву. В Москве на этот раз Олеарий прожил два с половиною месяца и 15 марта по санному пути выехал из Москвы, через Тверь и Новгород, в Ревель. 11 июля 1643 года посольство отправилось на судах морем в Голштинию и 30 июля прибыло в город Киль.

По своем возвращении из Московии и Персии Олеарий поселился в Готторпе, и герцог Голштинский, Фридерик, сделал его своим математиком и антикварием. В это время Олеарий и обрабатывал свои путевые записки и подготовлял их к изданию. Громадное значение для нас имеют рисунки Олеария, рисованные им с натуры. Сам Олеарий придавал большую ценность этой стороне своего издания и в предисловии к своей книге говорит: «что касается вытравленных на меди рисунков, то не следует думать, что они, как это порою делается, взяты из других книг или рисунков на меди. Напротив, я сам их рисовал собственноручно с натуры. Потом они были приведены в законченный

вид при помощи хорошего художника Августа Иона; при этом применялись модели, одетые в национальные костюмы, вывезенные мною из Московии. Чтобы, однако, при работе граверной иглою не было потеряно отчасти сходство, я в течение долгого времени держал трех граверов, не без больших расходов, у себя дома; они должны были работать под моим наблюдением».

В 1650 году герцог Голштинский поручил Олеарию заведывание своей библиотекой и кунсткамерой. В библиотеке видное место занимали привезенные Олеарием арабские, турецкие и персидские рукописи; Олеарий занимался переводами этих рукописей и составил арабско-персидско-турецкий словарь. Кроме того, Олеарий устроил в кунсткамере особое отделение, где были собраны фигуры-куклы, изображавшие русских, татар, персов, черкесов и других восточных народов в национальных костюмах. Под руководством Олеария с 1654 по 1664 год изготовлялся Андреем Вушом знаменитый Готторпский глобус, имевший одиннадцать футов в диаметре. Внутри этого глобуса был стол, за которым могли сидеть десять человек; на внутренней стороне глобуса было изображено звездное небо и планетная система по теории Коперника. Этот глобус был подарен Христианом Августом, внуком Фридерика, Петру I в 1713 году и в 1714 году перевезен в Петроград. Олеарий умер около Готторпа 22 февраля 1671 года.

В заключение нашего рассказа о путешествии Олеария по России мы приведем здесь подорожную, данную Олеарию царем Михаилом Феодоровичем. Эта подорожная была составлена так: «Государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича всея России от Москвы по городам до Твери и до Торжку и Великого Новагорода и до Пскова боярам нашим и воеводам и дьяком и всяким нашим приказным людем. По нашему указу отпущен от нас с Москвы голштенского князя Фридерика гонец Адам Алпариус, а с ним людей его два человека и проводить его послан до Новагорода и до Пскова новгородец Микита Панской, а с ним для береженья до Твери три человека литовских стрельцов, и на корм гонцу с людями дано от Москвы до Новагорода, да и до Пскова, на две недели деньгами на Москве, а питье ему дано на Москве до Твери на три дня по три чарок вина, по две кружки меду, по две кружки пива человеку на день. И как в который город Микита Панской с голштенским гонцом приедет и вы б, воеводы наши и дьяки и всякие наши приказные люди, голштенскому гонцу с людьми и приставу их Миките давали подводы по подорожным, а провожатых давали от города до города по три человека, а питье голштенскому гонцу и людем его вино, и пиво, и мед велели давати по городам с кабаков потомуж, как выше сего написано и отпускали не задерживая. Писано на Москве лета 7151, августа в 22 день».

IX.

Исследование русскими казаками Сибири и Приамурского края в XVII веке.— Казак Василий Бугор и открытие им реки Лены.—Поярков и открытие реки Амура.—Казак Иван Московитин и открытие Охотского моря.—Ярко Хабаров.— Семен Дежнев.

Выше, в главе о завоевании Сибири Ермаком, мы уже говорили, что со смертью Ермака не прекратилось дальнейшее стремление русских в Восточную Азию. Последователи Ермака, казаки и промышленные люди, постепенно овладевали обширными сибирскими землями, подчиняя местных жителей. Таким образом уже к половине XVII века русские землепроходы прошли всю Северо-восточную Азию и достигли берегов моря Ламы, которое они назвали Охотским, потому что сюда русские стали ездить на охоту за морскими животными—тюленями, котиками и другими.

Завоевание и исследование обширных пустынных пространств Сибири в XVII веке представлялось делом в высшей степени трудным и рискованным. Исследователям приходилось преодолевать сопротивление не только диких племен и разных туземцев Сибири, но и бороться с суровыми естественными условиями, с полным бездорожьем, с сильными морозами и т. д. Кроме того, трудность исследования увеличивалась еще тем, что большинство русских казаков и промышленников были совершенно необразованы, не имели никаких общих географических понятий, не знали употребления компаса и т. п.

Однако, несмотря на все это, они отважно пускались в далекие путешествия и поразительно быстро прошли всю Сибирь от края до края. В 1604 году русские основали возле реки Оби город Томск, в 1610 году они уже достигли устья Енисея, а восемнадцать лет спустя открыли Лену; вскоре после этого казаки были уже на Амуре, а в 1639 году казак Иван Москвитин через Алдан, Маю и вверх по Юдоме перевалил через водораздел Тихого океана и открыл Охотское море. В 1648 году казак Семен Дежнев совершил большое плавание на утлом судне вдоль берегов Восточной Азии и обогнул этот материк, открыв таким образом пролив, отделяющий Азию от Америки.

История, однако, сохранила очень мало сведений о подвигах русских землепроходов, большею частью погибавших в непроходимых дебрях Сибири или на бесплодных островах Ледовитого океана и Охотского моря от голодовки. Здесь мы расскажем лишь о нескольких русских казаках-исследователях, путешествия которых ознаменовались географическими открытиями и способствовали, таким образом, прогрессу познания земли

В 1618 году русские казаки достигли берегов реки Енисея и основали здесь укрепленный острог, который впоследствии и стал городом Енисейском. Поселившись здесь, казаки услыхали от местных жителей, что далее на восток находится большая река Лена, на берегах которой водится много соболей и других ценных пушных зверей. Вследствие этого группа казаков в десять человек, во главе которой находился казак Василий Бугор, отправилась на поиски этой реки. После крайне тяжелого и длинного путешествия, отряд казаков достиг страны, населенной якутами, а затем Василий Бугор с товарищами прибыл на Лену. Как приняли якуты казаков—об этом не сохранилось никаких сведений, известно лишь то, что уже в 1632 году казаки построили на берегу Лены город Якутск.

Вернувшись с Лены обратно в Енисейск, Бугор стал подбивать других казаков отправиться с ним на Лену, соблазняя их богатством края. Под влиянием этих рассказов на Лену вскоре потянулись массы казаков, промышленников и звероловов, и на берегах Лены возникли русские селения. Открытая Бугром река Лена—одна из величайших на земном шаре. Длина ее течения около 4600 километров и по своей величине она уступает только Амазонке и Миссисипи в Америке и Нилу в Африке. Неизвестно, совершил ли Бугор плавание по открытой им реке. Вообще мы не знаем ничего о дальнейшей жизни этого смелого казака.

Укрепившись на Лене и войдя в сношение с местными якутами, русские узнали от них, что на юге, за горами, течет река Чи (Зея), которая впадает в большую реку Шилкар (Амур), что на этих реках живет земледельческий и промышленный народ, который ведет торговлю с тунгузами и якутами. Это были первые сведения об Амурском крае. Вскоре они были пополнены енисейским атаманом Максимом Перфильевым, ходившим в 1640 году на реку Витим, чтобы привести в русское подданство тунгузские племена. Здесь он узнал, что к юго-востоку от них, на реке Шилкаре (Амуре), находятся владения князя Лавкая, изобилующие серебром и медной рудой, что жители плавят эти металлы и променивают их у северных соседей, тунгузов, на пушные товары, которые они затем продают китайцам.

Услышав о новом богатом крае, якутский воевода Иван Головин немедленно снарядил на завоевание этого края письменного казацкого голову Василия Пояркова с отрядом в полтораста человек казаков. Артиллерия Пояркова состояла только из одной пушки. Поярков отправился в поход летом 1643 г.; он поплыл сначала вверх по Алдану. В половине июля Поярков достиг устья Учура. Проплыв эту реку в десять дней, казаки достигли устья реки Гонама. На этой реке Пояркова застала

зима, и его лодки замерзли во льду. Вследствие этого Поярков решил отправиться в дальнейшее путешествие пешком. Казаки перевалили через Становой хребет и достигли реки Брянды, притока реки Зеи. Здесь Поярков остановился на зимовку и начал строить струги, чтобы весною снова продолжать путь на лодках. Так как, однако, у Пояркова не было достаточного запаса провианта, то он послал пятидесятника Юшку Петрова с семьюдесятью казаками по реке Зее, чтобы поискать каких-нибудь якутских селений, где можно было бы купить съестных припасов.

Этот отряд казаков был, однако, разбит якутами, и оставшиеся казаки вынуждены были вернуться снова к Пояркову. Большинство из них умерло по дороге с голоду и только человек двадцать добрались обратно до места зимовки. Между тем и оставшиеся с Поярковым казаки терпели сильный голод. С большим трудом дождавшись весны, Поярков, несмотря на то, что многие казаки из его отряда умерли, а другие были больны, решил ехать вперед. Он на стругах спустился по реке Зее. По берегам этой реки он видел хорошо возделанные поля, стада скота, но, опасаясь столкновения с туземцами, он не решался приставать к берегу.

После недельного плавания по реке Зее, Поярков добрался до Амура и, следуя вниз по этой реке, достиг через три недели устья Сунгари. Остановившись здесь на отдых, Поярков отправил небольшой отряд вперед, узнать, далеко ли находится устье реки. Но этот отряд не добрался до моря, на него напали туземцы и перебили почти всех, только два человека успели вернуться обратно. После этого Поярков сам решил спуститься до устья Амура. Осенью отряд казаков был уже на берегу моря. Поярков решил, что не поедет обратно прежней дорогой, а предложил своим товарищам перезимовать в устье Амура, построить большие барки, годные для плавания по морю и возвратиться в Якутск через море, поднявшись на север.

Казаки согласились и провели всю зиму за постройкой судов. Весною 1645 года Поярков со всеми своими спутниками отправился в Охотское море. Целых три месяца казаки плавали по морю без компаса и необходимых припасов, и, наконец, буря выбросила их на берег, близ устья реки Ульи. Здесь Поярков вынужден был остановиться на третью зимовку. Эта зимовка былгораздо суровее двух предыдущих. Казаки были почти все полубольные, провизии не было, о хлебе нечего было и думать, и казаки питались только рыбой да разной дичью. После этой тяжелой зимовки Поярков весною 1646 года добрался до реки Уда, проплыл вверх по этой реке, затем сухим путем дошел до реки Маи и оттуда, через Алдан и Лену, направился к Якутску, куда и прибыл 12 июля 1646 года. Таким образом путешествие Пояр-

кова продолжалось более трех лет. Он и его спутники прошли за это время около семи с половиной тысяч километров по необитаемым или заселенным дикими племенами местностям, терпя недостаток в самых необходимых припасах.

Открытие Поярковым реки Амура произвело большое впечатление в Якутске, хотя Поярков старался не преувеличивать богатств открытого им края. Он ничего не говорил о рудных богатствах Приамурья, но рассказывал, что в этой стране земля плодородна, что в ней водится много пушных зверей, а в ее реках—много рыбы. Эти известия о новом крае быстро разнеслись по Сибири, и на Амур потянулись новые группы казаков, промышленных людей и охотников до приключений.

Казацкий старшина Василий Поярков, открывший Амур и спустившийся по нему до моря, не осмелился, однако, предпринять завоевание новой области, сознавая, что его отряд слишком мал для такого дела. Завоевание Приамурского края выпало на долю русского промышленника Ярко Хабарова.

Ярко, или Ерофей Павлов Хабаров, первоначально поселился в 1638 году при впадении реки Киренги в Лену; он построил здесь соляную варницу и мельницу, но якутский воевода Головин все это отнял у Хабарова. Хабаров после этого переселился в Киренский округ. Вести об Амуре заинтересовали и его, и он испросил дозволения у якутского воеводы Францбекова итти в Амурский край и покорить его. Он обязался на свой счет снарядить отряд казаков в 150 человек. В 1647 году Хабаров, во главе отряда из семидесяти человек, отправился на завоевание Амурского края. Хабаров с товарищами поднялся по рекам—Олекме и Тугиру, а затем зимою на нартах перевалил через горы и вышел на Амур в верхнем его течении.

Появление русских, в особенности их огнестрельное оружие, навело панический ужас на даурские племена, жившие на верхнем Амуре; они бежали в леса, оставив на произвол русских не только свое имущество, но даже и укрепленные города. Хабаров занял один из таких городов, укрепил его и превратил в свою главную стоянку. Это был, по всей вероятности, город, названный впоследствии Албазин.

Оставив здесь своих казаков, Хабаров отправился в 1650 году в Якутск, откуда привел еще с собою 117 человек казаков. Весною 1651 года Хабаров, соединив все свои силы, поплыл на дощаниках вниз по Амуру. Взяв несколько крепостей и разбив дауров в многократных стычках, Хабаров принудил их признать подданство России, платить ясак и выдать заложниками своих князей. Мир установился, но не надолго; скоро туземцы напали на казаков, освободили заложников и бежали в леса.

Не имея возможности зимовать в опустошенной и враждебной местности, казаки спустились вниз, в землю дучеров,—народа, питавшегося рыбой. Вероятно, это было то самое племя, которое теперь называется гольдами. Но и здесь Хабаров встретил сильное сопротивление. Дучеры делали неоднократные нападения на укрепленный лагерь Хабарова. Когда их усилия не привели ни к чему, они обратились за помощью к манчжурам. Китайский наместник, узнав о приходе русских, решил принять энергичные меры против них; он отправил на помощь дучерам сильный отряд манчжур с артиллерией. Этот отряд осадил Хабарова в Аганском остроге. Хабаров и казаки, видя свою неминуемую гибель, решились храбро умереть и сделали отчаянную вылазку. Этот отчаянный шаг, однако, спас их; китайцы, не ожидая этого, были ошеломлены и бросились в бегство; в этот момент русские овладели китайскими пушками, втащили их в острог, установили на стены и начали стрелять из них по китайцам. Победа Хабарова была полная. Кроме пушек, казакам досталось восемь знамен, много пищалей и другого оружия.

Однако манчжуры не могли оставить без возмездия такого поражения, вредно повлиявшего на их власть среди амурских туземцев; вследствие этого они собрали в устье реки Сунгари большое число вооруженных судов и значительное войско, чтобы не пропустить отряд Хабарова обратно в землю дауров. Весною 1652 года Хабаров вынужден был, вследствие недостатка съестных припасов и пороху, вернуться назад. К своему счастью, он узнал о засаде китайцев, и поэтому выждал сильного попутного ветра и, неожиданно для китайцев, быстро прошел под парусами мимо устья Сунгари; китайцы не успели сделать нападения.

Пройдя Хинганский хребет, Хабаров встретил отряд казаков в 144 человека, под командой Чечигина, посланный якутским воеводой на помощь Хабарову. Чечигин привез с собою также большой запас пороха и свинца. После приезда Чечигина отряд Хабарова состоял из 348 человек, и Хабаров считал, что с этим отрядом вполне можно завоевать Амурский край. Он стал деятельно готовиться к походу. Однако ему не пришлось отправиться снова вниз по Амуру. Вскоре среди его отряда возникли несогласия, и сто тридцать недовольных казаков, захватив дощаники с припасами, уехали вниз по Амуру для грабежа туземцев. После этого Хабаров был вынужден укрепиться во вновь построенном им остроге, против устья реки Кумары, и ждать присылки новых подкреплений, за которыми он отправил посланцев в Якутск. Вместе с тем Хабаров послал несколько казаков с челобитной в Москву к царю Алексею Михайловичу.

Получив челобитную Хабарова, а также и донесение якутского воеводы Францбекова, царь Алексей Михайлович заинтересовался амурской страной и приказал отправить туда окольничего боярина князя Лобанова-Ростовского, с войском в три тысячи человек. Однако почему-то этот приказ не был приведен в исполнение. Вместо этого зимою 1651 года на Амур был послан боярин Зиновьев с тремя стами стрельцов.

Прибыв в Ленский край, Зиновьев застал там почти повальное стремление во вновь открытый край, богатство которого посланцы Хабарова описывали в сильно преувеличенном виде. Большие артели «охочих» людей шли друг за другом в Амурский край, грабили туземцев и сами бесследно исчезали в борьбе с голодом и оружием манчжурских войск. Боярин Зиновьев, оставив стрельцов в Якутске, отправился с тридцатью казаками на Амур, к Хабарову. В 1653 году он достиг устья реки Зеи, где он и встретил Хабарова. Зиновьев привез подарки Хабарову и казакам, но в то же время стал высокомерно держать себя с Хабаровым, считая себя его начальником.

Недовольный поведением Зиновьева, Хабаров решил сам съездить в Москву, рассчитывая личными разговорами больше заинтересовать царя Амурской страной. С отъездом Хабарова, дела на Амуре изменились к худшему для русских. Предшествовавшие опустошения края лишили казаков возможности продовольствоваться на счет местных жителей. Новый атаман, вместо Хабарова, Онуфрий Степанов, не имея возможности достать хлеба для казаков, разрешал делать набеги на даурские селения, уже признававшие власть России; это вызывало раздражение со стороны туземцев. Онуфрий Степанов посылал в Якутск просьбы прислать ему припасов и подкрепления, но между якутским и нерчинским воеводами возник спор о том, кому управлять этим краем, и потому ни тот ни другой не посылали на Амур ни новых подкреплений ни боевых запасов. Это обстоятельство решило участь Степанова и его казаков. Борясь с голодом и манчжурами, он держался еще до 1658 года, но в этом году был разбит китайским войском в низовьях реки Сунгари. Атаман, вместе с большею частью казаков, пал в бою, оставшиеся же в живых казаки были взяты в плен, лишь нескольким человекам удалось бежать.

Между тем сам Ярко Хабаров, добравшись до Москвы, был принят «милостиво» царем Алексеем Михайловичем, который выслушал Хабарова и много расспрашивал об Амурском крае. «Одарив» Хабарова землями между Киренгою и Илимом, он сделал его управляющим Усть-Кутской волостью. Но относительно снаряжения войска для завоевания Амура царь не дал Хабарову никаких полномочий.

Разочарованный в своих ожиданиях, Хабаров вернулся недовольный в Сибирь и поселился в Усть-Кутской волости. После Хабарова и Степанова, русские казаки и охочие люди делали еще несколько попыток закрепить за Россией Амурский край. В 1671 году на Амуре насчитывалось шесть больших русских деревень, город Албазин и один монастырь. Однако русское правительство не сознавало всей ценности нового приобретения и поэтому не только не старалось помогать в завоевании этого края охочим людям, но в 1689 году, согласно Нерчинскому договору, уступило Китаю всю область и обязалось уничтожить все русские поселения на берегах Амура.

Вскоре, однако, русское правительство сознало сделанную ошибку. Важное значение Амурского края особенно сильно стало ощущаться в начале XVIII века, когда русские укрепились на берегах Охотского моря, Камчатки, а впоследствии и в Северной Америке. В конце концов, было предпринято вновь завоевание Амура, и только в 1858 году Амур стал русской рекою. В честь первого завоевателя Амурского края один из окружных городов Приморской области назван Хабаровском. В этом отношении Хабаров является одним из немногих русских землепроходов, имена которых сохранились в названиях городов или местностей.

В то время, как некоторые казаки и охочие люди, как, например, Хабаров, стремились проникнуть к югу от Енисейска и Якутска, другие пускались в плавание вниз по великим сибирским рекам, впадающим в Северный Ледовитый океан. Таким образом казаки уже в 1610 году достигли устья Енисея, а в 1628 году — устья Лены. В 1637 и 1638 годах русские промышленники исследовали морское побережье от устья Лены до Оленька на западе и устья реки Яны на востоке. В 1639 году русские достигли устья Индигирки, а в 1646 году группа казаков спустилась вниз по реке Колыме, в Ледовитое море. Среди этих казаков особенно выделялся своею смелостью и отвагой Семен Дежнев. Однако экспедиция 1646 года в Ледовитый океан не достигла никаких результатов: казаки встретили в океане массы плавающих льдов и вынуждены были снова подняться по Колыме.

В 1648 году Семен Дежнев вместе с другим казаком Герасимом Анкудиновым и холмогорским промышленником Федотом Алексеевым вновь спустились по Колыме в океан, поставив себе целью отыскать устье реки Анадыря. В сентябре месяце экспедицию захватила на море сильная буря, во время которой барка Анкудинова была разбита, и он сам потонул. Дежнев решил, однако, продолжать путь. Оставшись на своей утлой барке с двадцатью пятью казаками, он отправился на северо-восток и, после неимоверных усилий, объехал Чукотский

полуостров, открыв, таким образом, пролив, отделяющий материк Старого Света от Америки. В октябре месяце 1648 г. барка Дежнева была разбита бурей близ устья реки Омоторской, откуда Дежнев с своими спутниками пешком добрались до Анадыря и основали здесь зимовье, на месте которого впоследствии возник Анадырский острог.

Таким образом Дежнев почти за сто лет до Беринга (о нем ниже) доказал своим открытием существование пролива, отделявшего Азию от Америки. Однако открытие Дежнева прошло незамеченным. Донесение Дежнева, что он с севера проник на

Мыс Дежнева (Восточный).

восточные берега Азии, было погребено в Иркутском архиве и только в 1736 году, после того, как Витус Беринг, по распоряжению Петра I, совершил свою экспедицию, в Иркутске было найдено донесение Дежнева. Впрочем, в Сибири, вероятно, многие знали об открытии Дежнева, так как живший в Сибири военнопленный швед Стременберг, по возвращению в Швецию, издал в Стокгольме еще в 1730 году карту Северной и Восточной Европы и Азии и показал на ней, что русские уже ездили из Колымы в Камчатку.

Заслуги Дежнева перед географической наукой были признаны лишь в XIX веке. По предложению известного шведского мореплавателя Норденшильда, самый крайний восточный мыс,

которым оканчивается материк Азии, был назван мысом Дежнева, в память отважного казака, прежде других обогнувшего его. Самый же пролив, открытый Дежневым, был назван Беринговым, в честь мореплавателя Беринга. Берингов пролив, разделяя материки Азии и Америки, соединяет Северный Ледовитый океан с Великим; именно с его северной частью, Беринговым морем. Наибольшая ширина Берингова пролива—96 килом., средняя же ширина пролива от 60 до 75 килом., а средняя глубина около 55 метров. Посреди самой узкой части Берингова пролива находится группа островов, открытых Берингом и названных им островами Святого Диомида. Первое известие о существовании этих островов и о большом материке на востоке от них привез в Сибирь казак Петр Попов, посланный на Чукотский полуостров собирать с чукчей ясак. Он сам не достиг американского материка, но узнал о нем от чукчей. Так как эта группа островов была исследована после Беринга капитаном Федоровым и геодезистом Гвоздевым, то эти острова известны также под названием островов Гвоздева, хотя нельзя не согласиться с Норденшильдом, что правильнее было бы назвать эти острова Федоровскими, в честь капитана Федорова, командовавшего судном, на котором было произведено исследование этих островов.

X.

Выдающиеся французские путешественники XVII века.—Пирар из Лаваля.—Тавернье.—Шарден.

Франция XVII века не дала миру великих исследователей-мореплавателей; но, тем не менее, французские путешественники XVII столетия много способствовали более точному ознакомлению со странами, мало известными до того времени. В ряду первых таких путешественников-исследователей следует поставить Франсуа Пирара из Лаваля. Отправившись в 1601 году на одном корабле из Сен-Мало в Индию, Пирар потерпел крушение у Мальдивских островов. Этот архипелаг состоит не меньше, чем из двенадцати тысяч островов и островков, простирающихся от мыса Коморина до экватора.

Пирар спасся при кораблекрушении и попал на один из этих островов. Он прожил пленником у туземцев целых семь лет, изучил местный язык, нравы жителей, их обычаи, религию и т. п. В конце концов, ему удалось освободиться из плена и, вернувшись во Францию, Пирар составил записки о своем пребывании на Мальдивских островах. Почти до нашего времени его сочинение сохранило свой интерес и ценность, так как очень

редкие путешественники даже и в наши дни посещают добровольно этот нездоровый архипелаг, изолированное положение которого мало привлекало мореплавателей и завоевателей.

В XVII столетии во Франции появляются путешественники-любители, или туристы. К числу таких путешественников-любителей принадлежит Тавернье. Двадцати двух лет отроду он уже объехал Францию, Англию, Нидерланды, Германию, Швейцарию, Польшу, Венгрию и Италию. Затем Тавернье отправился в Константинополь, оттуда уехал в Персию. В Персии Тавернье заинтересовался коврами, большое количество которых он привез с собою во Францию. Здесь Тавернье стали предлагать за ковры большие деньги, и он решил сделаться торговцем восточными изделиями. С этою целью он предпринял новое путешествие в Персию, Монголию и Индию до китайской границы. Вернувшись из этого путешествия с большим запасом восточных товаров и драгоценных камней, Тавернье с большими барышами распродал их своим соотечественникам и нажил огромное состояние. Он совершил еще три путешествия на восток.

Тавернье собрал много интересных наблюдений о нравах и обычаях жителей Востока, о растительности этих стран. Сочинение Тавернье много способствовало ознакомлению со странами Востока и разрушило нелепые легенды средних веков о необычайных людях, населяющих эти страны.

В то время, как Тавернье совершал свои далекие путешествия на дальний восток, знаменитый археолог Жан Тевенот исследовал страны ближнего востока, собирая различные памятники древней культуры. В 1664 году он отправился в Малую Азию, а затем проехал в Персию, Бассору, Сурат и Индию, побывал в Мазулипатаме, в Берампуре, в Ауренгабаде и в Голконде. Его сочинения по истории и географии пользовались широкой популярностью и способствовали прогрессу географической науки. Тевенот умер в Армении в 1667 году.

Говоря о французских путешественниках-любителях, мы должны упомянуть о Франсуа Бернье, который был в одно и то же время доктором, философом и путешественником. Бернье, отправившись в Сирию и Египет, достиг Индии, где прожил целых двенадцать лет. В качестве доктора он был принят при дворе монгольского императора Ауренг-Зеба, и это дало ему возможность познакомиться подробно с жизнью азиатских народов. География обязана Бернье описанием Кашмира.

Успехи Тавернье по продаже восточных товаров и драгоценных камней вызвали подражание, и один французский купец Жан Шарден, сын богатого ювелира в Париже, решил также заняться торговлей бриллиантами. С этой целью Шарден отправился в Персию, откуда он намеревался пробраться в Индию.

В Персии Шарден был принят благосклонно шахом Абасом II. Шарден прожил в Персии целых пять лет, а затем совершил в 1671 году второе путешествие в Персию и пробыл там тоже около пяти лет. За время своего пребывания в Персии Шарден изучил персидский язык и благодаря благосклонности шаха мог познакомиться во всех деталях с жизнью персов. Он сумел собрать о персидском государстве и его жителях очень интересные сведения, сделавшие его сочинение необходимой книгой для изучения Персии. Эта книга тем более ценна, что Шарден взял с собою в Персию из Константинополя одного художника, по имени Грело, и последний воспроизвел памятники, виды городов, костюмы персов, типы и т. п. Книга Шардена не утратила своего интереса и в наше время.

Когда Шарден возвратился из Персии во Францию, он узнал, что во Франции произошло гонение на протестантов. Так как Шарден был сам протестант, то он решил возвратиться в Индию. В свое второе путешествие Шарден поехал не прежним путем. На этот раз он проехал через Смирну и Константинополь, и оттуда, через Черное море, он достиг Крыма. Из Крыма Шарден направился на Кавказ и затем проник в Мингрелию, где у него украли часть драгоценностей, вещей и бумаг. Сам он спасся от смерти только благодаря простой случайности. Вскоре, однако. он попал в плен к туркам, которые взяли с него большой выкуп.

После четырехлетнего пребывания в Персии и после путешествия в Индию, Шарден возвратился в Европу и поселился в Англии, так как его религия закрывала для него доступ во Фронцию. В 1711 году Шарден опубликовал свое сочинение о Персии, которое явилось первым трудом, познакомившим европейцев с этой страной.

Посещенные Шарденом страны были после него иследованы художником Корнелием Брюеном или Ле-Бреном, который также составил книгу о Персии; ценность этой книги заключается, главным образом, в рисунках, исполненных изящно и точно, в тексте же у Ле-Брена мы не находим ничего нового.

XI.

Немецкий путешественник XVII века. Кемпфер.

Говоря о знаменитых путешественниках XVII столетия, мы не можем обойти молчанием германского путешественника, доктора Энгельберта Кемпфера. Кемпфер, почувствовавший стремление видеть новые страны, отказался от блестящей карьеры и поступил в 1683 г. секретарем к шведскому послу, отправлявше-

муся в Россию. Из России Кемпфер достиг Персии и затем направился в Индию, где поступил на службу к голландской Ост-Индской компании. Кемпфер затем объехал всю Аравию, Малабарский берег, Цейлон, Яву, Суматру и Японию, где он прожил около трех лет (1690—1692 г.г.). Цель его путешествий была исключительно научная. Доктор по профессии, но преданный изучению естественной истории, Кемпфер является одним из первых путешественников-исследователей. Он собирал, описывал, сушил, рисовал все встречавшиеся ему растения; он дал очень много сведений о лечебных свойствах и промышленном значении многих тропических растений; он собрал громадный гербарий, хранящийся и теперь вместе с его рукописями в Британском Музее в Лондоне.

Важный вклад в географическую науку Кемпфер сделал своим сочинением об Японии, так как это было первое сочинение в Европе, где говорилось об японцах, их истории, нравах и обычаях. «История Японии» в двух томах была издана первоначально по-английски в 1727 году, а в 1729 году эта книга была переведена на французский язык.

В своей книге об Японии Кемпфер приводит много интересных сведений. Он подробно описывает столицу Японии, Иедо, Нагасаки и другие города Японии. Долгое время книга Кемпфера была единственной книгой об японцах.

XII.

Состояние географической науки в конце XVII столетия.—Варениус и его «Всеобщая География».—Космография: «Земневодного круга описание» Иоганна Гибнера.—Успехи картографии в XVII веке.—Начало математической географии.

Путешественники и исследователи XVII столетия неуклонно продолжали великие завоевания путешественников и исследователей XVI века. Но результаты этой «эпохи великих открытий» сказались не сразу. Выше мы видели, что к концу XVI века были попытки внести исправления, согласно новым открытиям, в географические карты и сочинения. В XVII столетии потребность в «новой» географии назрела еще более, однако, данных для полной перестройки здания географической науки было еще очень мало, и поэтому все географические сочинения XVII столетия представляют пеструю смесь, где, на-ряду с действительными фактами, встречаются сведения, унаследованные от средних веков.

Только в половине XVII столетия в Голландии была сделана первая попытка обобщить все географические завоевания

эпохи великих открытий и положить основы общему научному землеведению. Эту попытку предпринял англичанин Бернгард Варениус, бывший врачом в Амстердаме. Он написал и издал в 1650 г. сочинение «Всеобщая География». Варениус первый старался изложить географические явления во всей их совокупности. Книга Варениуса выдержала несколько изданий. Насколько ценился современниками Варениуса его труд, можно судить по тому, что «Всеобщая география» была вскоре переведена на английский язык под редакцией знаменитого Исаака Ньютона. Между прочим, и Петр I приказал перевести эту книгу на русский язык. Русское издание Варениуса вышло в свет в 1718 г. и было иллюстрировано пятью гравюрами на меди; снимок с одного рисунка (2-й лист заглавия) мы и помещаем здесь.

Однако книга Варениуса далеко опередила свое время и не удовлетворяла массового читателя. Гораздо большей популярностью пользовались в Европе и у нас, в России, различные «космографии», образцом которых служила «Космография» Себастьяна Мюнстера. Выше мы уже говорили об этом сочинении. Космографы XVII столетия, подражая Мюнстеру, старались, по мере новых открытий, дополнять и исправлять текст Мюнстера, или же брали на себя смелость составлять свои собственные космографии. Знакомясь с этими космографиями, мы можем составить себе полное понятие о том, каковы были географические представления в XVII столетии. Сравнивая космографии XVII века с космографиями более ранних эпох, мы можем заметить довольно большой прогресс. В космографиях XVII века в большинстве случаев авторы стараются избегать сообщений о существовании одноногих, безголовых и безротых людей или людей с собачьими головами и т. д. Но, тем не менее, иногда авторы изменяют себе и не могут воздержаться от того, чтобы не привести каких-либо фантастических сведений о заморских странах.

Одной из наиболее распространенных космографий в Европе в XVII столетии была космография некоего Иоганна Гибнера (род. 1668 г., ум. 1731 г. [1]). Эта космография, написанная в вопросах и ответах, была переведена, по приказанию Петра I, на русский язык и издана в 1719 году в Москве.

Космография Иоганна Гибнера в переводе на русский язык носит следующее название: «Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старыя и новыя географіи, по вопросамъ и отвѣтамъ черезъ Ягана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцикѣ напечатано, а нынѣ повелѣніемъ великаго государя

[1]) Космография Гибнера выдержала около 40 изданий и разошлась более чем в ста тысячах экземпляров.

Второй заглавный лист к «Географии Генеральной» 1718 г.

Царя и Великаго Князя Петра Перваго, всероссійскаго Императора при наслѣдственном благороднѣйшемъ государѣ Царевичѣ Петрѣ Петровичѣ на россійскомъ напечатано въ Москвѣ. Лѣта Господня 1719, въ Апрѣлѣ Месяцѣ».

Космография Гибнера содержит в себе описание всех стран света, с предисловием, которое носит заглавие «предуготовленіе на географію» и заключает в себе сведения по физической географии. Затем следуют четыре отдела, называемые «ландкартами» — ландкарта европейская, азиатская, африканская и о незнаемых землях. Книга заканчивается главою «о Глобусе», которая содержит основания математической географии. К книге приложено пять гравюр с символическими изображениями частей света. На одной гравюре изображен Атлант, держащий на себе земной шар; на гравюре помещена следующая надпись: «Несу всѣхъ носящо, старъ сый толь тяжкое бремя, се зрящь всякъ учися—не трать всуе свое время». Вторая гравюра, с надписью «Европы описаніе», изображает женщину в царских одеждах; на этой гравюре мы видим надпись: «сія трехъ частей и мудрости царица, въ храбрости въ силѣ какъ въ звѣздахъ денница». На третьей гравюре—«Азіи описаніе» изображена группа торговцев в восточных одеждах; на этой гравюре находится надпись: «Сія сіяла въ силѣ своей славна, но днесь при лучшихъ не столь стала явна». На четвертой гравюре, носящей название «Африки описаніе», изображены негры, слоны и львы; надпись на этой гравюре гласит: «Аще и подъ солнцемъ, но черна есть тѣломъ, паче же грубымъ и гнуснымъ своимъ дѣломъ». Наконец на пятой гравюре мы видим изображение царя инков, черепах, змей и других американских животных; на гравюре имеется надпись: «Что пользуетъ симъ множество богатства, егда не имутъ мудрости изрядства».

Описывая различные страны, Гибнер дает иногда краткое изложение физической географии страны: так, например, мы у него находим, что Италия имеет форму сапога, «а сапог разделяется на три части: верхняя, где отвороты, средняя — голенища и нижняя — ступень». Описание самих народов в книге Гибнера снабжены большею частью меткими характеристиками. Так, например, на вопрос: «какие жители обретаются во Франции?» автор отвечает: «Сии жители в ученьи зело любопытны, в экзерцициях поспешны, в войне высокоумны, храбры и скоропостижны, к чужестранцам учтивы и вежливы, в платье переменны и замысловаты, в языке своем искусны и благоприятны, королю своему верны и во всех делах скорую имеют резолюцию».

Относительно англичан Гибнер более строг: отметив их практический ум, Гибнер говорит о нетерпимости англичан к католикам. «Хотя,—говорит он,—вся Англия калвинскую веру держит, однакож обретаются между епископскими, презвитер-

скими, пуританами—конформитаны, не конформитаны, сепараты, индепенденты и протчие неразрешимые расколы; квакеров и протчих таких же сумасбродов полоумных довольно, токмо од-

Список с гравюры из книги: «Земноводного круга описание».

них католиков не терпят». Говоря об англичанах, Гибнер выделяет ирландцев и, характеризуя их, говорит: «О жителях Ирландии мало доброго пишут; кроме того, что они к работе ленивы, к тому же худые и упрямые люди и понеже англичане усмотрели,

что невозможно закоснелого в них нрава переменить и исправить, того ради многих переведенцев из Англии туда на житье отправили». Характеризуя жителей Шотландии, Гибнер пишет: «шкоты не так обходительны, как англичане, а особливо горские шкоты и которые по островам живут, понеже оные так дики и нелюдимы, что обычайно они дикие шкоты называются, впрочем к бунту они склоннее англичан и едва не всех народов охотнее».

Особо лестный отзыв заслужили у Гибнера голландцы. «Ремесло жителей Голландии, — говорится в книге, — есть купечество, которое в Голландии так возвысилось и весьма имоверно, что во всем свете только кораблей не обретается, столько в сем малом государстве находится. И кто ведает, что народ оной зело правдив, простосердечен, трудолюбив, терпелив, бережен и саможелателен, тот не удивляется, что они в купечестве всех других народов превосходят. Но при том необъятном купечестве не покидают оные и книжного ученья, которое у них так в земле той распространилось, что они многие иные земли в том посрамить могут».

Относительно других европейских народов Гибнер более строг; так, говоря «о состоянии жителей гишпанских», Гибнер пишет, что « у оных хвалят остроумие их и постоянство, а против того хулят их гордость и ленивство». «Гишпанцы имеют язык с латинским во многом сходный, и, таким образом, кажется, что оный от латинского родился».

Описывая Италию, Гибнер замечает: «не можно лучше итальянского нрава описать, кроме что когда говорится: что у них есть темперамент или природа между гишпанскою гордостью и французской беспечальностью или веселостью... Итальянская нация достойна похвалы,—прибавляет Гибнер,—ибо они суть остроумны, понеже они в музыке и в архитектурном, и в живописном, и в протчих художествах, и мудрых искусствах перед другими народами немало превосходят».

Относительно ближайших соседей России Гибнер пишет. что Россия соприкасается с Швецией через Лапланд, «сиречь Лаппия Швецика», где жители «зело дикие и суровые и варварские люди». Жители Финляндии могут «гораздо снести стужу и иную тягость в работе, того ради оные угодны в войне бывают». Характеризуя Россию и ее жителей, автор говорит: «жители прежде сего не гораздо были искусны, но ныне царствующий государь Петр Первый трудится, дабы оные сздили в иные земли и другим европейским обычаям подражали и обучаяся навыкали». (По всей вероятности, эти слова добавлены переводчиком.) С разных сторон Русская земля окружена татарами, живущими под разными наименованиями на русских границах, и, между прочим, «около реки Танаи, где живали древле храбрые жены Амазоны и даже в Украйне, недалеко от Киева встречаются татары «толь

далеко распространилась и рассеялась сия гадина», добавляет автор.

В высшей степени любопытно описание Африки, которая «полна пезнаемых земель» и «неудобопамятных королевств». В Африке много разных зверей—«долгих обезьян, драконов или змиев великих, львов, слонов и струсов, коих и им подобных такое множество при реках находится, что никто не может безопасно проехать».

Жители Африки «суть всюду дикие и необходительные люди; повыше к Медитеранскому морю еще оные отчасти белее, а которые пониже тамо живут, оные суть черпообразны; которые живут вверху, признаются в махометанской вере, но и христиане между них находятся, но оные больше христианское имя носят, нежели дела отправляют; те же, которые к западу при ефиопском море живут, городов не имеют и никакого короля не знают, но токмо скитаются везде в оной земле и немногим лучше зверей, а наипаче, что оные человеческое мясо жрут; в земле своей называются они готентотен, а говорят языком подобно как у нас куры кричат».

Говоря об Африке, Гибнер упоминает, что там есть христианское царство Муринской земли или Габессиния, но только «оная вера от европской во многих вещах не сходна». Царь Габессинии «от африканов именуетца великой негуц; прежде сего в простом народе назывался он священник Иоанн, но ныне от такого безумного имени отвыкли, ибо подлинее о том уведомлены».

Описывая Америку, Гибнер замечает, что «доколе земля сия от европейцев не найдена была, имела оная в разных местах особливых своих королей. Но как гишпанцы сперва тамо прибыли, стали оные умышлять, как бы жителей тех искоренить и оную землю себе в собственное владение привлечь, что с немалым свирепством учинено. А папа, хотя свою учтивость и податливость оказать, подарил всю оную землю гишпанцам. Но языческие короли в Америке немало тому смеялись, что папа раздает королевства чужие».

«Земля оная не подобна другим,—добавляет Гибнер,—а наипаче богата золотом и серебром, так что гишпанцы многие корабельные флоты нагружены сребром отtоль получали и ежели б они с людьми тоя земли приятнее поступили, то несчетное б богатство получили, но понеже они многие миллионы людей немилосердным образом погубили, того ради сами жители многие рудокопные заводы разорили. Жители оные были острого ума, что можно признать из многих их искусных вымыслов...»

В последней главе своей космографии «о глобусе», Гибнер упоминает, между прочим, о вращении земли, и по этому поводу замечает: «солнце причиняет день, а понеже на свете день и нощь

меняются, того ради, без сомнения, из того следует, что либо солнце с фирмаментом, то-есть с твердию небесной, или земля движутся. Ежели по человеческому уму рассуждать,—продолжает автор,—то кажется имовернее, что солнце стоит, а земля движется... И сей аргумент защищал и содержал Николай Коперник духовной человек во Фрауенбурхе в пруссах, что и ныне многие приемлют и оному последуют.

Между тем понеже именно в священной Библии написано, что солнце течет в круг, а земля недвижима стоит, того ради святому писанию больше в том верить надлежит, нежели человеческому мнению. Сей же аргумент особливо славный дацкий математик Тихо Браге хранил, чему и до ныне все согласуются, которые святому писанию не охотно прекословят. Мы согласуемся мнению Тихонскому и верим, что земля недвижима стоит, а против того весь фирмамент непрестанно около земли обращается».

Таким образом Гибнер не мог еще отрешиться совершенно от взглядов Птоломея и все еще признает наш земной шар центром вселенной, вокруг которого движутся солнце и все планеты. Но в области описательной географии космография Гибнера опередила во многом другие космографии. В этом отношении космография Гибнера, сравнительно даже с знаменитой космографией XVI века Себастьяна Мюнстера, была большим шагом вперед. Хотя и здесь еще мы встречаем много легендарного: так, например, говоря об острове Цейлоне, Гибнер замечает: «Слоны на острове Цейлоне такую имеют честь, что все слоны на свете оным поклоняются, когда где сойдутся...».

Подводя итоги географических знаний XVII столетия, мы можем сказать, что к концу этого столетия большая часть Нового Света была уже известна. В Северной Америке—Канада, берега Атлантического океана и Мексиканского залива были исследованы и колонизованы. Вся средняя часть континента была подчинена, по крайней мере номинально, испанцам. В Южной Америке—саванны и леса Бразилии, пампасы Аргентины и внутренние страны Патагонии скрывались еще от взоров исследователей. Они были исследованы много позднее.

В Африке почти все побережье Атлантического океана и Индийского моря было исследовано португальцами. Но внутренние области этого материка были совершенно неизвестны, и Африка, действительно, была, по выражению Гибнера, «полна незнаемых земель». Лишь в некоторых местах поселенцы и миссионеры делали попытки проникнуть в тайну этого обширного материка. Сенегал, Конго, долины Нила и Абиссиния — вот все, что было известно в XVII веке с некоторыми подробностями и с некоторой основательностью.

Относительно Азии мы можем сказать, что хотя многие азиатские страны не были известны в XVII веке, но, тем не менее, к концу этого столетия Китай и Индия перестали быть таинственными странами для европейцев. Точно так же и Япония,—эта знаменитая страна Ципанго, о которой впервые европейцы узнали от Марко Поло, была в XVII веке открыта европейцами. С другой стороны, русские казаки исследовали Сибирь и весь северо-восточный угол Азии, и мы видели, что казак Дежнев своим плаванием вокруг Чукотского полуострова разрешил великую географическую проблему—соединяется ли Америка с Азией. Однако это важное открытие не сделалось в XVII веке достоянием науки и лишь в XVIII веке, после исследования Беринга, этот вопрос стал считаться вполне решенным.

В Океании—множество архипелагов, островов, уединенных островков еще не были исследованы; но Зондские острова уже были частью колонизованы, берега Австралии и Новой Зеландии были частью исследованы, и географы начали уже после этих исследований сомневаться в существовании того южного материка, который, согласно Тасману, должен заключаться между Огненной Землей и Новой Зеландией. Однако окончательное разрешение вопроса о существовании южного материка было сделано лишь в XVIII столетии, после исследований Джемса Кука.

В конце XVII столетия географическая наука переживала момент коренного преобразования. В это время наука вообще сделала большой прогресс. Старая система мироздания Птоломея, ставившего землю в центре вселенной, была поколеблена учением Коперника, который доказывал, что земля и другие планеты вращаются вокруг солнца. В это же время Исаак Ньютон открыл закон всемирного тяготения и внес этим самым новый свет в понимание мироздания. В XVII веке были также изобретены новые инструменты наблюдения и измерения — телескоп, часы, термометр, барометр и угломерные инструменты, которые позволили сделать великие открытия в области астрономии. Эти открытия не могли не отразиться и на географии. В XVII веке были сделаны попытки определить величину и размер земного шара, и работы Фернеля, в особенности Пикара, выяснили, что земля — не правильный шар, а сфероид, то-есть шар, сплюснутый у полюсов и выпуклый у экватора.

Точно так же изменился в XVII веке и внешний вид географических карт. Большинство картографов этого столетия стали чертить карты в проекции Меркатора. Вместе с тем очертания материков начали принимать более или менее правильный характер. Великий океан начал заполняться на картах XVII века островами и архипелагами островов, в то время огромный таинственный австральный материк, который по убеждению геогра-

фов XVI века, занимал всю область от мыса Доброй Надежды до мыса Горна, постепенно расчленялся на целый ряд отдельных островов. Исследования Тасмана доказали, что в действительности не существует единого австралийского материка.

В это же самое время развивалась и прогрессировала и историческая география; ее расцвету много способствовало изучение древних надписей, и археологии суждено было сделаться одним из самых полезных орудий для сравнительной географии. Таким образом XVII век в области географии является веком преобразований и прогресса.

В это столетие были поставлены многие великие географические задачи, которые были блестяще разрешены в восемнадцатом веке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Знаменитые путешественники восемнадцатого столетия.

I.

Начало путешествий с научной целью.—Путешествие Мопертюи в Лапландию.—Путешествие Ля-Кондамина в экваториальные области Америки.

Прежде чем говорить о выдающихся путешественниках и мореплавателях XVIII столетия, мы должны здесь сказать несколько слов об успехах математической географии, благодаря которым стало возможно точное определение географических широт и долгот различных пунктов земного шара. В 1615 г. голландский математик Вильбруд Снель, или Снеллиус, изобрел способ триангуляции, при помощи которого он измерил дугу меридиана между городом Алькмаром и Берг-оп-Зоом в Голландии, точно определив географическую широту обоих пунктов.

Это измерение Снелля послужило примером для многих других таких же измерений в Европе. Усовершенствование же часов и угломерных инструментов дало возможность определять более точно широты и долготы в разных пунктах земного шара, в том числе и среди океана.

В 1671 г. по предположению французских астрономов Кассини и Пикара французское правительство отправило астронома Жана Рише в Кайенну (под 5° сев. шир.) для производства астрономических наблюдений. Наблюдения Рише привели к неожиданным открытиям. Так, Рише, наблюдая колебание секундного маятника в Кайенне, заметил, что здесь маятник качался медленнее, чем в Париже, а именно, за сутки он делал на 148 колебаний меньше, чем в Париже. Так как из механики известно, что скорость колебаний маятника находится в зависимости от его длины и увеличения силы тяжести, т.-е. земного притяжения, то отсюда было ясно, что замедление скорости колебаний маятника одинаковой длины под экватором доказывало, что здесь сила тяжести уменьшалась. Это уменьшение могло произойти

или от увеличения центробежной силы земного шара на экваторе, или под влиянием вздутия земной коры в экваториальном поясе, вследствие чего всякий предмет под экватором находится дальше от центра Земли и поэтому притягивается меньше, то-есть становится несколько легче весом, чем в другой области земного шара.

На основании наблюдений Рише знаменитый английский ученый Исаак Ньютон высказал предположение, что наша

Мопертюи. (С гравюры XVIII века, из Парижской национальной библиотеки.)

Земля не представляет собою правильного шара, но что она сплющена у полюсов и выпукла под экватором. Если же допустить, что земля не является правильным шаром, то ее градусы широты будут неравны между собою. Чтобы удостовериться в этом, нужно было послать две экспедиции — одну в полярные страны, а другую под экватор, и произвести точные измерения широтного градуса, то-есть одной триста-шестидесятой части земной окружности.

Для выполнения этой задачи по инициативе Французской Академии Наук и были организованы в 1736 г. две экспедиции.

Одна из них, во главе которой был поставлен известный французский математик Пьер-Луи Мопертюи, была отправлена в Лапландию, на север Швеции, а другая, под начальством академика Шарля Мари де Ля-Кондамина, была послана в экваториальные области, в Перу.

В состав полярной экспедиции, кроме Мопертюи, вошли академики Клеро, Камю, Лемонье, Самре, рисовальщик Гер-

Ля-Кондамин. (Снимок с гравюры XVIII века.)

белло и шведский астроном и физик Цельсий. В состав экспедиции Ля-Кондамина вошли французские и испанские ученые: Букэ, Годен, Уллоа и Жорж Жуан.

Когда обе экспедиции возвратились во Францию и ученые сравнили результаты наблюдений, то оказалось, что длина градуса меридиана под экватором равна 362.000 фут., а длина градуса под 66° сев. широты — 367.000 фут., в то время как под широтой Парижа длина градуса меридиана равна 364.900 фут. Из сравнения этих величин был окончательно выяснен тот факт, что наша земля представляет собою сфероид, т.-е. шар, несколько сплюснутый у полюсов и выпуклый на экваторе.

Таким образом была доказана правильность предположения Ньютона, к которому он пришел чисто теоретическим путем.

В 1731 г. английский астроном Галлей изобрел для определения географических широт зеркальный о к т а н т [1]), а для определения географических долгот в XVIII ст. стали пользоваться часами, механизм которых в это время удалось значительно усовершенствовать.

Благодаря всему этому в половине восемнадцатого века отмечается и большой прогресс в картографии. Действительно, раз была найдена возможность точно определять географическое положение данного пункта на земной поверхности, то сравнительно уже нетрудно было правильно распределить эти пункты и на карте.

Французское правительство первое поручило в начале XVIII века целой группе астрономов определить точным образом географическое положение всех значительных городов Франции. После этих работ, продолжавшихся почти 40 лет, Французская Академия Наук приступила к составлению точной карты Франции. При составлении этой карты выяснилось, что очертания берегов Атлантического океана и Средиземного моря на старых картах во многих пунктах не соответствовали действительности. Примеру Франции последовали во второй половине XVIII столетия и другие государства. Между прочим, в 1739 году в России было основано географическое отделение Академии Наук, которое и издало в 1745 году первый русский атлас в девятнадцать листов.

Благодаря прогрессу математических и физических наук, успехи картографии были наиболее очевидны во Франции. Особенно много способствовали развитию картографии французские картографы Делиль и Данвилль. Гильом Делиль (1675—1726) подверг критическому исследованию прежние географические карты и отчасти их совершенно переработал. Делиль в течение 25 лет неутомимо вносил поправки на основании новых географических и астрономических данных.

Брат Гильома Делиль, Жозеф Делиль, бывший преподавателем астрономии в России, присылал Гильому много материалов по картографии мало известных в то время русских областей. Третий брат, Делиль де-ла-Кройер, также способствовал прогрессу картографии; он исследовал берега Ледовитого океана, определил географическое положение важнейших пунктов побережья. Вместе с Берингом он участвовал в экспедиции, которой удалось открыть северо-восточный проход из Великого океана в Атлантический. Делиль умер на Камчатке. Таким образом, все три брата Делиль много сделали для развития карто-

---

[1]) Октант — угломерный инструмент, позднее замененный более усовершенствованным *секстантом*.

графии, при чем на долю Гильома Делиля выпала честь совершить коренной переворот в картографической науке. Ему удалось сопоставить фактические результаты древних исследований и новейшие данныя. Не ограничивая свои поправки только одною какой-нибудь частью земли, он распространил их на весь земной шар и таким образом приобрел законное право считаться как бы творцом новой картографии [1]).

Продолжателем Делиля в области картографии является его ученик Бургиньон Данвилль, карты которого отличаются не только точностью и правильностью, но также и художественным выполнением. Замечательным трудом Данвилля была его карта Италии. Он впервые придал на этой карте Апеннинскому полуострову действительное его очертание. С неутомимым прилежанием собирал он сведения о длине путей сообщения и о расстояниях между различными городами. В 1749 году он издал карту Африки, при чем внутренняя часть Африки на этой карте была не заполнена, так как эти области были совершенно не исследованы.

В 1735 году Филипп Бюаш, пользующийся заслуженной известностью как географ, издал гидрографическую карту Ламанша, на которой впервые были изображены неровности морского дна.

Десять лет спустя после опубликования карты Ламанша Бюашем вышло во Франции сочинение Дапре де-Манвильета «Восточный Нептун», в котором были исправлены карты африканского, китайского и ост-индского побережий. К этому сочинению была приложена инструкция для мореплавателей. Книга «Восточный Нептун» служила почти весь XVIII век руководством для французских моряков.

В Англии астрономы и физики внесли также со своей стороны много ценных изменений в географическую науку,—так, например, астроном Галлей опубликовал важное сочинение «О муссонах».

II.

Кругосветное путешествие первой половины восемнадцатого столетия.—Плавание Вуда Роджерса.—Приключение Александра Селькирка.— Экспедиция Джорджа Ансона.

Несмотря па большой прогресс в деле мореплавания в течение семнадцатого столетия, кругосветные плавания по своей трудности и продолжительности в начале восемнадцатого века

[1]) Гильом Делиль предложил проводить первый меридиан на географических картах через остров Ферро, один из самых западных островов Канавской группы.

представлялись все еще предприятиями крайне рискованными, вследствие чего за всю первую половину XVIII столетия было совершено только три кругосветных путешествия.

В 1708 г. в кругосветное плавание отправился английский мореход Вуд Роджерс на двух кораблях «Герцог» и «Герцогиня», по поручению компании бристольских судовладельцев. Знаменитый «морской король» Дампиер, о путешествиях которого мы говорили выше, принял участие в этой экспедиции в качестве старшего штурмана.

Плавание «Герцога» и «Герцогини» обогатило не столько науку, сколько бристольских судовладельцев, но, тем не менее, оно представляет известный интерес также и с чисто-географической точки зрения. «Герцог» и «Герцогиня» отплыли из Бристоля 2 августа 1708 года. Спустившись вдоль берегов Бразилии на юг до Фалькландских островов, оба корабля достигли затем 60° южн. широты. Обогнув мыс Горн, Вуд Роджерс направился к острову Хуана Фернандеца, где намеревался запастись пресной водой и съестными припасами. Однако благодаря тому, что точное положение этого острова было неизвестно, Вуд Роджерс отыскал его только 1 февраля. Когда корабли Роджерса приблизились к острову, то мореплаватели, к своему удивлению, заметили на острове большой огонь. Первоначально Роджерс подумал, что где-нибудь в соседней бухте укрываются испанские или французские суда, но потом на остров была послана шлюпка с матросами, и они привезли с собою человека, одетого в козьи шкуры, но казавшегося совершенным дикарем.

Как выяснилось позднее, это был шотландский моряк Александр Селькирк, который, поссорившись со своим капитаном, был $4^1/_2$ года тому назад высажен на этот пустынный остров. Он именно и зажег костер, встревоживший Вуда Роджерса. Селькирк рассказал, что он прожил все это время в полном одиночестве. Его высадили на берег, дав ему ружье, немного пороху и пуль, некоторое количество табаку, котел, нож, топор, библию и необходимое белье. Селькирк старался устроиться на острове возможно лучше, но первое время сильно страдал от одиночества. Затем он выстроил на острове две хижины; питался он разными кореньями и мясом диких коз, которых много водилось на острове. Когда у Селькирка вышел весь порох, то он охотился на коз с палкой и при этом научился так быстро бегать, что мог легко догонять диких животных. Когда Селькирк износил платье и башмаки, то он сшил себе одежду и обувь из козьих шкур, употребляя вместо иглы гвоздь. В продолжение четырех лет, которые Селькирк провел на острове, он до того разучился говорить, что его с большим трудом понимали. Роджерс взял Селькирка с собою на корабль и доставил его на

родину. Приключения Селькирка послужили основной темой Даниелю Дефо для его знаменитого романа «Приключения Робинзона Крузо».

Отправившись с острова Хуана Фернандеца к западным берегам Южной Америки, Роджерс совершил нападение на город Гваякциль, где захватил в плен несколько судов и собрал большую контрибуцию. Отсюда Роджерс поднялся выше на север и под 2° сев. шир. открыл архипелаг островов, которые он назвал, благодаря встреченным здесь в изобилии черепахам, Галапагос, то-есть Черепашьими.

Простояв некоторое время в бухте Пуэрто Сегуро в Калифорнии, Роджерс 12 января 1710 года отправился на Марианские острова. Запасшись здесь свежей провизией, он через Бутанский и Салейерский проливы достиг Батавии, откуда отплыл к африканским берегам. После обычной остановки в Капштадте, Роджерс вернулся 1 октября 1710 года обратно в Англию. Не сообщая в подробности списка награбленных им сокровищ, Роджерс упоминает только, что он сдал бристольским судовладельцам огромное количество золота и серебра в монете, слитках и посуде, а также множество жемчуга и драгоценных камней.

Путешествие адмирала Ансона, о котором мы должны теперь сказать несколько слов, принадлежит также к числу каперских[1]) экспедиций. Хотя это плавание и не обогатило географию никакими новыми открытиями, но, тем не менее, оно способствовало более подробному ознакомлению со многими малоизвестными в то время странами.

Джордж Ансон родился в Стафордшире в 1697 году. Уже с юных лет он поступил на морскую службу и через несколько лет стал капитаном. В 1739 году ему было поручено начальство над эскадрой, состоявшей из шести кораблей. Эта эскадра так же, как и флотилия Вуда Роджерса, была послана для нападения на испанские колонии на Тихоокеанском побережьи. Эскадра Ансона состояла из кораблей: «Центурион», «Глочестер». «Север», «Перль», «Уоджер» и «Триаль». Кроме 1460 чело-

---

[1]) Каперской экспедицией называлась в XVIII ст. частная экспедиция. получавшая от своего правительства разрешение на право совершения актов войны по отношению к подданным враждебной страны, т.-е., говоря простым языком, право на грабеж. Капер отличался от пирата или корсара тем, что корсар грабил торговые суда и совершал захваты и в мирное время, не имея на то разрешения своего правительства. Впрочем, нередко пираты и корсары превращались в каперов, так как многие государства во время войны прибегали к их услугам, выдавая им каперские свидетельства. Официально каперство было отменено на международном Парижском конгрессе 16 апр. 1856 г. после Крымской войны.

век экипажа, на кораблях находился еще отряд в 500 человек солдат.

Отплыв из Англии 18 сентября 1740 года, эскадра Ансона приставала к островам: Мадере и св. Екатерины, а затем, пройдя мимо Огненной Земли, обогнула мыс Горн. Здесь эскадра была захвачена бурей, и два корабля — «Север» и «Перль» — были разбиты и потонули. Остальные корабли были отнесены ветром далеко на запад. Только 9 июня 1741 года Ансону на «Центурионе» удалось добраться до острова Хуана Фернандеца. Остановка эта была необходима: на корабле не было пресной воды, и восемьдесят человек матросов умерли от голода и жажды. На острове Хуана Фернандеца Ансон прожил целых четыре месяца, до тех пор, пока здоровье его матросов и офицеров настолько поправилось, что он мог уже начать набеги на испанские колонии. Завладев несколькими кораблями с грузом драгоценных металлов, Ансон сжег город Паиту.

После этого Ансон поднялся выше на север и направился через Великий океан к берегам Китая. На пути корабли Ансона были захвачены бурей, и несколько кораблей погибло. Ансон вернулся в Англию только на одном корабле, пробыв в плавании почти четыре года.

III.

Кругосветное путешествие голландского мореплавателя Роггевена.—Открытие им острова Св. Пасхи.—Открытие острова Новой Ирландии.

Открытия в Великом океане, произведенные Абелем Тасманом, заставляли голландских мореплавателей предполагать, что если в обширном Великом океане к югу от островов Пряностей и не существует единого «австрального» материка, то, тем не менее, в этой части Великого океана должны находиться обширные острова и архипелаги. Вследствие этого в начале XVIII столетия голландский мореплаватель, Яков Роггевен, решил продолжать исследования Абеля Тасмана и начал хлопотать о том, чтобы Вест-Индская компания снарядила экспедицию в Южное море. Хлопоты Роггевена увенчались успехом, и 21 августа 1721 г. из Голландии отплыли, под начальством Роггевена, три корабля.

Благополучно миновав берега Бразилии, Роггевен обогнул Южную Америку и, пройдя мимо мыса Горн, направился на юго-запад Великого океана. После почти девятимесячного плавания, Роггевен открыл 6 апреля 1722 года неизвестный до того времени остров, которому он дал название острова Святой Пасхи, так как 6 апреля 1722 года был как раз первый день праздника

Пасхи. На острове Пасхи на берегу находились туземцы, и один из них даже подплыл на своем челноке к кораблю Роггевена и безбоязненно взобрался на палубу. На следующий день Роггевен высадился со 150 своими матросами на берег; голландцы были вскоре окружены огромной толпой дикарей; боясь нападения, Роггевен приказал сделать залп по туземцам. Устра-

Гигантские статуи на острове Пасхи. (Со старинной гравюры.)

шенные выстрелом дикари распростерлись на земле и вскоре принесли голландцам ценные подарки. На острове Пасхи голландцы нашли многочисленные статуи из камня, достигавшие огромных размеров: это были, по всей вероятности, изображения туземных богов.

Отброшенный сильной бурей от острова Пасхи, Роггевен переплыл через «Скверное море» Схоутена и в расстоянии

800 миль от острова Пасхи открыл другой остров, названный им Карлсгоф. Отсюда корабли Роггевена были отброшены ветром к группе низменных островов; здесь одно судно разбилось о коралловый риф, а два остальных корабля с большим трудом избежали гибели. Только после пятидневного плавания среди коралловых рифов, Роггевену удалось выбраться в открытое море. Роггевен назвал этот архипелаг островов «Пагубным»; позднее этим островам было дано Куком название Паллизеровых островов. Недалеко от этих островов Роггевену удалось открыть еще два острова — Аврору и Веспер (Остров Вечерней Зари). Отсюда Роггевен продолжал свой путь к западу, держась между 15⁰ и 16⁰ южн. широты. Вскоре корабли Роггевена снова очутились среди нескольких полузатонувших островов.

«Приближаясь к ним, — говорит Роггевен, — мы увидели близ берега целую флотилию лодок и убедились, что острова эти густо населены». Однако высадиться на эти острова не удалось, так как их берега были очень низменны и окружены опасными мелями и подводными скалами. Продолжая держать путь на запад, голландские корабли подошли через трое суток к новому большому острову, покрытому роскошной растительностью. Особенно обильно произрастали там кокосовые деревья и некоторые другие виды пальм. Вскоре после прибытия голландцев на остров на берегу собралась большая толпа дикарей; голландцы и на этот раз без всякой надобности открыли огонь по туземцам, вследствие чего дикари разбежались и попрятались в лес. На следующий день отряд матросов, отправленный Роггевеном в глубь острова, подвергся, в свою очередь, нападению дикарей. Несмотря на преимущество, которое доставляло голландцам огнестрельное оружие, они вынуждены были отступить, понеся большие потери.

Прежде чем отплыть от этого острова, Роггевен собрал совет, чтобы решить: следует ли продолжать путь на запад, отыскивая землю, которую Квирос назвал островом Святого Духа, или же следует повернуть на север и, пользуясь попутным муссоном, итти к берегам Индии. Совет принял последнее решение. На третий день после того, как голландские корабли повернули на север, Роггевен встретил группу из трех островов, названных им островами Баумана, так как эти острова были замечены Бауманом, капитаном корабля «Тинховен» [1]). Туземцы этих островов подплыли на своих лодках к кораблям и предлагали голландцам разные предметы. На берегу собралась также большая толпа туземцев, вооруженных луками и копьями.

[1]) Впоследствии эти острова были названы в честь самого Роггевена «архипелагом Роггевена».

Большинство туземцев имели почти белый цвет кожи, они не татуировались и не расписывали себе кожу. На всех мужчинах и женщинах были надеты короткие юбки из туземной материи. На головах у многих дикарей были шляпы и шапки из материи, а кругом шеи некоторые носили ожерелья из цветов. По всей вероятности, это были острова, названные впоследствии островами Мореплавателей.

Миновав группы островов, которые Роггевен назвал Кокосовыми и Разбойничьими, голландские корабли достигли берегов острова, который получил впоследствии название Новой Ирландии; отсюда они прибыли к Новой Гвинее и, пройдя мимо Молуккских островов, прибыли в Батавию.

IV.

Выступление России на путь морских исследований.—Стремление Петра Первого найти морской путь из России в Индию.—Экспедиция Беринга.

Россия, пережив в начале XVII столетия «смутное время» и эпоху лихолетья, к концу этого столетия сложилась в довольно сильное государство. При первых царях из дома Романовых возобновились и прерванные «смутным временем» сношения русских с иностранцами. В XVII в. через Россию англичане и немцы посылали свои посольства и торговые миссии в Персию и в другие страны Востока. Выгоды торговли с Персией, Хивой и Бухарой не могли не обратить внимания русских людей, которым уже исстари были известны многие восточные товары, как, например, «халяпская» (алеппская) тафта, «гурмыжский» (ормузский) жемчуг, парча и шелковые ткани, не говоря уже о благовонных восточных веществах и пряностях. И вот первые цари Романовы, правильно оценивая Россию, как страну-посредницу между Востоком и Западной Европой, начинают стремиться захватить в свои руки торговлю восточными товарами. С этой целью царь Алексей Михайлович решил построить флот на Каспийском море с помощью выписанных из Голландии корабельных мастеров. Восстание Степана Разина помешало привести этот проект в исполнение; было и другое соображение против этого плана: через Каспийское море можно было вести торговлю только с Персией, которая сама многие товары получала из Индии. Вследствие этого Алексей Михайлович стал мечтать о возможности «ходить кораблями для пряных зелий и овощей» непосредственно в Индию. Образованные европейцы того времени, бывшие на службе у царя, как, например, серб Юрий Крижанич или молдавский господарь Николай Спафарий, указывали царю, что

в Индию можно пройти через Черное море. Но в то время Черное море и проливы, ведущие в Средиземное море, были захвачены турками, против которых впоследствии и был предпринят целый ряд войн, под предлогом «освобождения славян».

Так как Турция в XVII в. была очень сильным противником, то мечта русских о морском пути в Индию была временно оставлена, и внимание было направлено снова на поиски сухопутных дорог на восток. В 1675 г. из Москвы было послано посольство в Бухару, которому, между прочим, было поручено выяснить какими путями провозятся товары из Индии — «из Бухары и из Юргенча, на которые места и города, и сухим ли путем или водяным, или горами в Индею путь»; кроме того, посольство должно было выяснить, откуда течет река Аму-Дарья и достоверно узнать, нельзя ли по ней добраться до Индии.

С целью отыскания пути в Индию, еще в 1669 г. в Балх был послан подьячий Медведев, который, вернувшись благополучно в Москву, сообщил, что «индийская дорога из Балху (идет) жилыми месты и никакого дурна и грабительства и налоги не бывает».

Однако из всех этих поисков пути в Индию положительных результатов не получилось; в 1676 г. царь Алексей Михайлович умер, и управление царством перешло в руки его малолетних сыновей и его старшей дочери Софьи. Вопрос о сношениях с восточными странами снова был поставлен на очередь только в конце XVII столетия, когда во главе русского государства встал талантливый сын царя Алексея, Петр.

Петр, воспитавшийся в известной степени под влиянием иноземцев и водивший знакомство с немцами и голландцами, жившими в Москве, в Немецкой слободе, оценил все значение богатых стран Востока и с юных лет заинтересовался Индией и Китаем. В особенности много говорил Петру об Индии голландский корабельный мастер Брант, лично бывавший в Персии и Индии. От Бранта Петр слышал также и о попытке своего отца «делать корабли и навигацию на Каспийском море».

Под влиянием этих рассказов Петр в 1715 г. снарядил посольство в Хиву и Бухару под начальством князя Бековича-Черкасского, поручив, между прочим, Бековичу «просить у хана хивинского судов и на них отпустить купчину (под видом купца должен был ехать в Индию поручик Кожин) по Аму-Дарье реке в Индию, наказав, чтобы изъехал ее, пока суда могут итти», и потом продолжал бы путь в Индию, «примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, особенно водяной, и возвратиться из Индии тем же путем; если же в Индии услышит о лучшем пути к Каспийскому морю, то возвратиться тем путем и описать его». Кроме того, в наказе самому Кожину поручалось «делать

карту» своего пути и «осмотреть, какие товары, и особливо пряные зелья и прочее, что идет из Индии».

Кожин, вследствие несогласий с Бековичем-Черкасским, отказался от участия в экспедиции, и Петр поручил Бековичу отправить вместо него другого «надежного и тамошние языки знающего человека».

В том же 1715 г. Петр отдал приказание посланнику в Персии Волынскому «проведать, какие где в море Каспийское реки большие впадают и до которых мест по тем рекам можно ехать от моря и нет ли какой реки из Индии, которая бы вышла в сие море». Нужно полагать, что в начатой Петром в 1722 г. войне с Персией стремление достичь Индии играло свою роль.

Однако водного пути в Индию ни через Хиву и Бухару ни через Персию найти не удалось, а сухопутная дорога через эти страны представляла большие опасности: так, например, экспедиция Бековича-Черкасского, в состав которой входило около двух тысяч солдат, была вся перебита хивинцами. Вследствие этого Петр стал все больше и больше думать о морском пути в Индию. Ему были известны попытки англичан и голландцев отыскать этот путь через Ледовитый океан, и вот, пока южная дорога в Индию через Черное море закрыта Турцией, Петр решил сделать попытку проникнуть в Индию через север. В 1720 г. он отдал приказ снарядить в Архангельске экспедицию для плавания и обследования берегов Сибири к востоку. Неизвестно, однако, была ли снаряжена эта экспедиция. Незадолго перед этим Петр пригласил к себе на службу известного датского мореплавателя Витуса Беринга, которому намеревался поручить выполнение своих планов; едва ли не главной побудительной причиной приглашения Петром Беринга на русскую службу была та, что он «в Ост-Индии был и обхождение знает».

Вероятно, снаряжение экспедиции 1720 г. из Архангельска к берегам восточной Сибири происходило при участии Беринга, и, может быть, несогласие Беринга с Петром в этом деле повлекло в 1723 г. отставку Беринга. По всей вероятности, нетерпеливый Петр торопил Беринга с выработкой плана экспедиции, Беринг же, как опытный мореплаватель, не решался пуститься необдуманно в плавание по Ледовитому океану.

Более подходящего человека, чем Беринг, для выполнения своих планов экспедиции в Индию Петр думал найти в шведском вице-адмирале Вильстере, которого также пригласил на русскую службу. Вильстер убедил Петра временно оставить проект экспедиции в Индию через северо-восточный проход, существование которого в то время было еще неизвестно, а предложил свой проект экспедиции через Балтийское море. В декабре 1723 г. Вильстер, находившийся при эскадре в Ревеле,

получил из Походной канцелярии генерал-адмирала Апраксина инструкцию, за собственноручной подписью Петра, согласно которой Вильстер должен был отправиться с двумя фрегатами — «Амстердам-Галеем» и «Крон-Деливде»—в данный «вояж». Конечный пункт этого «вояжа» не был обозначен точно, и везде говорилось, что «плыть вам в назначенное место». Это «назначенное место» можно обнаружить лишь из другого документа. относящегося к этой экспедиции, который носит заглавие: «копия с кредитиву к королю Мадагаскарскому», таким образом, экспедиция Вильстера была снаряжена на Мадагаскар. Но Мадагаскар не был конечным пунктом экспедиции, и в другой, секретной инструкции, выданной Петром Вильстеру 5 декабря 1723 г., мы читаем: «ехать вам от Санкт-Петербурга до Рогорвика и тамо сесть на фрегат Амстердам-Галей и другой с собою взять Декрон-Деливде, и с помощью божией вступить в вояж до Ост-Индии, а именно до Бенгаля». Далее в этой инструкции говорится: «когда с помощью божией в показанное место (т.-е. Бенгал) в Ост-Индии прибудете, тогда явитесь там Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россией позволил производить коммерцию и иметь с ним договор, которые товары потребны в России, также и какие в его областях товары в России надобно суть, и как можно трудитесь, чтоб между обеих сторон произвести к пользе благополучную коммерцию».

Таким образом, Мадагаскар был нужен Петру не сам по себе, а как удобная промежуточная стоянка между Петербургом и далекой Индией, которая была заманчивой мечтой с глубокой древности для всех искателей богатств. Думая найти остров Мадагаскар не занятым ни одной европейской державой, Петр, повидимому, мечтал превратить этот остров в русскую колонию; Петр думал, что король Мадагаскарский, узнав о существовании России, сам пожелает установить с ней сношения и, может быть, найдет нужным посетить Петербург; во всяком случае в инструкции Вильстеру говорится: «ежели объявленный король по склонности своей пожелает персоной своей ехать в Россию с некоторыми кондициями, то вам надлежит в наши порты пристать, ежели зимою, то в Колу, понеже тамо никогда не мерзнет, а ежели летом, то в Архангелогородский порт; и буде без него, но только посланные от него будут, то вам возвратиться через Зунт».

Вскоре, однако, выяснилось, что никакого короля на острове Мадагаскаре нет. Это не остановило, тем не менее, посылки экспедиции, так как Мадагаскарский король был только простым предлогом, а истинная цель плавания была Индия. В назначенное время два корабля вышли в море, но вскоре на одном из них обнаружилась течь, а другой также оказался непригодным для

дальнего плавания. Корабли вернулись, и когда Петру доложили об этом, он «принял нещастие с немалой болезнью». Петр тотчас же дал приказ адмиралу Апраксину, чтобы корабли были «с величайшим поспешением» исправлены или, в случае негодности, заменены другими. Однако экспедиция Вильстера вновь послана не была. Что помешало этому, неизвестно. Возможно, что причиной этого была последовавшая вскоре смерть Петра.

Одновременно с снаряжением экспедиции Вильстера в Индию через Атлантический океан, Петр решил предпринять шаги к открытию северо-восточного прохода, который давал бы возможность русским судам совершать плавание в Индию и в Китай прямо из Архангельска или Колы мимо берегов Сибири. Петр собственноручно составил подробный проект экспедиции, которая должна была разрешить вопрос о том, «соединяются ли Азия и Америка вместе, или же, напротив, они отделены друг от друга проливом».

К снаряжению экспедиции было приступлено в 1723 г. Начальником этой экспедиции был назначен капитан Витус Беринг, датчанин, которого, как мы уже сказали выше, Петр пригласил к себе на службу в 1715 г. Беринг должен был построить на берегу Охотского моря или на Камчатке два судна, на которых и отправиться на поиски северо-восточного пролива. По разным причинам экспедиция Беринга была снаряжена только в 1725 г. после смерти Петра. Беринг со своими спутниками отправился в Восточную Сибирь и оттуда на Камчатку, где и было приступлено к постройке двух небольших судов. Помощником Беринга был назначен лейтенант Алексей Чириков.

13 июля 1728 г. Беринг вышел из Петропавловской гавани на Камчатке на двух судах «Св. Гаврпил» и «Фортуна», держа курс на северо-восток, не теряя, однако, из вида азиатский берег. 27 июля Беринг находился уже у мыса Св. Фаддея, где встретил множество китов, сивучей и моржей. 1 августа мореплаватели открыли большой залив или «губу», которую они назвали губою «Св. Креста».

Выйдя из этого залива, Беринг с Чириковым шли вдоль берегов, осматривая каждую бухту, чтобы отыскать хотя небольшую речку с пресной водой, так как запасы пресной воды на судах иссякали. Наконец, 6 августа, между высокими каменными горами, с отвесными склонами, мореплаватели увидали большой залив, в глубине которого впадало несколько речек. Эту бухту Беринг назвал «Преображенской». Запасшись в этой губе пресной водой, Беринг продолжал свое плавание. 8 августа он увидал на море лодку с восемью рыболовами. Через коряков-переводчиков, бывших на боте «Св. Гаврпил», мореплаватели узнали, что это были чукчи, обитающие в этой области. Вследствие

этого Беринг назвал большой мыс, мимо которого он плыл Чукотским носом. 11 августа Беринг увидал остров на юго-восток от Чукотского носа; этот остров он наименовал островом Св. Лаврентия.

Продолжая плыть на север до 16 августа, Беринг прошел через пролив, отделяющий Азию от Америки. Но Беринг на этот раз не видел американского берега и поэтому не предполагал, что это и есть искомый пролив. Впоследствии этот пролив был назван Куком в честь мореплавателя Беринговым, хотя, как удалось установить позднее, первым через этот пролив еще раньше Беринга проехал казак Семен Дежнев.

16 августа 1728 года Беринг повернул обратно, достигнув почти 65° северной широты. Беринг вернулся обратно вследствие того, что, проплыв слишком двести миль к северу от Чукотского носа, не видал берегов ни на востоке ни на западе и боялся быть застигнутым полярными льдами. Достигнув Нижне-Камчатска, Беринг остановился здесь на зимовку. Во время зимовки ему часто приходилось слышать от промышленников, что берега Америки не так далеко стоят от Камчатки.

Вследствие этого на следующий год Беринг решил достигнуть американского берега и 5 июня 1729 года вышел в море, взяв курс на юго-восток. Проплыв более ста миль, в половине июня Беринг решил, однако, вернуться обратно, так как, по словам лейтенанта Чирикова, он не надеялся, чтобы «его слабое судно с дурным такелажем в состоянии было бороться с крепким ветром, подувшим на море». Вследствие этого Беринг вернулся снова на Камчатку, откуда он прибыл в Охотск. 1 марта 1730 года через Сибирь Беринг вернулся в Петроград.

Весною 1732 года последовал высочайший указ о второй экспедиции в восточные моря, и начальником этой новой экспедиции снова был назначен Беринг. План этой экспедиции был подробно составлен адмиралтейств-коллегией и Академией Наук, при чем решено было послать вместе с Берингом несколько человек астрономов и минералогов («рудознатцев»). Рассмотрев план этой экспедиции, Сенат нашел также необходимым определить Берингу в товарищи другого капитана, «доброго из русских». Таким человеком, по мнению Сената, был спутник Беринга по первому путешествию капитан-лейтенант Чириков. В «высочайше утвержденной» инструкции Берингу и Чирикову приказано было в плавании все «чинить с общего согласия».

Чириков был лучшим русским моряком того времени. Он был образованный, умный, но очень скромный человек. В 1721 году он окончил Морскую Академию и в первые годы после ее окончания занимался обучением гардемаринов. За отличие и за труды по службе он был произведен в 1730 году в капитан-лейтенанты.

а через два года его произвели в капитаны первого ранга «не по старшинству, а по знанию и достоинству». По возвращении из второй экспедиции, Чириков до 1746 года проживал в Енисейске, где он заболел чахоткой и умер в 1749 г.

Для плавания Беринга и Чирикова решено было построить в Охотске два специальных судна. Эти суда строились несколько лет и лишь в июне 1740 года были спущены на воду. Пакетботы были названы — один «Св. Петр», а другой «Св. Павел». 8 сентября оба пакетбота вышли в море и направились к Камчатке, где Беринг предполагал провести зиму. Для зимовки была выбрана Авачинская бухта, которая с того времени стала называться по имени первых двух зимовавших здесь кораблей «Петропавловской».

4 июня 1741 года пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» покинули Авачинскую бухту. Перед началом плавания Беринг собрал совет, на котором должен был быть решен вопрос о том, в каком направлении нужно плыть. Астроном экспедиции, Делиль де-ла-Кройер, основываясь на карте, составленной его братом, знаменитым французским картографом Гильомом Делилем (о нем было сказано выше), советовал держать курс от Камчатки на юго-восток до 45⁰ сев. шир., где, по его мнению, должен был находиться уже американский берег. В инструкции, данной Берингу, советовалось придерживаться взглядов Делиля, и поэтому Беринг и Чириков решили плыть в указанном Делилем направлении до 46⁰ сев. широты, а оттуда, в случае, если там не окажется никакой земли, следовать далее на восток, склоняясь несколько к северу. Сроком возвращения обратно на Камчатку был назначен конец сентября. Естествоиспытатель Стеллер поехал с Берингом, а астроном Делиль с Чириковым. Запас провизии на каждом судне был заготовлен на пять с половиной месяцев, а пресной воды было взято по сто бочек.

После двухнедельного плавания сильный туман и буря разделили корабли, и Чириков, после нескольких дней поисков Беринга, решил продолжать путь далее. В этом плавании Чириков показал себя опытным моряком и своим хладнокровием спас себя, свою команду и корабль. Плывя все время на восток, Чириков 11 июля увидел на море признаки близкой земли — на море попадались деревья, ветки, тюлени, береговые утки. Действительно, в третьем часу ночи на 15 июля, под 55⁰ 21′ широты. Чириков увидал «высокие горы и лес», признанные «подлинной Америкой». Это был мыс, которому впоследствии дали название мыса Чирикова.

Так как на берегу не было никакой бухты, где можно было бы стать на якорь, то Чириков послал для осмотра на берег

шлюпку с десятью матросами под начальством штурмана Дементьева. Эта шлюпка, однако, на корабль не возвратилась. Через несколько дней Чириков послал на берег последнюю, имевшуюся на «Св. Павле» маленькую шлюпку с боцманом Савельевым и тремя матросами, но и эта шлюпка тоже пропала без вести. Прождав целую неделю возвращения шлюпок, Чириков решил, что его посланные погибли, и поэтому он поплыл далее.

Потеря двух шлюпок и пятнадцати человек экипажа лишила Чирикова возможности заниматься исследованием побережья и пополнять свои запасы пресной воды. Вследствие этого 26 июля, на общем совете решено было возвратиться на Камчатку. «Св. Павел» находился в это время под 58° 21′ сев. широты. Чириков уменьшил порцию воды и приказал собирать дождевую воду. Плавая по океану, среди густого тумана, «Св. Павел» был задержан у американских берегов почти на целый месяц противными ветрами и бурей. 8 сентября, находясь среди тумана на широте 51° 30′, «Св. Павел» очутился неожиданно в тесной бухте у высокого утесистого берега. Это был, вероятно, один из Алеутских островов. К судну Чирикова подплыли туземцы на кожаных байдарах. Несмотря на дружеское приглашение Чирикова подняться на корабль, туземцы не осмелились приставать к кораблю. На другой день Чириков вышел из бухты.

Между тем запас воды на корабле быстро уменьшался. Чириков вынужден был уменьшить порции; с 21 августа определили варить кашу только через два дня, а затем стали варить кашу только раз в неделю; в остальные дни экипаж питался только сухарями и постным маслом. Вследствие лишений и тяжелых трудов среди экипажа появилась цынга, 16 сентября цынгой заболел сам Чириков и лейтенант Чихачев. С 21 сентября Чириков уже не мог выходить из каюты; лейтенант Плаутинг тоже заболел, и судном почти «несходно» управлял один штурман Елагин «тоже больной». 6 октября скончался лейтенант Чихачев, а 8 — Плаутинг. Чириков не мог уже вставать с постели, но, тем не менее, все время делал распоряжения и производил журнальные записи. 7 октября по вычислениям Чирикова «Св. Павел» миновал меридиан Авачинской бухты. Вследствие этого он приказал держать курс на северо-запад и на следующий день «Св. Павел» вошел уже в Авачинскую бухту. Утром, 10 октября, измученные, больные и голодные мореплаватели сошли на берег. В этот день умер спутник Чирикова, астроном Делиль-де-ла-Кройер. Сам Чириков через некоторое время оправился и выздоровел. Из 70 человек эктпажа вернулась всего 49.

Судьба самого Беринга была иная. Проискав в тумане двое суток Чирикова, Беринг также направился далее. Но он, дойдя

до условленной 46 параллели, взял курс не на восток, а на северо-восток; долго не видя перед собою земли, Беринг повернул на север, а затем снова на северо-восток и восток. Меняя, таким образом, свой курс, Беринг потерял много времени и возбудил среди экипажа сомнение. Однако 16 июля с корабля Беринга была замечена впереди земля, а 20 июля Беринг пристал к берегу под 59° 30′ сев. шир. Это был остров Каяк, находящийся против устья реки Медной, близ американского берега, названный Берингом островом Св. Ильи. Этим же именем была названа затем гора, увиденная Берингом на берегу.

Продолжая свое плавание при пасмурной погоде и дожде, Беринг 26 июля открыл большой гористый остров, вероятно, Кадьяк.

2 августа Беринг открыл другой остров, названный им островом Св. архидиакона Стефана, ныне известный под названием Укамок. На другой день, 3 августа, Беринг открыл группу небольших островов, которым он дал название Евдокиевских. Убедившись, что материк продолжается далее к северу, Беринг 10 августа решил отправиться в обратный путь, на Камчатку. В это время у Беринга на корабле было 26 человек больных цынгою. Воды на корабле оставалось всего 20 бочек. Вследствие этого Беринг снова поднялся на север, чтобы пристать к берегу и запастись пресной водой. 30 августа Беринг увидал перед собою множество островов, а за ними берег материка. По имени скончавшегося и похороненного на одном из этих островов матроса Шумагина, вся группа островов была названа Берингом Шумагинскими островами.

Сам Беринг в это время уже не вставал с постели и сильно страдал от цынги. На Шумагинских островах Беринг простоял дней шесть, так как все время дул сильный западный ветер, не дававший возможности плыть по направлению к Камчатке. Наконец, 6 сентября «Св. Петр» снялся с якоря и взял курс на запад. 24 сентября мореплаватели увидали перед собою несколько островов. Это были Алеутские острова. В это время на море разыгралась сильная буря; в течение целых 17 дней, с 25 сентября по 11 октября, корабль находился всецело во власти ветра и был отнесен снова к востоку. Команда была сильно изнурена за это время, и больных было около половины всего экипажа. Многие настаивали на необходимости возвращения уже не на Камчатку, а в Америку.

Когда, наконец, 11 октября буря стихла и можно было определить местонахождение корабля, то оказалось, что «Св. Петр» был под 48° 15′ сев. шир. и в 27 градусов долготы от Авачинской губы. К 22 октября Беринг подвинулся на 10 градусов долготы. Между тем на судне оставалось всего 15 бочек воды. На общем

совете всех офицеров было решено вновь изменить курс и следовать к северу, к предполагаемому там американскому материку. Но так как ветер был противный, северо-западный, то, продержавшись в назначенном направлении только 6 часов, было решено вновь плыть на запад. 25 октября мореплаватели увидели на севере остров, названный ими островом Св. Маркиана (ныне Амчитка); 28 октября был открыт другой остров, Св. Стефана (теперь Кыска); а 29-го мореплаватели увидели третий остров, который назвали островом Св. Авраамия (теперь Семич).

В это время корабль находился почти без управления; Беринг уже был так плох, что не мог давать никаких распоряжений, офицеры ссорились между собою, а матросы были сильно изнурены и почти все болели цынгой; почти ежедневно на корабле умирало от цынги человека по два, по три. Все снасти на корабле пришли в ветхость, паруса порвались, а съестные припасы приходили к концу. Всем экипажем овладело отчаяние, и все стали готовиться к голодной смерти среди океана.

1 ноября подул восточный попутный ветер, а 4 ноября мореплаватели увидали впереди себя какую-то гористую землю.

«Невозможно описать,—говорит естествоиспытатель Стеллер, сопровождавший Беринга,—как велика была радость всех нас, когда мы увидели этот берег! Умирающие выползли на палубу, чтобы увидеть собственными глазами землю. Даже больной Беринг был вынесен на палубу... Все предполагали, что корабль подходит к Камчатке».

Однако вскоре пришлось горько разочароваться. Это была не Камчатка, а пустынный неизвестный остров, названный впоследствии островом Беринга. Беринг, думая что он находится недалеко от Авачинской губы, распорядился бросить якорь и высадиться на берег. Однако перепрелый канат не мог удержать судно и лопнул. Судно было подхвачено береговыми бурунами, которые понесли его к берегу, поднимая и ударяя об утесы и камни. К счастью, корабль нисколько не пострадал и остановился в небольшой бухте в полукилометре от берега.

На следующее утро, 7 ноября, все, кто мог, с большим трудом спустили на воду шлюпку и поехали на берег. На берегу они увидали голые, каменные скалы, а вдали — высокие горы, покрытые снегом. Кругом не было заметно никаких признаков человеческого жилья; только песцы попадались во множестве и совершенно не боялись людей. Морские бобры тоже не боялись мореплавателей и совершенно спокойно оставались на своих местах. К великой радости высадившихся моряков, они нашли на берегу ручей свежей воды и несколько выброшенных морем деревьев. Мореплаватели начали рыть землянки для жилья, в которые перенесли с корабля больных. 28 ноября сильным

ветром корабль был выброшен на отмель; с корабля были снесены все припасы и сняты все снасти. Вскоре наступила зима. Большинство цынготных больных поправлялось очень медленно, многие умерли на берегу. 8 декабря 1741 года умер и сам Беринг. Из всей команды в 80 человек, отправившихся с Берингом в путешествие, в живых осталось только 46 человек. С большим трудом и неимоверными лишениями эти 46 человек перезимовали в своих землянках. Весною 1742 года они убедились, что находятся не на Камчатке, а на острове. Всю зиму мореплаватели питались только мясом песцов, моржей и тюленей.

С наступлением весны был созван совет, на котором было решено разломать судно, выброшенное на берег, и из его остатков построить небольшой бот. Это судно было изготовлено к началу августа 1742 года и названо, как и прежнее — «Св. Петр». 13 августа мореплаватели вышли в море, простившись с могилой своего несчастного капитана. По предложению лейтенанта Хитрово, остров, где умер Беринг, был назван «Беринговым».

26 августа 1742 года вся команда прибыла благополучно на своем боте в Авачинскую бухту. На Камчатке все считали их уже давно погибшими.

Капитан Чириков, перезимовав благополучно в Петропавловске, решил весною 1742 года предпринять вторичное плавание к берегам Америки, хотя у него было очень мало матросов и всего один офицер, штурман Елагин. Тем не менее, Чириков 25 мая 1742 года вышел из Авачинской бухты и направился прямо на восток. 8 июня он увидел остров, названный им Островом Св. Феодора (теперь Атту). Противные ветры и густые туманы не дали возможности произвести исследование острова, и Чириков был отнесен бурей на 2 градуса к северу. 16 июня на общем совете было решено вернуться обратно на Камчатку, так как пакетбот «св. Павел» приходил уже в полную ветхость, и дальнейшее плавание на нем было небезопасно. На обратном пути Чириков проходил мимо острова, на котором бедствовали в это время спутники несчастного Беринга, строившие свой бот для путешествия на Камчатку. Но Чириков прошел мимо острова с южной стороны, тогда как экипаж «св. Петра» зимовал на северной стороне острова, и поэтому Чириков не подозревал, что имечно на этом острове живут его товарищи по экспедиции. 1 июля Чириков прибыл благополучно в Петропавловскую гавань, откуда отправился в Енисейск.

В 1746 году Чириков был вызван в Петроград, где он был произведен в капитан-командоры и получил назначение в так называемую «академическую экспедицию». Прожив 2 года в столице, Чириков в 1749 году скончался от чахотки. В то время, как имя Беринга пользуется всеобщей известностью, и в честь его

назван пролив, отделяющий Северную Америку от Азии (кроме того, именем Беринга называется и обширное море между берегами Америки и Восточной Азии), капитан Чириков почти забыт, и его имя мало кому известно. Между тем, из краткого описания путешествия Беринга и Чирикова мы видели, что этот отважный русский мореплаватель заслуживает того, чтобы его имя было увековечено в истории путешествий и географии. Чириков первый из русских мореплавателей достиг берегов Америки (почти на двое суток раньше Беринга), и совершил полное лишений далекое плавание буквально на край света. Мы видели, что в тех условиях, в каких приходилось совершать плавание, сам Беринг, славившийся своей опытностью, не мог справиться с трудностями пути, в то время как капитан Чириков благополучно вернулся из плавания на Камчатку.

V.

Плавание русских мореходов в северной части Великого океана.—Путешествие Крашенинникова по Камчатке.

Экспедиция Беринга и Чирикова послужила началом многочисленных экспедиций русских мореходов и промышленников в Великий океан. Матросы, бывшие в экспедиции Чирикова, вернувшись на Камчатку и в Охотск, привезли с собою большое количество шкур морских бобров, котиков и других дорогих мехов. Это побудило многих сибирских звероловов-промышленников организовать экспедиции в Великий океан для охоты за морскими зверями. Почти тотчас же после возвращения капитана Чирикова из плавания, в северную часть Великого океана ежегодно стали направляться десятки судов, большею частью плохо построенных и управляемых мореходами-самоучками, ходившими в море наудачу. Несмотря, однако, на все недостатки своих судов, сибирские промышленники открыли северо-западный берег Америки, Алеутские и Курильские острова и многочисленные острова близ американского берега.

Прежде чем говорить о наиболее выдающихся плаваниях русских промышленников по Великому океану, мы должны упомянуть о путешествии русского ученого XVIII века Крашенникова на Камчатку и сказать попутно несколько слов об этом полуострове, который являлся как бы этапом для русских промышленников, плававших в Великий океан.

Полуостров Камчатка, далеко выдающийся в Великий океан, расположен между 51 и 62° северной широты и между 156 и 170° восточной долготы от Гринвичского меридиана. Длина полустрова около 1279 *км*, а наибольшая ширина, посредине, около 424 *км*.

На юге полуостров кончается узким мысом, называемым Лопаткой. Вся Камчатка покрыта горами, некоторые из этих гор достигают очень значительной высоты. Русские «охочие» люди явились на Камчатку в XVII столетии [1]); здесь они встретили туземных жителей, камчадалов и коряков, с которыми установили меновую торговлю. В XVIII столетии русские колонисты основали на Камчатке несколько селений. После экспедиций Беринга и Чирикова, далекой Камчаткой заинтересовалось само русское правительство и в 1733 году снарядило так называемую Великую Северную экспедицию. Начальство над этой экспедицией было поручено двум профессорам немцам—Гмелину и Миллеру, а в помощники им был назначен молодой студент Академии Наук Сергей Петрович Крашенинников. По прибытии в Сибирь, оба профессора не рискнули ехать сами на Камчатку, а решили послать туда своего помощника.

Крашенинников, которому было в то время только 21 год. не побоялся никаких лишений и трудностей и отправился один на Камчатку. На этом полуострове, среди диких камчадалов и коряков, он прожил целых 12 лет, добросовестно выполняя данное правительством поручение — «исследовать и описать наиболее полно» неизвестный в то время полуостров. Крашенинников изъездил всю Камчатку из одного конца в другой, изучая природу и быт камчадалов, собирая наиболее интересные растения. Путешествие по пустынной стране, населенной дикими камчадалами, представлялось делом крайне опасным и рискованным; во время путешествий приходилось терпеть многочисленные лишения, но неутомимый молодой ученый с успехом преодолел все препятствия и, после 12-летнего пребывания на Камчатке, возвратился в Петроград с богатым запасом собранных материалов. Материалы эти Крашенников представил в Академию Наук, вместе с подробным отчетом о своем пребывании на Камчатке.

Академия Наук, рассмотрев собранные материалы, поручила Крашенинникову составить описание Камчатки для напечатания. Крашенинников с обычным для него рвением усердно принялся за обработку этого сочинения и, после нескольких лет работы, представил Академии в высшей степени интересное сочинение — «Описание земли Камчатки», состоящее из двух объемистых томов.

Это сочинение, являющееся классическим произведением по географии Камчатки, обратило на себя внимание не только русских ученых, но и иностранных. Действительно, книга «Описание земли Камчатки» была первым трудом по географии Кам-

---

[1]) Впервые русские казаки проникли на Камчатку в 1696 г. под начальством атамана *Атласова*.

чатки; Крашенинников первый исследовал этот дикий полуостров и приводит в своей книге много таких сведений, которые явились в буквальном смысле слова новыми открытиями.

Крашенинников довольно точно определил границы Камчатки, перечислил находящиеся там реки, озера, горы; описал встречающихся на Камчатке животных, растений и т. п. Он говорит также в своей книге об огнедышащих горах Камчатки, описывает жизнь и обычаи камчадалов и т. д. Книга Крашенинникова отчасти и в наше время не утратила своего интереса, и многие позднейшие исследователи Камчатки часто ссылаются на нее, чтобы обосновать свои взгляды и наблюдения.

«Описание земли Камчатки» написано очень просто и ясно, и эта книга читается с большим интересом, хотя автор со свойственной ему скромностью совершенно не говорит о себе и своих приключениях, о тех невзгодах и препятствиях, которые ему пришлось преодолеть. Отчасти это жаль, потому что описание двенадцатилетних скитаний по дикой стране, многочисленные приключения Крашенинникова, жизнь его среди диких камчадалов, — все это могло бы иметь большой научный интерес.

Но Крашенинников был не из тех людей, которые ставят себя всюду на первый план. Скромный и не честолюбивый — он не извлек никакой материальной выгоды из своих исследований. Проведя лучшие годы своей жизни на диком полуострове, среди суровой природы, вдали от цивилизованного мира, он вернулся в Петроград и прожил всю жизнь в бедности, даже часто нуждался. Он умер 55 лет одиноким, в скромной комнате, на чердаке, хотя Академия и наградила его званием «профессора ботаники и прочих частей натуральной истории».

Судьба, отказав Крашенинникову «в благодеяниях фортуны», не дала ему даже и нравственного удовлетворения — видеть свой труд напечатанным и пользующимся большим успехом. Первое издание «Описания Земли Камчатки», вышедшее в 1755 году, появилось через несколько месяцев после смерти Крашенникова. Вскоре оно было переведено на немецкий и французский языки и доставило автору европейскую известность.

После путешествия Крашенинникова многие сибирские звероловы-промышленники перебрались на Камчатку, чтобы удобнее было отправляться на морской промысел. Первые суда для охоты за морскими зверями были снаряжены в 1743 году; одним из первых русских промышленников, отправившихся на охоту в Великий океан считают сержанта нижне-камчатской команды, Емельяна Басова, который ездил в 1743, 1745, 1747 и 1749 годах на своем собственном судне на острова Берингов и Медный. В 1745 году штурман Неводчиков, служивший матросом на корабле Беринга, отправился в плавание на судне, снаряженном купцом

Чупровым. Неводчиков открыл острова Атту и Агату, которые он назвал Ближними. В 1749 году промышленник Трапезников открыл группу островов, называющихся Андреяновскими, а в 1759 году промышленник Глотов достиг острова Умнака, после чего была открыта вся группа островов до полуострова Аляски, названных Лисьими. Глотов пробыл на Умнаке более двух лет и возвратился с богатым грузом лисьих мехов. Он представил обстоятельную записку о своих открытиях правительству Екатерины II и послал в Петроград составленную им карту, на которой были обозначены от острова Уналашки к востоку 8 больших островов.

В 1763 году Глотов был также на острове Кадьяке. В 1760 г. купец Андриан Толстых, прибыв на остров Адаг, прожил там 3 года, в течение которых он открыл несколько островов, жителей которых он привел в русское подданство. Эта группа островов была названа впоследствии Андреяновскими. Екатерина II, подтверждая указом 2 марта 1766 года привилегии, данные промышленникам на Великом океане, приписала собственноручно на этом указе: «Промышленным подтвердите, чтобы они ласково и без малейшего притеснения и обмана обходились с новыми их собратьями, тех островов жителями». В 1761 году судно промышленника Бечевина прибыло к полуострову Аляске и зимовало там.

Для более подробного исследования вновь приобретенных на Великом океане островов русское правительство снарядило в 1768 году два судна под начальством капитанов Креницына и Левашова.

VI.

Русские экспедиции XVIII века в Северный Ледовитый океан.—Экспедиция Харитона Лаптева и Челюскина.—Плавание казака Меркурия Вагина.—Путешествие купца Никиты Шалаурова.—Экспедиция Ивана Ляхова.—Исследование штурманом Розмысловым Новой Земли.—Экспедиция капитана Биллингса и капитана Сарычева в Ледовитый океан и в Берингово море.

Одновременно с плаванием по Охотскому и Берингову морю, русские промышленники и казаки спускались вниз по великим сибирским рекам — Лене, Оби, Енисею и Колыме — на север в Ледовитый океан и постепенно знакомились с северным побережьем Сибири. Но путешественники, отправлявшиеся на север, не могли исследовать берега Азии на большом протяжении: здесь даже летом они встречали обширные массы плавающих льдин. и поэтому им приходилось прекращать дальнейшие исследования.

Между тем, большие богатства, в виде ценных морских животных, которыми изобиловали острова в северной части Великого океана, заставляли очень многих промышленников стремиться на Дальний Восток. Однако окраины Дальнего Востока и американское побережье были слишком далеки от Европейской России, главного рынка сбыта пушных товаров, добытых на островах Великого океана. Вследствие этого уже в начале восемнадцатого столетия перед русскими людьми встал вопрос об открытии морского пути от берегов Европейской России на Дальний Восток, т.-е. вопрос о северо-восточном проходе из Европы в Америку и в Восточную Азию, — вопрос, который, как мы видели выше, тщетно стремились разрешить Кабот и Барентц.

С целью отыскания морского пути из Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток русское правительство снарядило в 1733 г. Великую Северную экспедицию, которая должна была исследовать северное побережье России и Сибири от Архангельска до Берингова пролива. Ввиду невозможности долгого плавания в короткое северное лето по Ледовитому океану, исследование решено было произвести по частям: одна морская экспедиция должна была исследовать путь от Архангельска до устьев реки Оби, другая — от Оби до устья реки Енисея, третья — от устья Лены до Енисея, а четвертая — от Лены на Восток до Берингова пролива.

В 1734 г. из Архангельска вышли лейтенанты Павлов и Муравьев, а из Тобольска в устье Оби спустился лейтенант Овцын. В следующем 1735 г. из устьев Лены на запад к Енисею отправился лейтенант Прончищев. Одновременно с Прончищевым из устьев Лены на восток вышел капитан Лассиниус, который вскоре умер от цынги, и начальство над экспедицией перешло к лейтенанту Лаптеву.

В 1736 г. лейтенанты Малыгин и Скуратов были отправлены из Архангельска продолжать исследования Павлова и Муравьева. Они достигли Карской губы через Югорской Шар и зимовали в устье Кара, а на следующее лето им первым удалось обогнуть полуостров Ялмал, откуда они затем прошли в Обскую губу и по Оби поднялись до Березова. В 1738 г. Скуратов совершил благополучно обратое плавание из устья Оби в Архангельск.

Лейтенант Овцын, в свою очередь, после трудного плавания добрался из устьев Оби в устье Енисея и произвел съемку берегов. Лейтенант Прончищев, на обязанности которого лежало исследование побережья от устья Лены до устья Енисея, был менее счастлив, он не выдержал трудностей полярного плавания и умер в пути, близ устья реки Оленек. После его смерти начальство над экспедицией принял штурман Челюскин. Челюскин обсле-

довал побережье Таймырского полуострова. В это время лейтенант Харитон Лаптев проехал от Хатангского залива до реки Таймыр, спустившись по ней, прибыл к побережью Таймырского залива. Летом 1741 г. Лаптев и Челюскин встретились друг с другом между устьями реки Пясины и Таймыра.

В 1742 г. Челюскин совершил сухопутное путешествие вдоль Таймырского полуострова и достиг 19-го мая самого северного мыса Таймырского полуострова, который является в то время самой северной оконечностью всего азиатского материка. Этот мыс впоследствии был назван мысом Челюскина.

В это же время Дмитрий Лаптев, отправившийся, как мы сказали выше, из устьев Лены на восток к Берингову проливу, после невероятно трудного плавания, добрался до островов, которые он назвал Медвежьими, и затем до устья реки Колымы. Лаптев произвел съемку всего этого побережья и обследовал берега Колымы. В 1742 году Дмитрий Лаптев отправился из устья Колымы далее на восток, но ему удалось добраться лишь до мыса Баранов Камень; далее этого мыса простирались ледяные поля, и Лаптев вынужден был вернуться обратно. Дмитрий Лаптев провел в плавании целых пять лет, все это время совершенно оторванным от всего мира. За свои исследования он был произведен в капитаны, а затем в контр-адмиралы. Экспедициями Лаптевых и Челюскина и заканчивается исследование северного побережья Азии русскими исследователями XVIII века.

— Что касается плавания русских в Ледовитый океан, то одним из первых исследователей полярных морей в XVIII веке был казак Меркурий Вагин. В начале XVIII столетия сибирский губернатор князь Гагарин, желая узнать, нет ли в Ледовитом океане островов с пушными зверями, дал приказ якутскому воеводе Трауернихту отправить для открытия и исследования новых островов в Ледовитый океан опытных и смелых мореходов.

Выбор Трауернихта выпал на казака Меркурия Вагина, под начальство которого он дал 11 человек моряков. Осенью 1711 года Вагин с своим небольшим отрядом отправился из Якутска в Усть-Янск, где он стал расспрашивать местных якутов и чукчей — не знают ли они какой-либо земли на море. Узнав из этих расспросов, что на север от Святого Носа в море находятся острова, Вагин с товарищами отправился на небольших лодках в море. Они отправились в плавание без карт и компаса, руководствуясь лишь солнцем и звездами. Встретив огромную массу сплошного льда, Вагин на собаках отправился по льду, держа все время на север. После 12 дней езды по льду, Вагин увидал перед собою небольшой остров, на котором не было никакой растительности. Вследствие того, что далее лед начал уже трескаться, Вагин решил вернуться на материк с тем, чтобы, пере-

ждав лето и запасшись рыбой, следующей зимою опять отправиться на севера.

Однако планам Вагина не удалось осуществиться. Спутники его, натерпевшись всевозможных лишений и боясь, что дальнейшее путешествие приведет их к гибели, стали уговаривать Вагина вернуться в Якутск. Когда же Вагин начал настаивать на своем, то спутники убили его вместе с сыном и с одним казаком, преданным Вагину. Совершив преступление, спутники Вагина направились обратно в Усть-Янск. На расспросы властей, что случилось с Вагиным, казаки отвечали, что он бросил их и ушел искать один новые земли. Страшная правда о смерти Вагина выяснилась лишь после.

После Вагина в Ледовитое море для открытия «новых земель» ходил устюжский купец Никита Шалауров, который поставил своею целью «отыскать проход из Атлантического океана в Великий и открыть морской путь через Северный Ледовитый океан в Индию». Никита Шалауров пригласив к себе в товарищи купца Ивана Бахова, построил в Якутске небольшое двухмачтовое судно и отправился на нем вниз по Лене в 1760 году. Перезимовав в устье реки Яны, Шалауров и Бахов вышли в июле 1761 года в океан, держась все время недалеко от берегов. В первых числах сентября Шалауров обогнул мыс Святой Нос, прошел пролив между Сибирским морем и островом Св. Диомида затем поплыл по чистому от льда морю, миновал устье реки Индигирки и достиг Алазеи. Далее на восток он был окружен льдами, и с большим трудом пробился через них в устье реки Колымы, где и решил провести вторую зиму.

Шалауров и Бахов, при помощи своей команды, построили на берегу небольшую избу, окружили ее снежным валом, на котором расставили бывшие с ними пушки. Шалауров и его спутники охотились на оленей и ловили рыбу и тем поддерживали свое существование. Однако некоторые из спутников Шалаурова от лишений заболели. Товарищ Шалаурова, Иван Бахов, вскоре умер от цынги. Смерть товарища и помощника сильно подействовала на Шалаурова, но он старался не падать духом. С наступлением лета, как только море очистилось ото льда, он снова поплыл на восток. Однако его судно вскоре было захвачено пловучими льдами, и Шалаурову удалось выбраться из ледяного плена лишь в конце августа. Дойдя до Чаунской губы, находящейся на западной стороне Шелагского мыса, Шалауров решил здесь зазимовать. Но, не найдя на берегу ни одного дерева, необходимого для постройки избы, он решил снова добраться до Колымы. Благополучно перезимовав на месте своей старой зимовки, Шалауров весною 1764 года решил попытаться еще раз обогнуть Шелагский мыс. Но его команда решительно вос-

противилась этому, и Шалаурову пришлось вернуться в устье Лены. На следующее лето Шалауров, однако, предпринял новое плавание вдоль берегов Восточной Сибири, но на этот раз он уже не возвратился. Он погиб в океане со всем своим экипажем.

Несчастная судьба Никиты Шалаурова не устрашила, однако, других сибирских исследователей-промышленников, и спустя пять лет после безвестного исчезновения Никиты Шалаурова, другой якутский купец, Иван Ляхов, снарядил, в свою очередь, экспедицию в Ледовитый океан. Ляхов, занимаясь охотой на пушных зверей, бывал на Святом Носе и во время одной своей зимовки увидал многочисленное стадо оленей, которые шли с севера, через льды. Решившись узнать, откуда шли эти олени, Ляхов отправился на собаках через льды прямо на север. Проехав от берега около 70 километров, он достиг острова, который до того времени был неизвестен. Переночевав на этом острове, Ляхов на следующий день отправился далее на север и еще верст через двадцать открыл другой остров. Ляхов хотел ехать еще далее на север, но вскоре путь сделался непроходимым, и Ляхов поспешил вернуться обратно на Святой Нос.

О своем открытии Ляхов довел до сведения правительства, и Екатерина II приказала назвать открытые Ляховым острова «Ляхо́вскими», предоставив Ляхову исключительное право промышлять на этих островах мамонтовую кость и охотиться за песцами. После этого Ляхов, в 1773 году, оправился на барке к своим островам и открыл еще третий остров, на котором он нашел много мамонтовых клыков. На этом острове Ляхов открыл большую реку, которой он дал название Царевой. Эта река была богата рыбой. На острове в изобилии водились песцы, волки, белые медведи и олени. Поднявшись на вершину одной высокой горы, Ляхов увидел на севере еще несколько гористых островов, но не решился плыть далее на своей утлой барке, возвратился на первый остров, где построил небольшой домик и занялся охотой. На третьем острове один из спутников Ляхова забыл медный котел для варки пищи. Котел этот, найденный в 1774 году прибывшим на остров правительственным землемером Хвойновым, которому было поручено снять план острова, послужил поводом к названию острова «Котельным».

Вопрос о возможности морского пути от северных окраин Европейской России на Дальний Восток, а оттуда в Китай и Индию, в восемнадцатом веке стал интересовать и русских ученых. М. В. Ломоносов в 1763 г. написал по этому вопросу большую статью: «Краткое описание разных путешествий по

северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Под влиянием этой статьи русское правительство снарядило в 1765 г. экспедицию под начальством капитана Чичагова, который отправился из Колы на восток. Однако задержанный плавающими льдами, Чичагов вернулся в Архангельск.

Несмотря, однако, на все трудности и опасности, какие встречались при исследованиях полярного океана, русские упорно продолжали дело исследования. Так, в 1768 г. по инициативе и на средства архангельского купца Бармина было снаряжена экспедиция под начальством штурмана Розмыслова на Новую Землю.

Путь на Новую Землю был известен русским промышленникам еще с XII века. Новгородцы первые ездили на этот остров для добычи моржевых и мамонтовых клыков. Позднее интерес к Новой Земле возбуждался рассказами об изобилии на этом острове золота и серебра. Это и заставило купца Бармина снарядить на свой счет экспедицию.

Плавание от Архангельска до Новой Земли, вследствие противных ветров, задерживавших судно, продолжалось почти два месяца. Только 1 августа 1768 года Розмыслов подошел к Новой Земле, около северного Гусинского мыса. Обойдя западное побережье Новой Земли, Розмыслов 15 августа достиг пролива Маточкин Шар и, вступив в него, принялся за исследование берегов. Дойдя до восточного входа в Маточкин Шар, Розмыслов 3 сентября вернулся обратно на западный берег Новой Земли. Он решил остановиться на зимовку в Тюленьей бухте, приблизительно километрах в 20 от Карского моря.

Зимовка на Новой Земле сопровождалась страшными лишениями. 27 ноября наступила длинная полярная ночь, и в течение целых 2 месяцев царил полный мрак. Мороз был так силен, что даже спутники Розмыслова, привыкшие к холоду, не рисковали выходить из избы. Вследствие постоянного пребывания в духоте и без движения многие захворали, и почти половина экипажа умерла. Сам Розмыслов, однако, не терял энергии и продолжал по возможности свои исследования. Он старательно разыскивал местонахождение рудных богатств, рисовал карты побережья и описывал зверей, встречавшихся на Новой Земле. Летом, как только море очистилось ото льда, Розмыслов отправился в Карское море; но на следующий же день его судно было окружено льдами, и Розмыслов с большим трудом добрался обратно до Новой Земли. Он снова остановился у входа в пролив в Маточкин Шар, где намеревался сделать ремонт своего судна, сильно поврежденного льдами. Однако

оказалось, что судно настолько повреждено, что его совершенно невозможно починить.

К счастью, для Розмыслова и его спутников, в Маточкин Шар прибыли в это время звероловы-промышленники, и на их барке Розмыслов с товарищами благополучно вернулся 8 сентября 1769 года в Архангельск. Штурман Розмыслов является первым исследователем Новой Земли; до него этот покрытый вечными снегами остров посещали лишь малообразованные промышленники, создавшие о нем фантастические рассказы. Исследования же Розмыслова дали возможность познакомиться с действительными естественными богатствами острова, с его природой и животным миром.

Для исследования северных морей и берегов Восточной Сибири в 1785 г. по приказу Екатерины Второй была снаряжена большая экспедиция под начальством капитана Биллингса [1]). Эта экспедиция должна была исследовать побережье Восточной Сибири от устья реки Колымы до Берингова моря, затем, пройдя Беринговым проливом, исследовать северо-западные берега Америки и северо-восточные берега Азии. Добравшись до залива Св. Лаврентия, Биллингс, которого чукчи уверили в невозможности плавания по Ледовитому океану, с частью команды высадился на берег и предпринял исследование Чукотского полуострова. На полуострове Биллингс провел целых три года. В это время его помощник, лейтенант Сарычев, производил исследование в Беринговом море и в Северном Ледовитом океане.

Путешествие Биллингса и Сарычева обогатило географическую науку многими важными сведениями и данными. Между прочим, Сарычевым был составлен первый большой атлас северной части Великого океана. Этот атлас оказал большое влияние на развитие русского мореплавания и сослужил огромную службу позднейшим мореплавателям и исследователям северо-восточных берегов Сибири и островов Берингова моря. Путешествие Биллингса и Сарычева продолжалось целых восемь лет.

VII.

Джон Байрон.—Кругосветное путешествие Байрона.

Англия, выступив в XVII веке как морская держава, все более и более начинала интересоваться заокеанскими землями и, вследствие этого, начиная с XVIII века, английское правитель-

---

[1]) Биллингс был по происхождению англичанин и участвовал в третьем путешествии капитана Кука, о котором будет сказано ниже.

ство предпринимает снаряжение целого ряда экспедиций за океан. Одной из первых таких больших экспедиций является экспедиция адмирала Джона Байрона, отправленная английским адмиралтейством 17 июня 1764 года.

Посылая эту экспедицию, лорд адмиралтейства в своей инструкции, врученной Байрону, говорил: «Для вящшей славы Англии, как морской державы, для чести великобританской короны, равно как для преуспеяния английской торговли и мореплавания, ничто не может быть полезнее открытия новых земель. Между тем есть повод предполагать, что в Атлантическом океане, между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом, могут оказаться неизвестные еще до сих пор европейским державам земли и очень большие острова, лежащие в широтах, удобных для судоходства, и обладающие климатом, способным для произведения на них разных ценных товаров...»

Экспедиция Байрона состояла из двух хорошо снаряженных кораблей — «Дельфин» и «Тамар»; экипаж этих судов состоял из 240 человек матросов и 70 человек офицеров. Байрон отплыл из Англии 21 июня 1764 года, направившись к берегам Бразилии и к Магелланову проливу. Добравшись до берегов Патагонии, Байрон высадился в одной бухте, чтобы дать отдых своему экипажу. Вскоре к месту стоянки собралось более 500 человек патагонцев, большинство которых были на лошадях. Лошади были очень малорослы, но отличались быстротою бега. Вся толпа неслась вскачь вдоль берега, покрытого громадными и скользкими камнями.

Однако патагонцы не выказывали воинственных намерений. Когда они приблизились к англичанам, то Байрон оделил их ленточками, стеклярусом и табаком. Он вошел с своими кораблями в Магелланов пролив с целью найти более удобную стоянку для своих судов; 27 декабря он вошел в Голодный порт, где матросы и офицеры немного отдохнули и запаслись пресной водой. 5 января 1765 года экспедиция снова вышла в Атлантический океан, чтобы исследовать Фалькландские острова. Отсюда Байрон направился к Огненной Земле, где неоднократно останавливался. Во время этих остановок англичан посещали дикари. «Мне никогда еще не приходилось видеть до этого времени,— говорит Байрон,—таких жалких человеческих созданий. Они ходили совершенно голыми, только некоторые набрасывали на свои плечи вонючую тюленью шкуру. Оружие их состояло из грубых луков и стрел; они охотно отдавали свое оружие в обмен за несколько стеклянных бусинок или других безделушек».

Обогнув мыс Горн, Байрон направился на запад, разыскивая землю Девиса, названную Роггевеном островом Св. Пасхи. В этих поисках прошла целая неделя.

В это время среди матросов стала распространяться цынга, и поэтому Байрон отдал приказ держаться на северо-запад. 7 июня под 14° 58′ западной долготы мореплаватели увидали какую-то землю. Это были два неизвестных острова. Когда корабли приблизились к островам, Байрон увидал, что на берегу растут большие деревья и кустарники; среди этой растительности выделялись кокосовые пальмы, увешанные орехами.

Байрон послал на берег шлюпку, чтобы отыскать какую-нибудь гавань. Однако на островах нигде не оказалось никакой бухты или залива, берег круто обрывался в море, которое было здесь очень глубоко, так что нельзя было бросить якорь. Видя невозможность сделать остановку близ этих островов, Байрон приказал 8 июня поднять паруса и плыть дальше. Два открытых им острова он назвал «Островами Разочарования». На следующий день мореплаватели встретили другой низменный остров, на котором росли кокосовые пальмы. На этом острове оказались дикари, которые встретили англичан очень враждебно. Когда Байрон послал на остров шлюпку, то дикари на своих челноках окружили шлюпку и намеревались сделать нападение. Англичане произвели несколько выстрелов и ранили нескольких туземцев; тогда дикари все разбежались.

На другой день Байрон распорядился перенести больных на берег и приказал матросам собрать кокосовых орехов и противоцынготных трав. Дикари, боясь новых выстрелов, не осмеливались сделать нового нападения. Этот остров Байрон назвал островом короля Георга.

21 июня Байрон встретил новую группу островов, опоясанных коралловыми рифами. Вследствие того, что стоянка и плавание около этих островов были очень опасны, Байрон постарался поскорее миновать их, назвав эти острова Островами Опасности. Вскоре был открыт новый остров, названный в честь самого адмирала островом Байрона. Между тем погода стояла невыносимо жаркая. Все матросы были крайне утомлены от долгого плавания и ослабели от недостаточной и нездоровой пищи.

Наконец, 28 июля Байрон с радостью увидал перед собою острова Саипан и Тиниан, принадлежавшие к Марианскому архипелагу или к группе Разбойничьих островов (Ладроны). Здесь Байрон сделал остановку в той самой бухте, где останавливался незадолго перед тем лорд Ансон со своим кораблем «Центурионом».

На берегу тотчас же были разбиты палатки для цынготных больных. Однако стоянка на острове Тиниане не обещала ничего хорошего. Хотя здесь англичане и нашли много лимонных, померанцевых и хлебных деревьев с совершенно спелыми пло-

дами, но зато на острове было много болот, с которых поднимались вредные испарения, вызывавшие болотную лихорадку. Вскоре двое матросов умерло от этой болезни. Несмотря на неблагоприятные условия, Байрон простоял на Тиниане два месяца, и только 1 октября, обильно запасшись продовольствием, кокосовыми плодами и т. п., отплыл с Тинианского рейда.

Пройдя мимо острова Анатакана, открытого уже Ансоном, Байрон продолжал свой путь к северу, надеясь встретить попутный северо-восточный муссон еще до прибытия своего к архипелагу Баши, составляющему северную окраину Филлиппинских островов. 22 октября мореплаватели были уже в виду острова Графтонг, а 3 ноября корабли Байрона подошли к острову Тимуану, где можно было сделать запасы фруктов и свежей провизии. Население этого острова, принадлежащее к малайской расе, презрительно отказалось дать пищевые продукты в обмен на топоры, ножи и другие предметы, требуя уплаты за свои продукты рупиями; с большим трудом англичанам удалось выменять несколько кур, козу и козленка на клетчатые платки.

От острова Тимуана Байрон прошел мимо Пуло-Кондора, а затем, миновав Суматру, 27 ноября прибыл на остров Яву, в гавань Батавии, столицы голландских владений в Ост-Индии. Простояв в Батавии две недели, Байрон через Зондский пролив направился к берегам Африки. После 48-дневного плавания эскадра Байрона достигла 10 февраля южно-африканского побережья и 13 февраля была уже в Столовой бухте. Запасшись в Капштадте всем необходимым — пищевыми припасами, пресной водой и лекарствами,—Байрон отплыл в Англию.

Спустя несколько дней после отплытия из Капштадта, выяснилось, что один из кораблей, «Тамар» настолько пострадал от долгого плавания, что не может дойти до берегов Англии. Вследствие этого Байрон отправил «Тамар» к Антильским островам, куда он благополучно прибыл. Сам же Байрон на корабле «Дельфин» продолжал свой путь в Англию, куда благополучно и прибыл 9 мая 1766 года. Все путешествие Байрона продолжалось 23 месяца, то-есть почти два года. Это было самое удачное из всех кругосветных плаваний, совершонных до этого времени английскими мореходами. Следует также заметить, что это было первое кругосветное путешествие, предпринятое с научной целью. Если оно и не принесло таких богатых результатов, каких следовало бы ожидать, то в этом был виноват не сам Байрон, а английское адмиралтейство, которое не дало Байрону достаточно определенных инструкций и не отправило в это путешествие ученых специалистов по различным отраслям естествознания.

VIII.

Кругосветное путешествие Валлиса и Картерета.

Экспедиции Ансона и Байрона послужили как бы началом целого ряда кругосветных путешествий, организованных англичанами в XVIII веке. Вскоре после того, как Байрон на своем «Дельфине» вошел в Лондонский порт, адмиралтейство назначило «Дельфина» в новое плавание. На этот раз капитаном «Дельфина» был избран Самюэль Валлис. Капитан Валлис долгое время служил во флоте и занимал перед этим важныйпост в Канаде.

21 августа 1762 года, когда все необходимые исправления на «Дельфине» были окончены и припасы погружены, экспедиция Валлиса вышла в плавание. Кроме «Дельфина» в плавание отправились шлюп «Ласточка» и транспортное судно «Принц Фредерик». Капитаном «Ласточки» был Филипп Картерет, один из лучших офицеров английского флота, только что вернувшийся из кругосветного путешествия вместе с Байроном.

К сожалению, «Ласточка» оказалась очень плохим судном, и поэтому, дойдя до острова Мадейры, Валлис решил оставить «Ласточку» одну продолжать дальнейший путь; сам же на «Дельфине» и «Принце Фредерике» направился к берегам Бразилии. При отплытии с Мадейры Валлис передал Картерету копию с своих инструкций и назначил «Голодный порт» в Магеллановом проливе сборным пунктом. Однако, благодаря попутному ветру, «Ласточка» скоро нагнала «Дельфина», и эскадра в полном составе поплыла вдоль патагонского побережья. При входе в Магелланов пролив Валлис и Картерет сделали небольшую остановку. На берег, к месту стоянки, тотчас же явились патагонцы, и Валлис пригласил восьмерых патагонцев к себе на корабль.

17 декабря флотилия Валлиса вошла в Магелланов пролив и благополучно достигла «Голодного порта». Здесь был произведен ремонт кораблей, после чего «Дельфин» и «Ласточка» направились в Великий океан. Однако плавание по Магелланову проливу было так трудно, что когда флотилия вышла в океан, то «Ласточка» была почти совершенно негодна для дальнейшего плавания. После общего совещания, Валлис и Картерет решили, однако, не покидать друг друга, так как «Ласточке» грозила ежеминутная гибель. Но 10 апреля буря и туманы разъединили оба корабля, и за все время путешествия «Дельфин» и «Ласточка» уже более не встречались, так как Валлис не успел назначить Картерету место, где он будет ожидать его прихода.

Оставшись один, Валлис на «Дельфине» взял курс на запад. Достигнув 32° южной широты и 100° западной долготы, Валлис повернул на север. 6-го июня он открыл два острова. Здесь он решил сделать остановку, так как среди экипажа было много больных. На острове было собрано несколько кокосовых орехов и большое количество противоцынготных трав. Остров был совершенно необитаем. Валлис назвал открытый им остров островом Троицы, так как он высадился на него в день праздника Пятидесятницы.

Отплыв от этого острова, Валлис открыл еще другой остров, на котором были встречены туземцы, поспешившие, однако, сесть в свои пироги и уехать в море. На острове было много пальм и имелось несколько речек. Убедившись, что здесь можно без труда прокормить экипаж «Дельфина», Валлис решил остановиться здесь на целую неделю. Во время этой стоянки туземцы ни разу не появлялись на острове, и англичане собрали целую коллекцию брошенных туземцами инструментов из раковин и камней. Этот остров Валлис назвал в честь английской королевы островом королевы Шарлотты.

Покинув остров королевы Шарлотты, Валлис открыл еще целый ряд островов: остров графа Эгмонта, остров Глостера, остров герцога Кемберлендского, остров Вильгельма-Генриха и Оснабрюк. Все эти острова были населены, и 19 июня на восходе солнца англичане увидали себя окруженными сотнями пирог, на которых находились многочисленные туземцы. Несколько пирог приближались к «Дельфину», при чем дикари, находившиеся на этих пирогах, держали в руках ветки бананов, служившие у них, вероятно, символом мира. Когда англичане знаками пригласили дикарей на корабль, то они быстро взобрались на палубу.

Вскоре Валлис открыл новый большой остров, который туземцы называли «Таити». Несмотря на враждебность таитян, Валлис решил сделать здесь остановку, так как он серьезно заболел. Туземцы Таити совершенно не знали употребления металлов, они не умели делать из глины посуду, и вся их утварь состояла из раковин и скорлуп кокосовых орехов. Они не имели никакого понятия о кипятке. Это обнаружилось, между прочим, во время посещения стоянки англичан королевой острова. Когда королева таитян и ее свита осматривали корабль Валлиса, то один из ее придворных, видя, как слуга наливал кипяток из бака, поворачивая кран, вздумал сам проделать тот же фокус; но он подставил вместо чашки под кран свою руку и тотчас же отскочил от бака с страшным криком. Его спутники, видя, как их товарищ кричит и бегает по каюте, ничего не могли понять и смотрели на него со смешанным чувством удивления и ужаса.

Валлис простоял на Таити больше месяца; он посадил на острове семена многих плодовых деревьев—вишен, слив, персиков, а также посеял разного рода овощи и огородные растения. Он подарил королеве одну кошку, двух петухов, несколько кур и гусей, надеясь, что эти животные легко расплодятся на острове.

Валлис покинул Таити 27 июля. Пройдя мимо острова Герцога Иоркского, он последовательно открыл еще несколько островов и островков, к которым, однако, не приставал. Острова эти были нанесены им на карту под названиями Островов Чарльза Сундерса, Лорда Гау, Сциллы, Боскевена и Кеппеля. В это время на корабле была обнаружена течь; вследствие этого Валлис решил поскорее добраться до Молуккских островов, чтобы оттуда направиться мимо мыса Доброй Надежды в Англию. 30 ноября, после остановки на острове Тиниане, «Дельфин» прибыл в Батавию. Плавание из Батавии в Англию не представляло ничего интересного. Зайдя в Столовую бухту и на остров Св. Елены, «Дельфин» вернулся 20 мая 1768 года в Лондон, пробыв в океане 637 дней.

Судьба другого корабля из флотилии Валлиса, «Ласточки», была несколько иная. Мы уже говорили, что «Дельфин» и «Ласточка» потеряли друг друга из виду после бури 10 апреля 1767 года, в то время как эскадра Валлиса выходила из Магелланова пролива в Великий океан.

Картерету ничего не оставалось делать, как итти вперед, так как обратный путь в Англию через Магелланов пролив и Атлантический океан грозил еще большими лишениями. Выйдя из Магелланова пролива в Великий океан, Картерет направился сначала к северу вдоль берегов Чили. Проверив количество пресной воды, остававшейся на корабле, Картерет убедился, что запас этот недостаточен для предстоящего плавания; поэтому, прежде чем направиться к западу, он решил зайти к островам Хуана Фернандеца или Мас-а-Фуэро.

Между тем погода стояла все время очень скверная. 27 апреля вечером налетел сильный шквал, которым на корабле едва не сорвало мачты. Буря свирепствовала всю ночь. Намокшие паруса так плотно приставали к мачтам, реям и штангам, что с большим трудом можно было управлять судном. На следующий день волна, нахлынувшая с кормы, переломила одну из мачт и залила всю палубу. В течение нескольких минут все думали, что «Ласточка» немедленно пойдет ко дну. Однако буря временно затихла, и экипаж «Ласточки» вздохнул свободнее. Но на следующий день буря возобновилась и продолжалась до 7 мая, когда установился попутный ветер. 10 мая «Ласточка» уже подходила к острову Хуана Фернандеца.

Картерет не знал, что испанцы укрепили этот остров, а потому был очень удивлен, увидев на берегу большое количество солдат. На берегу острова был воздвигнут большой форт, на котором развевался испанский флаг. Убедившись в невозможности сделать высадку на острове, Картерет вынужден был итти к острову Мас-а-Фуэро. Но и на этом острове он встретил такое же препятствие, как и на Хуане Фернандеце. Однако на этом острове матросам с «Ласточки» удалось наполнить несколько бочек пресной водой. Матросы поймали также несколько цесарок и наловили около берегов рыбы, но все это было лишь очень небольшим подспорьем к общему запасу провизии.

От Мас-а-Фуэро Картерет взял курс на север, в надежде воспользоваться юго-восточным пассатом, который принес бы «Ласточку» к Молуккским островам. Однако ветры отнесли «Ласточку» далеко на запад. Вследствие этого Картерет решил отыскать Землю Девиса, которая, как он полагал, должна была находиться в этом месте океана. 7 июня, продолжая свои поиски, Картерет находился под 28° южной широты и 112° западной долготы. В южном полушарии в это время, как известно, стоит зима. Океан все время был непокоен, ветер дул сильный и порывистый, но постоянно менял свое направление. Погода стояла сырая, туманная и холодная; нередко шел снег или дождь, часто бывали грозы. Вследствие туманов Картерет не заметил острова Св. Пасхи, хотя и был, по всей вероятности, недалеко от него.

Между тем припасы на корабле быстро таяли, и экипажу грозила в скором времени голодная смерть. Картерет отдал приказ итти под всеми парусами день и ночь прямо на запад. 2 июля с салинга «Ласточки» была замечена какая-то земля, лежавшая к северу от корабля. На следующий день оказалось, что это был остров, покрытый лесом; этот остров Картерет назвал островом Питкерна, по имени матроса, который первый увидал его. 11 июня Картерет открыл еще другой остров, названный им в честь второго сына короля Георга Оснабрюком. На обоих этих островах не было ни капли пресной воды, и поэтому Картерет продолжал свое плавание дальше.

Тем временем среди экипажа «Ласточки» стала распространяться цынга, и само судно нуждалось в ремонте. Съестные припасы подходили к концу. Паруса и снасти злополучного корабля были порваны бурей, и «Ласточке» угрожала гибель. Картерет и его спутники уже стали готовиться к неминуемой смерти, как через несколько дней плавания на горизонте показался какой-то остров. Но туземцы, вооруженные луками, не давали возможности высадиться на берег и преследовали матросов, пытавшихся сойти на берег за пресной водой. После тщетных попыток сде-

лать остановку на этом острове, Картерет решил продолжать плавание дальше.

В это время на «Ласточке» почти половина матросов была совершенно больна. Сам Картерет также слег в постель, а его помощник находился при смерти. Чтобы успешно бороться с цынгой, нужно было во что бы то ни стало запастись свежей провизией и плодами. На острове, близ которого стояла «Ласточка», этого, очевидно, сделать было нельзя, а потому Картерет 17 августа снялся с якоря, назвав открытый им остров Островом Эгмонта, в честь первого лорда адмиралтейства, а бухту, где стояла «Ласточка» на якоре,—Бухтою «Ласточки».

После десятидневного плавания Картерет достиг берегов Новой Британии. Отыскивая для своего корабля удобную якорную стоянку, Картерет плыл вдоль берега этого острова и останавливался в нескольких бухтах. Здесь мореплаватели добыли дров, воды, кокосовых и мускатных орехов, сахарного тростника и пальмовой капусты. Обилие плодов и свежей провизии было большим облегчением для многочисленных цынготных больных. На острове Новой Британии Картерет пробыл 10 дней. Он думал простоять здесь дольше, но боялся пропустить время муссона, так как хотел воспользоваться этим ветром, чтобы возможно скорее прийти в Батавию. В Батавии он рассчитывал сделать «Ласточке» основательный ремонт и поправить своих больных.

Держа курс на запад, Картерет открыл много других островов в этой части Великого океана, но нигде не останавливался; он сам сознается, что следовало бы подробнее описать эту область, но он был так изнурен своею болезнью, что едва в состоянии был выполнять обязанности по управлению кораблем, так как все офицеры умерли в пути. Из офицерского состава на «Ласточке» оставались лишь сам Картерет да его помощник, лейтенант Гауер, который был тяжко болен.

29 октября «Ласточка» достигла северо-восточной оконечности острова Минданао. Постоянно нуждаясь в пресной воде и свежей провизии, Картерет тщетно искал на этом острове бухты, где можно было бы остановиться. Пройдя несколько далее, он встретил удобное место для того, чтобы запастись пресной водой, но враждебное настроение туземцев опять-таки вынудило его сняться с якоря и удалиться от острова.

Отплыв от Минданао, Картерет направился к Макассарскому проливу между островами Борнео и Целебес. Он вступил в этот пролив 14 ноября. «Ласточка» в это время была в таком состоянии, что в течение двух недель прошла всего 28 миль. «Больные,—пишет Картерет в своем журнале,—выбившиеся из сил, мы с часу на час ожидали смерти. Мы видели землю, но не могли к ней пристать, служили игрушкою бурь, с которыми

не в силах были бороться,—и при таких обстоятельствах мы подверглись еще нападению пиратов». Пираты, рассчитывая захватить англичан врасплох, напали на «Ласточку» ночью. Но экипаж «Ласточки» оказал отчаянное сопротивление и выстрелами из пушки утопил судно пиратов.

12 декабря Картерет, к великому своему ужасу, увидел, что начался уже западный муссон. «Ласточка» была не в силах бороться с противным ветром и течением; нельзя было рассчитывать добраться до Батавии; вследствие этого Картерет решил добраться до Макассара, главной голландской фактории на Целебесе. «Ласточка» прибыла в Макассарский порт ровно через 35 недель после того, как она вышла из Магелланова пролива. Но в Макассаре Картерета ожидали новые неприятности. Голландский губернатор запретил Картерету сделать высадку, грозя в противном случае арестовать весь экипаж корабля. Картерет заявил губернатору, что «Ласточка» не может совершать дальнейшего плавания и что все матросы на корабле больны и нуждаются в отдыхе. Но, несмотря на все эти доводы, губернатор категорически требовал, чтобы английский корабль удалился из Макассарского порта. Тогда Картерет решился на отчаянную попытку; он заявил, что в таком случае он откроет пальбу из пушек по городу; только после этого губернатор Макассара согласился дать англичанам немного свежей провизии и разрешил Картерету зайти в соседнюю маленькую бухту, где англичане могли произвести починку корабля.

Сознавая, что «Ласточка» может не сегодня-завтра пойти ко дну и что экипажу грозит смерть от голода, Картерет согласился и отвел свой корабль на Бонтейнский рейд. Голландцы предоставили англичанам дом для временного пользования, но запретили больным отходить от этого лазарета более чем на 80 шагов. Лазарет был оцеплен военным кордоном, строго следившим за тем, чтобы англичане не вступали в какие-либо сношения с туземцами. Вся провизия, необходимая англичанам, закупалась голландскими часовыми.

22 мая 1768 года, когда начался снова восточный муссон, Картерет покинул Бонтейн и направился на запад в Батавию. В Батавии Картерету удалось нанять нескольких английских матросов и только благодаря этому обстоятельству «Ласточка» могла благополучно вернуться в Европу. Из прежнего ее экипажа 24 человека умерло, а 24 человека находились почти при смерти. 7 человек из этих последних умерли на пути к мысу Доброй Надежды.

После остановки в Столовой бухте, Картерет вышел в Атлантический океан и направился в Англию. Близ острова Вознесения «Ласточка» встретилась с французским кораблем, тоже

возвращавшимся в Европу из кругосветного плавания. Это был фрегат «Сердитый», плававший под начальством Бугенвилля.

20 марта 1769 года «Ласточка» бросила якорь на Спитгедском рейде, окончив, таким образом, свое крайне трудное и опасное плавание кругом света, продолжавшееся тридцать один месяц. Чтобы совершить кругосветное путешествие на таком плохом судне и сделать при этом важные географические открытия, необходимо было иметь большую энергию и хладнокровие. Только такой опытный моряк, каким был Картерет, мог довести эту экспедицию до конца; препятствия, которые ему удалось преодолеть, еще более увеличивают его славу, как отважного мореплавателя.

IX.

Кругосветное плавание Бугенвилля.

В то время, когда Валлис заканчивал уже свое кругосветное путешествие, а Картерет боролся еще с чрезвычайными невзгодами в Великом океане, во Франции была снаряжена большая экспедиция для географических исследований в южных морях. Начальником этой экспедиции был назначен Луи-Антуан Бугенвилль.

Бугенвилль родился в Париже 13 ноября 1729 года. Будучи сыном нотариуса, он готовился сначала к юридической карьере и, выдержав установленное испытание, был внесен в список адвокатов. Не чувствуя никакого призвания к этой профессии, молодой Бугенвилль поступил на военную службу. В то же время он увлекался математикой и написал даже сочинение об интегральном исчислении. Из трех начатых таким образом карьер Бугенвилль бросил две: юридическую и научную. Что касается третьей — военной карьеры, то он скоро переменил ее на дипломатическую и был назначен секретарем при французском посольстве в Лондоне. Однако и дипломатическая служба пришлась не по сердцу Бугенвиллю, и он перешел во флот. Служа во флоте, Бугенвилль совершил несколько плаваний из Франции в Канаду. После того как Канада отошла от Франции к Англии, Бугенвилль выступил с проектом основать новую французскую колонию на Фальклендских островах, поселив там эмигрантов из Канады, которые не хотели быть под английским владычеством.

В 1763 году, при поддержке некоторых судовладельцев из Сен-Мало, Бугенвилль снарядил два корабля —«Орел» и «Сфинкс» и перевез на них несколько канадских эмигрантов с их семействами на Фальклендские острова, которые он назвал Малуин-

скими по имени города Сен-Мало. Бугенвилль совершил еще несколько путешествий на эти острова, привозя туда разные продукты, семена, скот и т. п. Колония с каждым годом увеличивалась, но в 1766 году испанское правительство заявило, что оно считает Фалькландские острова принадлежащими Испании, и поэтому требовало прекратить дальнейшую колонизацию. Французское правительство, убедившись, что означенные острова не могут иметь особенно важного коммерческого значения, не захотело доводить дело до открытой войны и признало притязания испанского правительства правильными. Французское правительство поручило Бугенвиллю передать Малуинские острова испанским комиссарам, приказав ему, после передачи, отправиться в Южное море и нанести на карту новые земли и острова, которые удастся открыть. Для этого плавания и был снаряжен фрегат «Сердитый».

15 ноября 1766 года Бугенвилль вышел на «Сердитом» из устья Луары. Ему нужно было прежде всего зайти в устье Ла-Платы, где он должен был встретить два испанских корабля с комиссарами. Едва «Сердитый» успел выйти в открытый океан, как поднялась сильная буря. Она так сильно потрепала фрегат, что Бугенвилль вынужден был вернуться в Брест, чтобы произвести починку. Через несколько дней Бугенвилль снова отправился в плавание. Его экипаж состоял из 203 человек матросов, 11 офицеров и 3 добровольцев.

31 января 1767 года «Сердитый» бросил якорь в порте Монтевидео, где его уже дожидались испанские корабли. Погрузив необходимое количество съестных припасов, пресной воды и рогатого скота, все три фрегата пошли 28 февраля 1767 года к Малуинским островам. Плавание это происходило при очень неблагоприятных условиях. Непостоянство ветров, непогода и сильное волнение причинили фрегату Бугенвилля большие повреждения. Лишь 23 марта ему удалось бросить якорь во «Французской бухте», куда на другой день прибыли и оба испанских корабля, тоже сильно пострадавшие от бури.

1 апреля французское поселение было официально передано испанцам. После этого Бугенвилль отправился в Рио-Жанейро, куда должно было прибыть транспортное судно «Звезда» с припасами, чтобы сопровождать Бугенвилля в кругосветном плавании.

«Сердитый» и «Звезда» вышли из устья Ла-Платы 14 ноября и через две недели достигли благополучно мыса Дев, у входа в Магелланов пролив. Здесь французские мореплаватели впервые увидали патагонцев, которые произвели на них сильное впечатление своим ростом и сложением. Несмотря на бури и непогоду, Бугенвилль благополучно миновал Магелланов пролив и

вышел в Великий океан. Бугенвилль хотел было первоначально сделать остановку на острове Хуана Фернандеца, но сильные южные ветры помешали подойти к этому острову, и он решил плыть на остров Пасхи. Проплавав по океану до 22 марта, Бугенвилль не нашел острова Пасхи, а вместо него открыл четыре новых острова. 4 апреля флотилия Бугенвилля была в виду Таити, длинного острова, состоящего из двух полуостровов, соединенных узким перешейком. Когда французские суда

Луи Антуан Бугенвилль. (С гравюры XVIII века.)

подошли к острову, они были окружены целой сотней туземных лодок. Островитяне, бывшие в лодках, предлагали французам кокосовые орехи и различные плоды, которые французы выменяли на безделушки.

Утром 6 апреля Бугенвилль остановился в одной бухте. Многочисленные туземцы, собравшиеся на берегу, радостно приветствовали мореплавателей и громко кричали слово: «тайо», что на их языке означало «друг». Бугенвилль, однако, строго запретил своему экипажу сходить на берег, пока не удастся установить хороших отношений с дикарями.

Бугенвилль назвал остров Таити «Новой Киферой» и в своем описании этого острова восторгается его красотами. «Климат на острове чрезвычайно здоровый,—говорит он,—несмотря на тяжелые работы, которые приходилось делать там нашим матросам, никто из них не захворал; цынготные больные, переведенные на берег, быстро поправлялись. Впрочем, лучшим доказательством здорового климата, которым пользуются таитяне, служат счастливая старость, до которой они все доживают, острота и тонкость их чувств и замечательная красота зубов, сохраняющихся у них до глубокой старости».

Естественные богатства острова так велики и требуют от человека так мало труда, что мужчины и женщины на острове живут почти в постоянной праздности. Главными естественными богатствами Таити являются кокосовые пальмы, бананы, сахарный тростник и т. п.

Отплыв с Таити, Бугенвилль открыл еще несколько островов, на которых он, однако, не останавливался, спеша скорее добраться до Молукккских островов, так как среди матросов начались снова цынготные заболевания.

После месячного плавания имевшиеся на судах Бугенвилля запасы провизии стали приходить к концу; матросы вынуждены были питаться крысами и полусгнившими сухарями. Вследствие этого Бугенвилль повернул на север, где по его расчету должны были находиться Молукккские острова. Миновав цепь низменных полузатопленных островов, о которые чуть не разбились его суда, Бугенвилль увидал пред собою берег Новой Гвинеи. 12 августа Бугенвилль заметил большую бухту, но сильное морское течение увлекло суда далеко от берега, на котором возвышались две большие горы — гора Циклопа и гора Бугенвилля, охранявшие, как часовые, вход в бухту. Миновав один за другим острова Миспулу и Байгиу, Бугенвилль благополучно достиг Молукккского архипелага.

Не имея никаких сведений о событиях, которые произошли в Европе за время его отсутствия, Бугенвилль не решался войти в какой-либо большой порт, где он мог быть захвачен в плен. Вследствие этого он выбрал для остановки небольшую голландскую факторию на острове Боэро или Буру. Остановка эта была крайне необходима. «Половина экипажа,—говорит Бугенвилль,— была уже не в состоянии исполнять свои обязанности. Остававшиеся еще у нас съестные припасы до такой степени сгнили, что издавали невыносимое зловоние. Понятно было поэтому желание экипажа как можно скорее высадиться на берег.

Едва «Сердитый» и «Звезда» стали на якорь, как местный голландский губернатор острова Буру прислал на корабли двух чиновников осведомиться о причинах, вследствие которых

французские суда остановились там, куда вход разрешался лишь судам голландской Ост-Индской компании. Бугенвилль тотчас же отправил к губернатору своего офицера, которому было поручено объяснить, что вследствие голода и болезней экипажа французские суда вынуждены были зайти в первый встречный порт. Вместе с этим объяснением Бугенвилль обещал отплыть из Буру, как только ему будет оказана надлежащая помощь. После письменного подобного же заявления губернатор разрешил Бугенвиллю запастись провизией и пробыть некоторое время на острове.

7 сентября Бугенвилль отплыл из Буру в Батавию, откуда направился во Францию. Зайдя на Иль-де-Франс (Остров св. Маврикия), в Столовую Бухту и на остров Вознесения, возле которого он встретился с Картеретом, Бугенвилль вернулся 16 февраля 1769 года в Сен-Мало, потеряв только семь человек за все время своего путешествия, продолжавшегося два года и 4 месяца.

X.

Джемс Кук и его путешествия.—Первое кругосветное плавание Кука.

Джемс Кук считается величайшим мореплавателем XVIII века, которым справедливо гордится Англия. Он родился 27 октября 1728 года в Мортоне, в графстве Иорк, в Англии. Он был по счету девятым ребенком в семье простого земледельческого рабочего. Когда маленькому Куку исполнилось семь лет, отец брал его с собою на работу на Эйри-Гольмскую ферму близ Эйтона. Маленьким Джемсом скоро заинтересовался владелец фермы Томас Скоттоу, который, видя недюжинные способности мальчика, отдал его на свой счет в школу. Тринадцати лет отроду Джемс был отдан в услужение мелочному торговцу, Вильяму Сандерсону, торговавшему в Стейте, приморском городке, население которого занималось рыбною ловлей. Живя в Стейте, Джемс Кук заинтересовался жизнью рыбаков и его стало тянуть в море.

С согласия своих родителей, Джемс Кук оставил вскоре службу у лавочника и поступил юнгой на судно Джона и Генри Уокеров, которые занимались перевозкой угля из портов Англии в Ирландию. Кук скоро освоился с морским делом и был последовательно произведен сначала в матросы, потом в боцманы и, наконец, сделался шкипером одного из судов фирмы Уокеров.

Весною 1755 года, когда началась война между Англией и Францией, судно Кука стояло на якоре в Темзе. В то время, согласно закону, матросы и служащие торговых судов обязаны были перейти на службу во флот. Кук сначала думал было

скрыться, чтобы избежать военной службы, но затем, опасаясь, что его все равно отыщут, добровольно поступил матросом на военный корабль «Орел», командиром которого был назначен сэр Гюг Паллизер.

Кук вскоре обратил на себя внимание Паллизера своею акуратностью, умом и смелостью. В непродолжительном времени Кук, несмотря на свою молодость, был назначен старшим боцманом. 15 мая 1759 года он на корабле «Меркурий» отправился в Канаду и состоял там под командой сэра Чарльза Соундерса, осаждавшего в то время Квебек. Во время этой осады Кук имел случай выполнить чрезвычайно важное, опасное и трудное поручение. Нужно было сделать промеры в фарватере реки св. Лаврентия, между Орлеанским островом и северным берегом, как раз напротив укрепленного французского лагеря. Вполне доверяя искусству и мужеству Кука, капитан Паллизер предложил адмиралу Соундерсу поручить это дело Куку; так как промеры нельзя было производить днем, то Куку пришлось работать только по ночам. Однако французы заметили шлюпку Кука и послали против него целую флотилию индейских лодок. Несмотря на искусство, с каким было произведено нападение, Кук, благодаря своему хладнокровию и решительности, успел ускользнуть от преследования и спасся на берегу. Составленная Куком карта фарватера оказалась очень точной, и адмирал Соундерс после этого поручил Куку составить гидрографическую карту всего течения реки св. Лаврентия от Квебека до устья. Труд этот был выполнен Куком настолько хорошо и добросовестно, что его карту издало английское адмиралтейство.

После взятия Квебека англичанами Кук перешел на корабль «Нортумберланд», находившийся под командою лорда Кольвиля, и воспользовался стоянкой у берегов Ньюфаундленда, чтобы заняться изучением астрономии. Вскоре ему было поручено произвести на этом острове топографические работы. В 1764 году Кука назначили инженером-топографом на Ньюфаундленд и Лабрадор. Кук провел в этой должности три года, и его работы обратили на себя внимание морского министерства. В это же время Кук послал Британскому Астрономическому обществу записку о солнечном затмении, которое он наблюдал на Ньюфаундленде в 1766 году. Записка эта была напечатана в мемуарах общества.

Здесь следует заметить, что Кук получил в сельской школе лишь самое элементарное образование, но это не помешало ему приобрести затем солидные научные сведения. Ему приходилось самому из книг узнавать все, что касалось теоретических знаний; на это изучение он посвящал все свое свободное от служебных занятий время. Энергия и труды Кука скоро получили заслуженную награду. В 1769 году должно было произойти крайне инте-

ресное астрономическое явление: через солнечный диск должна была пройти планета Венера. Это явление лучше всего можно было наблюдать в южном полушарии, и поэтому английское правительство решило снарядить в Южное море специальную научную экспедицию. Первоначально начальство над этой экспедицией хотели поручить известному в то время гидрографу Дальримплю; но вследствие того, что Дальримпль поставил правительству неприемлемые условия, английское министерство решило назначить нового начальника. По совету сэра Гюга Паллизера,

Джемс Кук. (Снимок с гравюры, приложенный к «Описанию путешествия Кука». Изд. 1788 г.)

лорды адмиралтейства остановили свой выбор на Джемсе Куке, который и был назначен командиром корабля «Эндевер», что значит в переводе «Попытка».

Куку в это время было 40 лет от роду. Ему в первый раз приходилось командовать морским военным судном. Наблюдение над прохождением Венеры через солнце было хотя и главной, но не единственной целью экспедиции. Куку поручалось также заняться географическими исследованиями в неизвестных еще областях Великого океана. И сын йоркширского крестьянина оказался вполне на высоте возложенной на него задачи.

В то время, когда Кук занимался снаряжением «Эндевера», подбирал себе матросов и т. п., в Англию вернулся из кругосветного путешествия капитан Валлис. Английское правительство обратилось к нему за советом относительно того, откуда, по его мнению, лучше всего наблюдать прохождение Венеры через Солнце. Валлис указал на открытый им остров Георга III, который, как узнали позднее, назывался туземцами Таити. Вследствие этого Куку было поручено итти прежде всего к этому острову.

Вместе с Куком отправились в плавание: астроном Чарльз Грин, шведский врач доктор Соландер, ученик Карла Линнея и профессор ботаники. К этим ученым присоединился также сэр Джозеф Банкс, любитель путешествий. Банкс, бывший человеком богатым, взял с собою двух рисовальщиков: одного для пейзажей и портретов, а другого для рисования животных, птиц и разных зверей. Кроме этих лиц на «Эндевере» было около 90 человек экипажа.

26 августа 1768 года «Эндевер» вышел из Плимута в свое дальнее плавание. 13 сентября Кук был уже на острове Мадере, где пополнил свои запасы. Из Мадеры Кук направился в Рио-Жанейро, куда и прибыл 13 ноября. Отсюда он решил плыть мимо Огненной Земли и обогнуть мыс Горн, минуя Магелланов пролив. Кук не имел повода раскаиваться в том, что направился через пролив Лемера, а не через Магелланов. Он в 30 дней успел обогнуть Огненную Землю и пройти на 3° к северу от Магелланова пролива. Если бы он пошел через Магелланов пролив, то, без сомнения, потерял бы гораздо больше времени. Весьма точные астрономические наблюдения, произведенные Куком совместно с Грином, а также инструкции, составленные Куком для моряков, огибающих мыс Горн, значительно облегчили труд последующих мореплавателей и существенно исправили карты Эрмита, Лемера и Схоутена.

С 27 января, когда Кук обогнул мыс Горн, и до 1 марта, он на протяжении 660 морских миль открыл в Великом океане много новых островов, принадлежащих к Опасному архипелагу. В большинстве случаев это были населенные острова, тропическая растительность которых казалась в высшей степени роскошною морякам, видевшим в продолжение целых трех месяцев только небо, воду да покрытые вечными снегами скалы Огненной Земли. Продолжая свое плавание, Кук встретил остров Маитен, который Валлис назвал островом Оснабрюка, а на следующий день, утром 11 июня, перед мореплавателями на горизонте показался остров Таити.

Два дня спустя «Эндевер» бросил якорь в Матавайском порте, названном Валлисом Королевским.

Для ограждения наблюдателей от могущего быть со стороны туземцев нападения, Кук приказал построить на берегу укрепленную обсерваторию доступы к которой могли бы обстреливаться артиллерийским огнем с корабля. Сойдя на берег в сопровождении Банкса, Соландера и Грина, Кук выбрал место для постройки обсерватории.

Кук пробыл на Таити целый месяц. 3 июля Кук и его спутники наблюдали прохождение Венеры через Солнце, после чего Кук решил продолжать свое плавание. 7 июля англичане стали приготовляться к отплытию, предварительно разрушив и срыв до основания укрепленную обсерваторию. В это время один из туземцев, по имени Тупиа, особенно дружественно относившийся к Куку, явился на корабль с тринадцатилетним мальчиком-слугою. Тупиа был одним из местных верховных жрецов. Ему очень хотелось побывать в Англии, и Кук, после недолгого колебания, согласился принять его на корабль.

13 июля корабль был готов к отплытию. На берегу собралась огромная толпа островитян, пришедших проститься с англичанами и со своим соотечественником Тупией. Покинув Таити, Кук направился на запад, где, по словам Тупии, находились четыре острова: Гуагейне, Улиэтеа, Отага и Болабола; на этих островах, по рассказам Тупии, можно быто достать свиней, фрукты и другие припасы. Когда корабль Кука был уже недалеко от острова Гуагейне, к нему подошло несколько туземных байдар. На приглашение Кука взойти на корабль дикари, бывшие в байдарах, отвечали отрицательными знаками. Но когда они увидали на корабле Тупию, то многие из них поднялись на корабль и приглашали англичан на свой остров. Во время стоянки англичан на острове Гуагейне местный вождь, Орэ, оказал англичанам очень хороший прием и даже побратался с Куком и поменялся с ним именами: он стал называть себя Кукэ, а капитана Кука все время называл своим именем, Орэ. Осмотрев после Гуагейне и другие соседние острова, Кук назвал весь этот архипелаг «Островами Товарищества».

Отсюда Кук направился на юго-запад, и в течение 40 дней мореплаватели видели перед собою только море и небо. 1 сентября корабль Кука находился под 40° 22′ южн. широты и 174° 29′ западной долготы. Не видя никаких признаков земли, Кук решил продолжать плыть на юго-запад. В конце сентября месяца на море стали появляться разные признаки, указывающие на близость острова или материка. Действительно, 6 октября на горизонте показалась какая-то земля. Когда корабль подошел ближе к берегу, то Кук увидал на берегу высокие цепи гор; он заключил, что судя по горам, открытая им земля является большим таинственным «австральным» материком, которого

тщетно искали мореплаватели XVII века. На самом же деле это был остров Новой Зеландии.

Кук отдал приказ войти в первую же бухту. По обе стороны бухты высились громадные белые скалы. Местность между ними, поднимаясь террасами, расположенными одна над другою в виде амфитеатра, как будто сливалась на заднем плане с высокою цепью гор, находившеюся, повидимому, далеко внутри страны.

Соседние с бухтой холмы были покрыты лесом. Вскоре после того, как «Эндевер» бросил якорь, на берегу показались туземцы; они были высокого роста и вооружены длинными копьями и каменными топорами. Волосы на головах туземцев были собраны на темени в пучок, из которого у многих дикарей торчали высокие султаны из перьев. Коричневая кожа их была испещрена извилистыми линиями и кругами.

Кук в сопровождении нескольких человек матросов сел в шлюпку и направился к берегу; он взял с собою и таитянина Тупиа; когда шлюпка подошла близко к берегу, то Тупиа стал уверять стоявших на берегу дикарей, что белые люди явились с добрыми намерениями, а именно купить съестных припасов, а затем уехать прочь, а потому Тупиа просил островитян принять белых людей дружелюбно. «Впрочем,—добавил он,—у них в руках гром и молния, которыми они могут уничтожить всякого врага».

Однако речь Тупии не произвела на островитян никакого впечатления; они воинственно потрясали своим оружием и приготовились к нападению. Тогда Кук приказал сделать несколько выстрелов из ружей в воздух, желая напугать туземцев. Остановившись на мгновение, дикари после выстрела стали бросать в шлюпку камни; Кук вынужден был дать приказ сделать выстрел уже по дикарям; этим выстрелом был убит один туземец. После этого остальные разбежались.

Желая исследовать остров, Кук направился вдоль берега к югу. Мы не будем следовать шаг за шагом за английским мореплавателем, занимавшимся обстоятельным исследованием новозеландского побережья. Читателям наскучило бы однообразие многократно повторявшихся столкновений с туземцами. Описание естественных красот новозеландской природы могло бы показаться также под конец утомительным; вследствие этого мы передадим здесь лишь очень кратко гидрографическую часть путешествия, останавливаясь преимущественно на описании нравов и обычаев туземцев, с которыми встречался Кук.

Кук плавал вдоль берегов Новой Зеландии более трех месяцев. 16 января 1770 года он увидал недалеко от берега громадную гору, покрытую вечными снегами. Эту гору Кук назвал

в честь графа Эгмонта—Эгмонтовой горой. Обогнув гору, Кук заметил, что берег поворачивает к западу. Берег этот был изрезан множеством небольших бухт. Кук решился зайти в одну из бухт, чтобы починить свое судно, а также запастись дровами и водою. Во время этой стоянки Кук совершил восхождение на одну соседнюю гору, с вершины которой увидал пролив, разделяющий северную и южную часть Новой Зеландии. Кук назвал этот пролив Каналом королевы Шарлотты.

Тип жителя Новой Зеландии. (Со старинной гравюры.)

Отсюда Кук направился еще далее на юг и благополучно обогнул с юга Новую Зеландию, прибыв снова к проливу королевы Шарлотты, но уже с Западной стороны. Запасшись в одной из бухт пролива дровами и пресной водой, Кук решил итти в Англию, так как его корабль и снасти уже приходили в ветхость, и экипаж был очень утомлен длинным путешествием. Куку чрезвычайно хотелось выяснить вопрос о существовании южного материка, но он сознавал, что не может пуститься через океан кратчайшим путем к мысу Доброй Надежды. Приходилось

избрать путь через Индийский океан и, прежде всего направиться к западу до восточных берегов Новой Голландии.

Прежде чем приступить к описанию этой второй половины путешествия Кука, здесь уместно будет подвести итоги плавания Кука около берегов Новой Зеландии. Выше, говоря о географических открытиях XVII века, мы упомянули об открытии Новой Зеландии Абелем Тасманом, который назвал открытую им землю «Землею Генеральных Штатов». Тасман предполагал, что «Земля Генеральных Штатов» является частью южного материка. Однако Кук, объехав кругом острова Новой Зеландии, доказал своим путешествием, что «Земля Генеральных Штатов» представляет лишь большой остров. Куку принадлежит также и честь точного определения географического положения Новой Зеландии; он первый исследовал природу этого острова и первый сообщил о нравах и обычаях обитателей Новой Зеландии.

Согласно путевым запискам Кука, южный остров, называвшийся туземцами Таваи-Пунаму, был почти безлюден, но северный, «Те-ика-Мауи», более богатый по природе и с мягким климатом, оказался довольно густо населенным; на острове всюду виднелись обработанные поля и селения, расположенные обыкновенно на высотах и обнесенные частоколом. На Те-ика-Мауи было много лесов; множество певчих и других птиц оживляли своим пением и криками лесные дебри. Из четвероногих животных в Новой Зеландии были только крысы и собаки. Собаки употреблялись туземцами в пищу. Большинство новозеландцев были высокого роста, хорошо сложены и отличались значительной силой, проворством и чрезвычайной ловкостью.

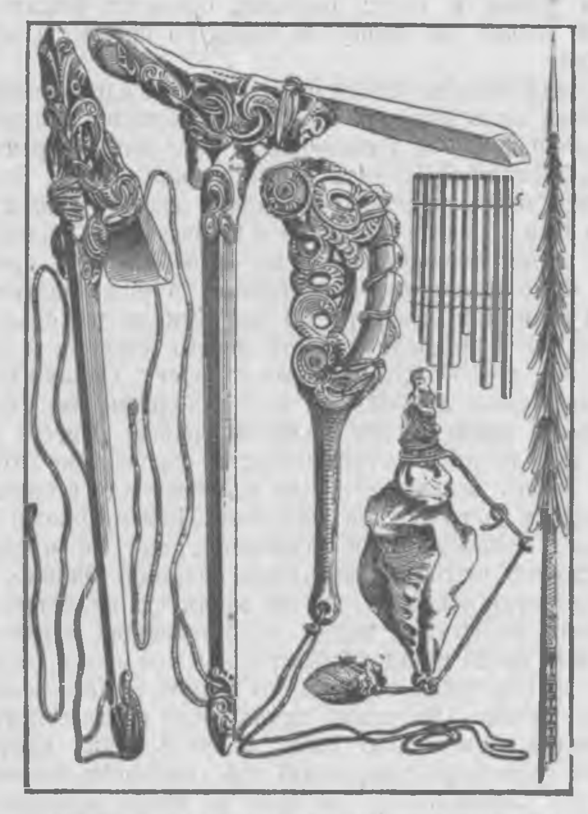
Почти все новозеландцы, которых видел Кук, имели на своем теле татуировку. Многие рисунки, воспроизведенные на коже, имели художественный характер и были выполнены с замечательным искусством.

Кука и его спутников в особенности поразило умение новозеландцев строить байдары. Некоторые байдары имели до 20 метров длины, и на них помещалось от 40 до 50 человек. Все байдары были роскошно украшены ажурной резьбою с отделкой в роде бахромы из черных перьев. На носу и на корме байдар новозеландцы обыкновенно помещали большую вырезанную из дерева человеческую голову, с отвратительным лицом, высунутым языком и глазами, сделанными из двух белых раковин.

Покинув 31 марта 1770 года берега Новой Зеландии, Кук направился на запад. 19 апреля на горизонте показалась земля. Соображаясь с картой Тасмана, Кук признал в ней землю, которую голландский мореплаватель назвал Землею Ван-Димена. В действительности это был берег австралийского материка. Идя вдоль берега к северу, Кук дал наименование всем значи-

тельным мысам побережья. Так были нанесены на карту: мыс Гикса, Баранья голова, мыс Гоу, гора Дромадера, Прямая Коса, Голубятня и др.

Эта часть Австралии очень гориста и покрыта редкими деревьями. Дым, поднимавшийся местами, свидетельствовал, что земля эта обитаема. Туземцы, которых англичанам удалось уви-

Орудия новозеландцев. (Со старинной гравюры.)

дать на этом берегу, были вооружены длинными копьями и короткими палицами из дерева. Такая палица, называемая австралийцами бумерангом, является грозным метательным оружием в руках дикарей. В одном месте англичане хотели высадиться на берег, чтобы исследовать вновь открытую землю. Когда шлюпка подошла к берегу, то несколько туземцев стали кидать в англичан копья и каменья. Желая завязать с дикарями

дружественные отношения, англичане стали бросать им на берег гвозди, стеклянные бусы и другие предметы, но австралийцы не обращали на эти вещи никакого внимания и продолжали свои враждебные действия. Боцман, бывший в шлюпке, сделал после этого выстрел в воздух. Дикари на мгновение остановились, но затем еще настойчивее стали преследовать шлюпку. Тогда англичане выстрелили дробью по австралийцам, из которых один был ранен в ногу; раненый бросился бежать к своей хижине и тотчас же вернулся назад со щитом, чтобы возобновить бой.

Кук, видя невозможность произвести высадку, поднялся еще на несколько миль выше на север и остановился в одной бухте, которую он назвал, за разнообразие растений, встреченных на ее берегу, Ботанибей (то-есть Ботаническая бухта). Эта обширная, удобная и безопасная бухта лежит под 34° южной широты.

6 мая Кук вышел из Ботанибея и продолжал плавание к северу, все время держась недалеко от берега. Это прибрежное плавание было довольно однообразно. 25 мая «Эндевер» находился под тропиком Козерога. 29 мая Кук, желая сделать некоторые починки в подводной части своего корабля и запастись свежей водой, хотел было пристать к берегу. Однако берег оказался совершенно пустынным и бесплодным; все побережье было покрыто лишь густою колючей травою. Вместе с тем на англичан напали целые тучи москитов. Вследствие этого Куку пришлось плыть дальше до более удобного для стоянки места. Кук назвал эту часть Южной Австралии Новым Южным Уэльсом. Бесплодная, песчанистая и безводная, она не представляла никаких удобств, чтобы основать здесь колонию. Однако, позднейшие исследования доказали, что эта местность является по своим минеральным богатствам одной из богатейших стран в мире.

С 31 мая по 10 июня «Эндевер» шел все время, держа курс на север. Пройдя таким образом без всяких приключений целых 22 градуса, то-есть 1300 миль вдоль этого неизвестного берега, среди отмелей и подводных скал, корабль Кука вдруг ночью попал своей кормой на коралловый риф. Опасность увеличивалась еще тем, что «Эндевер» сел на мель во время прилива; нельзя было поэтому рассчитывать, что вода в состоянии будет снять корабль с мели. Не теряя времени, Кук приказал выбросить за борт шесть пушек, все лишние бочки с водою, железный балласт и вообще все, без чего можно было как-нибудь обойтись. Затем был заброшен якорь и матросы начали работать воротом, надеясь стащить корабль с мели. Однако все попытки не привели ни к чему.

Утром на следующий день выяснился весь ужас положения. Корабль находился в 8 милях от берега; на всем этом протяже-

нии не было ни единого островка, на который экипаж мог бы перебраться, если бы судно окончательно разбилось, как этого надо было, повидимому, ожидать. Хотя груз «Эндевера» был уменьшен на целых 50 тонн, корабль прочно сидел всей кормой на рифе. К счастью для мореплавателей, ветер утих, иначе судно неминуемо разбилось бы в щепки. В трюме между тем началась сильная течь; вода быстро прибывала, несмотря на то, что ее откачивали беспрерывно двумя помпами; пришлось установить еще третью помпу.

Перед мореплавателями стоял призрак неминуемой гибели: даже если бы удалось снять корабль с мели, он на глубоком месте неизбежно пошел бы ко дну; с другой стороны, оставаясь на рифе, судно должно было скоро разбиться о камни. Между тем, имевшиеся на корабле лодки были недостаточны для помещения в них всего экипажа. Можно было опасаться, что при таких обстоятельствах среди матросов произойдет борьба из-за лодок. Однако сознание долга среди экипажа «Эндевера» было так велико, что даже и при таких критических обстоятельствах на корабле сохранялся строжайший порядок, свидетельствовавший, несомненно, о том, в какой степени Кук сумел снискать уважение и любовь своих подчиненных.

В момент, когда прилив достиг своего высшего уровня, весь экипаж корабля был поставлен к шпилю и общими усилиями удалось стащить судно с утеса. К счастью, вода после этого стала прибывать в трюме лишь немного более прежнего. Но, тем не менее, матросы все-таки выбивались из сил, выкачивая безостановочно воду из трюма. Кук направил корабль к берегу, но он не надеялся, что судно сможет достигнуть его прежде, чем затонет. Вероятно, это так и случилось бы, если бы доктору Монкгаузу не пришла счастливая мысль подвести под кормовую часть судна, где была пробоина, парус, на который нашили слой пакли и шерсти. Когда парус подвели, то течь сразу значительно уменьшилась. Кук, мечтавший было уже только о том, как бы довести «Эндевер» до берега и построить из его обломков судно, на котором можно было бы достигнуть какой-нибудь европейской колонии в Ост-Индии, совершенно успокоился и понял, что корабль можно вполне исправить, приискав лишь удобное место для ремонта.

Такое место было найдено 17 июня в небольшой бухте при устье речки, которую Кук назвал рекою «Эндевер». Корабль был тотчас же положен на бок, и плотники приступили к работе. В это время все больные были свезены на берег. Некоторыми офицерами экипажа были предприняты исследования окрестных местностей с целью достать какую-нибудь пищу. В одну из таких экскурсий таитянин Тупиа увидал какое-то неизвестное ему

животное. Несколько дней спустя охотникам удалось выследить это животное, и в указанном Тупией месте охотники нашли их даже несколько штук. Оказалось, что это большие сумчатые, встречающиеся только в одной Австралии. Туземцы называли их кенгуру, и они до того времени не были известны европейцам.

После окончания ремонта, Кук, выбравшись из устья реки Эндевер, встретился еще с большими препятствиями; его кораблю приходилось все время итти мимо отмелей и подводных скал. Плавание можно было совершать только днем, а ночью Кук вынужден был останавливаться на якоре, так как ночью могла бы повториться катастрофа. Проплавав в этом лабиринте подводных скал и рифов целую неделю, Кук стал думать — не будет ли благоразумнее вернуться назад и отыскать какой-нибудь другой более безопасный путь в Индийский океан. После обсуждения этого вопроса вместе со своими офицерами, Кук, ввиду небольшого количества съестных припасов, бывших на корабле, решил плыть вперед, надеясь, что ему удастся прорваться сквозь гряду подводных мелей. Действительно, ему удалось вскоре найти канал среди рифов, и этот канал вывел его в свободное море.

16 августа «Эндевер» попал снова в чрезвычайно опасное положение. Прилив увлек его к гряде подводных скал, и казалось, что через несколько мгновений он будет разбит. Значительная глубина моря не позволяла бросить якорь, в то же время отсутствие ветра мешало воспользоваться парусами. Кук отдал приказ матросам сесть в шлюпки и тащить корабль на буксире. Но волна прилива была так сильна, что все усилия гребцов оставались тщетными. Гибель была неизбежна. «Эндевер» был уже всего в ста шагах от рифа, когда поднялся небольшой ветерок, который дал возможность пройти на парусах недалеко от него.

Мы остановились несколько подробно на этом плавании капитана Кука потому, что оно происходило в неисследованных до этого времени морях, среди отмелей, подводных скал и морских течений, которые даже и теперь считаются очень опасными для мореплавателей. Между тем Куку приходилось плыть вдоль берегов Австралии совершенно ощупью, рискуя ежеминутно встретить такие препятствия, против которых могли оказаться бессильными все его искусство и вся его энергия.

Однако Кук, несмотря на все опасности, не оставлял своего намерения разрешить вопрос: составляет ли Новая Гвинея одну землю с Новой Голландией, или она отделяется от последней каким-либо проливом?

Чтобы выяснить это, Кук, несмотря на опасность прибрежного плавания, снова приблизился к австралийскому берегу.

21 августа он обогнул самую северную оконечность Новой Голландии—Иоркский мыс и вступил в канал, усеянный множеством островов, лежавших недалеко от берега. Это был Торресов пролив, названный Куком Проливом Эндевера. Кук открыл в этом проливе и нанес на карту несколько островов, а именно: острова Валлиса, острова принца Уэльского и остров Буби. Затем он направился к южному берегу Новой Гвинеи и шел вдоль этого берега в течение нескольких дней.

Отыскав удобную для стоянки бухту, Кук отдал распоряжение бросить якорь. Затем сам Кук в сопровождении Банкса, Соландера и нескольких матросов сели в шлюпку и отправились на берег. Но едва мореплаватели успели высадиться на берег, как из лесу вышли трое туземцев и бросились на них с громким криком. Чтобы остановить туземцев, Кук и его товарищи должны были дать по ним несколько выстрелов. Но, чтобы не вызвать кровопролития, Кук и его спутники вернулись в шлюпку. После кратковременной стоянки «Эндевер» продолжал свое плавание и благополучно прибыл в Батавию, на острове Яве. Здесь Кук произвел основательный ремонт своего корабля и 27 декабря вышел снова в море, в Англию. Во время стоянки в Батавии Кук, Банкс, Соландер и несколько матросов опасно заболели. Многие, в том числе доктор Монкгауз, умерли. Во время плавания Кука по Индийскому океану состояние здоровья экипажа еще более ухудшилось. На пути к мысу Доброй Надежды умерло еще 23 человека, в том числе и астроном Грин.

После остановки в Капштадте и на острове Св. Елены, Кук 11 июня 1772 года прибыл в Лондонский порт после 4-летнего плавания. Таково было первое путешествие Кука, в котором он подвергался стольким опасностям, открыл так много неведомых стран и столько раз доказал, что обладает сильной волей и хладнокровием, что сразу же был признан выдающимся мореплаванием и исследованием.

XI.

Второе кругосветное плавание Кука.— Поиски Южного материка.— Открытие Куком Новой Каледонии и Южной Георгии.

Первое плавание капитана Кука, несмотря на важные научные результаты, тем не менее не разрешило главной задачи, которую ставил себе Кук: выяснить вопрос о существовании Южного материка. Вера в существование этого предполагаемого материка разделялась, как мы видели выше, большинством ученых XVIII столетия. «Если около север-

ного полюса расположены такие огромные материки, как Азия с Европой и Северная Америка,—рассуждали ученые,—то необходимо, чтобы и около южного полюса простирались большие массы суши для равновесия земного шара». Вынужденные признать после первого путешествия Кука, что Новая Зеландия и Австралия не составляли части Южного материка, ученые стали утверждать, что этот материк лежит, вероятно, немного южнее.

Чтобы окончательно выяснить вопрос о существовании Южного материка, английское правительство решило снарядить новую экспедицию, поручив начальство над нею снова капитану Куку. Адмиралтейство снарядило для плавания два новых корабля «Резолюшен» (Решение) и «Адвенчер» (Приключение). Кук был назначен командиром первого корабля, а капитаном второго был назначен Фюрно, состоявший вторым лейтенантом на корабле Валлиса (о путешествии Валлиса говорилось выше). Многие из офицеров и матросов, плававших с Куком на «Эндевере», изъявили желание отправиться вместе с ним вторично в кругосветное плавание.

Оба корабля были снабжены всеми необходимыми припасами на срок в $2^1/_2$ года. Старший лорд адмиралтейства, лорд Сандвич, и капитан Паллизер лично следили за снаряжением кораблей. На каждом из кораблей находились также разобранные и вполне слаженные части небольшого судна в 20 тонн вместимостью, которое могло бы в случае какого-нибудь несчастья в несколько часов быть собрано и спущено на воду. Вместе с Куком в это плавание отправились: художник Вильям Годжес, два естествоиспытателя — Джон Форстер и его сын Георг Форстер и два астронома — Уэльс и Бейлей. Адмиралтейство употребило все зависящие от него средства для обеспечения успеха этой экспедиции, которая доставила громадное количество научных данных, значительно содействовавших успехам естествоведения этнографии, мореходства и географии.

Согласно инструкциям, врученным Куку, он должен был направиться к острову Мадере, откуда плыть к мысу Доброй Надежды. Сделав остановку на несколько дней в Столовой бухте, чтобы дать отдых экипажу, а также, чтобы запастись свежей провизией, Кук должен был взять курс на юг до мыса Обрезания, открытого незадолго перед тем французским мореплавателем Буве под 54° южной широты и приблизительно под 11° 20′ восточной долготы от Гринвичского меридиана. Найдя этот мыс, Кук должен был удостовериться, составляет ли он часть Южного материка, или же он представляет собою остров. Куку было поручено также ознакомиться ближе с жизнью, нравами и обычаями, а также с численностью населения Южного материка и употре-

бить все меры, чтобы вступить с туземцами в дружественные отношения.

В инструкциях было также обозначено, что Кук должен затем направиться для географических изысканий, смотря по тому, как это окажется удобнее — на запад или на восток. стараясь как можно ближе проникнуть к южному полюсу. Кук должен плыть по направлению к полюсу до тех пор, пока это будет позволять состояние кораблей, здоровье экипажа и наличный запас провизии.

13 июля 1772 года Кук с обоими своими судами вышел из Плимута. 29 июля он был уже на Мадере. Взяв там несколько боченков вина и запасшись свежей провизией, маленькая флотилия Кука продолжала свое плавание к мысу Доброй Надежды. Опасаясь, однако, что у него не хватит пресной воды на весь этот переход, Кук зашел 10 августа на остров Сант-Яго (один из островов Зеленого Мыса). 30 декабря корабли Кука прибыли благополучно к мысу Доброй Надежды, и Кук отдал приказ бросить якоря в Столовой бухте.

Во время стоянки в Столовой бухте, естествоиспытатель Джон Форстер познакомился в Капштадте с учеником Карла Линнея, шведским ботаником Спарманом, и, назначив ему большое жалованье из своих средств, пригласил его участвовать в экспедиции. 22 ноября корабли Кука покинули Столовую бухту и направились к югу отыскивать мыс Обрезания. С 29 ноября по 6 декабря флотилия Кука была застигнута сильной бурей, и суда были отброшены этой бурей далеко к востоку от предположенного пути, так что пришлось отказаться от поисков упомянутого мыса. Вследствие непогоды и внезапного перехода от жаркой температуры к чрезвычайному холоду на судах погибли почти все животные, взятые Куком с мыса Доброй Надежды.

10 декабря под 50° 40′ южной широты мореплаватели встретили первые пловучие льды. Погода стояла очень пасмурная: постоянно шел или дождь или снег; туман на море становился с каждым днем все гуще и гуще, и корабль самого Кука едва не столкнулся с одной огромной льдиной. 14 декабря мореплаватели встретили громадное необозримое поле плавающих льдов, преграждавших дальнейший путь на юг. Кук вынужден был переменить курс и держаться около окраин ледяного поля.

На следующий день Джоном Форстером было замечено, что на море существует сильное течение; вместе с астрономом Уэльсом, Форстер отправился в шлюпке измерить скорость этого течения. Но пока они занимались измерением, туман настолько сгустился, что корабль совершенно исчез у них из вида. Оставшись в маленькой лодке среди безбрежного океана, без съест-

ных припасов, ученые очутились в безвыходном положении. Сначала они начали было грести наугад, подавая время от времени сигналы, но их призывы оставались без ответа. Наконец, опасаясь слишком далеко отойти в сторону, они перестали грести. Положение их казалось уже совершенно безнадежным, когда послышался отдаленный звук колокола. Они тотчас же стали грести по направлению, откуда слышался звон. Вскоре в тумане они увидали силуэт корабля, и ученые были спасены.

В XVIII столетии большинство ученых предполагало, что пловучие льды на море образуются первоначально в заливах или же близ устьев рек, а потом уже оттуда уносятся в море. Вследствие такого мнения, Кук и его спутники, видя перед собою массу плавающих льдов, считали, что где-нибудь недалеко находится материк. Пройдя около 30 миль к западу вдоль окраины ледяного поля, Кук не нашел в нем, однако, никакого прохода, через который можно было бы проникнуть далее к югу. Вследствие этого Кук решился повернуть на восток и, если не встретится в этом направлении земли, обогнуть ледяное поле с восточной стороны. Кук рассчитывал затем проникнуть как можно ближе к южному полюсу и, таким образом, окончательно выяснить спорный вопрос о существовании Южного материка.

В это время в южном полушарии стояло лето, но, несмотря на это, холода становились с каждым днем все сильнее и сильнее. Под влиянием сырой и холодной погоды среди экипажа начались заболевания. 29 декабря Кук убедился, что позади ледяного поля нет никакой суши. Он решился тогда плыть к востоку до самого меридиана мыса Обрезания, если только на пути не встретится какого-либо непреодолимого препятствия.

Между тем буря на океане усилилась до того, что плавание среди ледяных гор, с ужасным грохотом сталкивавшихся друг с другом, становилось чрезвычайно опасным. Опасность эта еще более увеличилась, когда на севере появилось также ледяное поле. Таким образом корабли Кука могли быть окружены льдами со всех сторон и, в конце концов, им грозила гибель среди ледяных пустынь океана.

Кук, однако, не пытался уклониться от этой опасности. Он держал курс все время на восток, а затем повернул снова на юг, чтобы отыскать мыс Обрезания. Не найдя этого мыса, Кук продолжал плыть к югу. Достигнув 67° 15′ южной широты, Кук встретил снова большое ледяное поле, которое нельзя было обойти ни с востока ни с запада. Поэтому он вынужден был повернуть назад.

8 февраля 1773 года Кук потерял из виду свой второй корабль «Адвенчер». В течение двух дней Кук тщетно поджидал это судно, подавая сигналы частыми пушечными выстрелами

и зажигая ночью на палубе большой огонь. «Резолюшен» должен был продолжать плавание один. Утром, 17 февраля, между полуночью и тремя часами утра экипаж «Резолюшена» был свидетелем величественного явления, до тех пор еще не виданного ни одним европейцем. Это было южное полярное сияние. Кук описывает это явление в своем путевом журнале следующим образом: «Офицер, бывший в это время на вахте, заметил, что из светящегося пространства на небе от времени до времени исходят лучи света, изгибающиеся спиралью. Сила света при этом то увеличивалась, то уменьшалась. Снопы света расходились по ночному небу во все стороны».

После новой попытки пройти за южный полярный круг, не удавшейся вследствие густых туманов, дождя и громадных плавающих ледяных гор, Кук снова повернул к северу в полном убеждении, что на осмотренном им пространстве Южного океана нет никакой сколько-нибудь обширной земли. Он взял курс к Новой Зеландии, куда было предписано явиться также и «Адвенчеру», в том случае, если он потеряет из виду «Резолюшен».

25 марта Кук бросил якорь в Мрачной бухте. Это была первая стоянка после 107-дневного плавания, в течение которого пройдено было не менее 3660 миль, при чем за все это время экипаж «Резолюшена» не видел земли даже вдали. Из Мрачной бухты Кук перебрался к проливу королевы Шарлотты, где по инструкции «Резолюшену» или «Адвенчеру» было назначено ждать друг друга. Действительно, когда Кук прибыл в пролив Шарлотты, 18 мая он увидал корабль капитана Фюрно, ожидавший Кука уже целых 6 недель.

Достигнув 1 марта Ван-Дименовой земли, капитан Фюрно 9 апреля прибыл в пролив королевы Шарлотты на Новой Зеландии. Капитан Кук простоял на Новой Зеландии несколько недель, дав отдохнуть утомленному экипажу.

Во время этой стоянки Кук завязал мирные сношения с новозеландцами, которые приходили на корабли и приносили англичанам съестные припасы и фрукты.

Когда экипаж «Резолюшена» достаточно оправился, Кук приготовился к дальнейшему плаванию. Он сообщил капитану Фюрно свои инструкции. Кук хотел плыть на юг, чтобы исследовать океан между 41° и 46° южной широты на протяжении от Новой Зеландии до 140° западной долготы. Если в этих областях не удастся открыть новые земли, то оба корабля должны были итти к Таити.

Проплавав по океану целых 3 месяца, Кук не встретил в этих широтах южного материка, и 26 августа оба корабля Кука пришли в Матавайскую бухту на острове Таити.

Из Таити Кук направился, как и в первый раз, к островам Товарищества. На острове Гуагейне он посетил местного властителя Орэ, у которого был в 1769 году. Орэ узнал Кука, заплакал от радости и бросился ему на шею. Кук привез Орэ богатые подарки. С Гуагейне отправился с Куком в плавание один молодой туземец Оман. Этот туземец, прожив 2 года в Англии, вернулся затем благополучно на родину.

Посетив острова Товарищества, Кук взял курс на запад и открыл остров, называвшийся туземцами Эоа. Туземцы этого острова приняли англичан очень радушно. Местный властитель, Таи-Оне, сразу явился на корабль и, подойдя к капитану Куку, дотронулся до его носа корнем перечного дерева, а затем, не говоря ни слова, уселся рядом с ним. Заключенный таким образом дружественный союз стал еще более прочным, когда Кук подарил Таи-Онѐ несколько предметов. Таи-Оне пригласил англичан к себе в резиденцию и устроил им угощение. Между прочим, Таи-Оне угостил мореплавателей особым напитком, приготовляемым из корня перцового дерева. Напиток этот, называющийся кава, в большом употреблении на всех полинезийских островах.

Кава приготовляется следующим образом: разрезав корни перцевого дерева на мелкие куски, полинезийцы долго разжевывают их во рту, затем разжеванные куски выплевывают в большую посудину и заливают их водой. Когда вода достаточно настоится — кава считается готовой. Все англичане, видевшие способ приготовления напитка, отклонили от себя честь попробовать каву, только один Кук решился выпить свою долю.

Отсюда он направился к Амстердамскому острову (у туземцев Тонга-Табу), где он рассчитывал найти в изобилии свежую провизию. Туземцы острова Тонга-Табу с удовольствием обменивали фрукты, провизию и свои ткани на гвозди, бусы и другие невиданные ими предметы. Кук назвал остров Тонга-Табу и другие соседние острова островами Дружбы.

Покинув 7 сентября остров Тонга-Табу Кук направился к Новой Зеландии, куда и прибыл благополучно 21 сентября. Решившись еще раз исследовать южные моря, Кук отплыл из Новой Зеландии 26 ноября. Во время одной бури корабли Кука разлучились: «Андвенчер» пропал из виду и вернулся один в Англию. 12 декабря Кук встретил первые плавающие льды. Бывший с Куком таитянин Эдиди чрезвычайно удивлялся снегу, который он называл белым дождем, но его изумлению не было границ, когда он увидел впервые льдины на море. «Молодой таитянин, — пишет Кук,— был также поражен, что в тех широтах, где мы плавали, почти не было ночи (в это время в южном полушарии стояло лето). Эдиди с трудом верил своим глазам

и говорил, что его соотечественники назовут его лгуном, когда он станет рассказывать им про окаменелый дождь и бессменный день».

Пробравшись сквозь плавающие льды до 76° южн. широты, Кук убедился, что если близ полюса и существует какой-либо материк, то вечные льды делают к нему доступ почти невозможным. Вследствие обилия плавающих льдов, Кук вынужден был вернуться обратно и 11 марта прибыл на остров Пасхи, открытый голландским мореплавателем Роггевеном. Недостаток в пресной воде помешал, однако, Куку пробыть более продолжительное время на этом острове и ознакомиться более подробно с его природой и жителями.

От острова Пасхи Кук решил итти к Маркизским островам, открытыя Менданой в 1595 году, но с тех пор не посещавшихся европейцами. В это время почти весь экипаж «Резолюшена» был болен, и сам Кук страдал воспалением печени. 7 апреля 1774 года на горизонте, наконец, показались Маркизские острова. Кук пристал к одному острову, который туземцы называли Таовати.

Покинув 12 апреля Маркизские острова, Кук направился к Таити и пять дней спустя достиг архипелага Помоту. 22 апреля «Резолюшен» бросил якорь в Матавайской бухте, где таитяне встретили мореплавателей очень радушно. Властитель Таити, О-Ту, немедленно явился на корабль к Куку и привез ему в подарок 10 свиней и большое количество фруктов. В половине мая Кук простился с своими друзьями таитянами и направился к островам Дружбы. Здесь он увиделся с престарелым властителем острова Гуагейне, Орэ, который прибыл к Куку на корабль и тоже привез много провизии в подарок. Прощаясь с Орэ, Кук сказал, что, вероятно, им больше не придется увидеться; в ответ на это старый дикарь заплакал и ответил: «Пришлите сюда ваших детей; мы будем им душевно рады».

Продолжая итти к западу, Кук исследовал остров Прокаженных, а также острова—Авроры, Пятидесятницы и Малликоло, открытые Бугенвиллем и названные им Большими Цикладскими. В средине июля Кук открыл новую группу островов, которые он назвал «Ново-Гебридскими островами» (просто «Гебридские острова» находятся у берегов Шотландии). 1 августа на корабле вспыхнул пожар, и судно едва не сделалось жертвою пламени. Пожар, однако, удалось потушить. 3 августа Кук открыл новый остров, Коро-Манго. Кук намеревался было пополнить на этом острове запасы воды и провизии, но туземцы ни за что не хотели пускать англичан на свой остров. Когда Кук сошел на берег и стал раздавать дикарям подарки, дикари сделались как будто дружелюбнее. После объяснения Кука, что ему нужна вода

и провизия, старшина острова послал куда-то несколько человек. Через некоторое время посланные вернулись и принесли... три кокосовых ореха и немного воды в сосуде. Старшина предложил орехи и воду Куку. Когда же тот объяснил дикарю, что ему надо много воды и провизии, то все дикари отрицательно закачали головами. Кук и его спутники хотели было налить бочки водою без согласия дикарей, но те решительно преградили дорогу англичанам. Кук не хотел проливать крови и отдал приказ

О-Ту, король острова Таити. (Снимок с гравюры из сочинений Кука.)

вернуться на корабль. Но это отступление дикари сочли за бегство. Они немедленно погнались за моряками, бросились в воду и стали тащить их шлюпки на берег. Англичане вынуждены были сделать несколько выстрелов; четверо дикарей было убито и несколько человек ранено.

От Коро-Манго Кук направился к соседнему острову, который туземцы называли Танна. 5 сентября Куку удалось открыть новый остров, до того времени бывший совершенно неизвестным. Это был остров Новой Каледонии. Едва был брошен якорь,

как «Резолюшен» был окружен лодками туземцев. Туземцы Новой Каледонии оказались очень доверчивыми и тотчас же вступили с англичанами в торговый обмен. Некоторые из дикарей взобрались на корабль и с большим интересом осмотрели все вещи на нем. Более всего поразили их козы, свиньи, собаки и кошки. Эти животные были совершенно неизвестны на Новой Каледонии.

Когда Кук съехал на берег, туземцы встретили его с изъявлениями радости и удивления, так как они в первый раз видели белых людей. Кук одарил туземцев различными безделушками. Все туземцы ходили совершенно голыми; единственной их одеждой служила веревка, которой они подпоясывались вместо пояса; у некоторых дикарей обрывок веревки был надет и вокруг шеи.

13 сентября Кук отплыл от берегов Новой Каледонии. Недалеко от южной оконечности острова он открыл другой небольшой остров, который он назвал Сосновым островом, потому что на нем рос прекрасный сосновый лес. Вследствие того, что на «Резолюшене» почти не было запасных мачт, рей и стеньг, Кук решил сделать на этом острове остановку, чтобы срубить и обделать несколько запасных мачт.

Следуя далее к югу, по направлению к Новой Зеландии, Кук встретил 10 октября необитаемый остров, на котором Форстер собрал множество неизвестных растений. Остров этот был назван Куком Норфольком.

18 октября Кук прибыл на Новую Зеландию, в пролив королевы Шарлотты. Огороды, о разведении которых так заботились англичане в свой первый приезд, оказались все разоренными, но многие из посеянных там растений превосходно принялись.

Выше мы уже говорили, что Кук после стоянки в проливе королевы Шарлотты потерял второй свой корабль, «Адвенчер», из виду и не имел потом о нем никаких сведений. То, что он узнал из сбивчивых речей туземцев, заставило его еще более опасаться за участь этого корабля. Но, несмотря на все свои старания, Кук не мог выведать ничего положительного об участи «Адвенчера». Лишь по прибытии на мыс Доброй Надежды, где его ожидали письма от капитана Фюрно, Куку удалось узнать, что именно случилось с «Адвенчером».

Капитан Фюрно писал Куку, что прибитый бурей к берегам Новой Зеландии, он вынужден был вернуться 13 ноября 1773 года в пролив королевы Шарлотты. Здесь он послал на берег шлюпку с десятью матросами, под командой лейтенанта Роу, для собирания растений, годных для еды. Так как шлюпка эта долго не возвращалась, то на следующий день капитан Фюрно

послал на берег вторую шлюпку. После долгих поисков на берегу, матросы нашли на песке обломки шлюпки и несколько башмаков, один из которых оказался принадлежавшим лейтенанту Роу. В то же время одним из матросов был найден кусок еще свежего сырого мяса. «Еще далее,—писал капитан Фюрно,— на берегу было найдено до двадцати корзин, плотно увязанных веревками. Развязав эти корзины, мы увидели в некоторых из них жареное мясо, а в других—корни папоротника, употребляемые туземцами в пищу вместо хлеба. Продолжая поиски, мы нашли еще несколько башмаков и руку, в которой, по вырезанным на коже буквам «Т. Г.», признали руку Томаса Гилля.

Офицер, командовавший шлюпкой, заметил в отдалении 4 лодки и множество туземцев, сидевших вокруг большого костра. Приблизившись в шлюпке к месту собрания, англичане дали залп, обративший в бегство всех дикарей за исключением двоих, которые медленно и хладнокровно пошли по направлению к лесу. Один из них был тяжело ранен пущенным вслед ему выстрелом. Команда вооруженных матросов двинулась тогда на берег по направлению к костру.

Вскоре матросам нам представилось ужасное зрелище: на песке были разбросаны головы, внутренности и другие части тела их товарищей».

В первую минуту, охваченные гневом матросы хотели было погнаться за дикарями и учинить над ними расправу, но матросов было всего 10 человек, дикарей же несколько сотен; кроме того, пошел небольшой дождь, который мог замочить ружейные кремни и тогда ружья не стали бы стрелять. При таких обстоятельствах благоразумие требовало вернуться на корабль. Капитан Фюрно не решился после этого случая дожидаться Кука в Новой Зеландии, а 23 ноября 1773 года отправился прямо в Англию. Обогнув мыс Горн, «Адвенчер» 14 июля 1774 г. прибыл благополучно на родину.

Капитан Кук на своем «Резолюшене» направился из Новой Зеландии к юго-востоку, чтобы исследовать еще не осмотренную им область Южного моря. Кук вскоре достиг острова Южной Георгии, открытого еще в 1675 году Ларошем. «Вид этого острова,—писал Кук,—представлял дикую и непривлекательную картину. Всюду высились горы, вершины которых исчезали в облаках. Лежавшие между ними долины были окутаны покровом вечных снегов. Нигде не было ни кустика, ни дерева»...

После кратковременной стоянки у берегов Георгии Кук продолжал свой путь на юго-восток. Трудности опасного плавания среди плавающих ледяных гор, которые каждую минуту

могли раздавить корабль, сильно утомили весь экипаж, и матросы настаивали на том, чтобы вернуться обратно. В это плавание Кук последовательно открыл, после Южной Георгии, острова Южный Тулэ, остров Сандерса, архипелаг Чанделера и, наконец, землю Сандвича.

22 марта 1775 года Кук прибыл в Столовую бухту, где и узнал о судьбе «Адвенчера». В Столовой бухте Кук простоял целых 2 месяца, так как весь экипаж нуждался в отдыхе и корабль требовал большого ремонта. Только 27 мая 1775 г. Кук вышел из Столовой бухты и, после небольших остановок на островах св. Елены, Вознесения, Фернандо-де-Коронья и на Азорских островах, 29 июля 1775 года вернулся в Плимут. В течение всего этого путешествия, продолжавшегося 3 года и 18 дней, экипаж «Резолюшена» потерял всего 4 человека.

Ни одно путешествие из совершавшихся до того времени не доставляло таких ценных сведений для географической науки. Исследования и открытия капитана Кука выяснили много вопросов, оставшихся до того совершенно темными. Отсутствие огромного южного материка было окончательно доказано. Кроме того, бывшие с Куком естествоиспытатели исследовали и описали множество неизвестных до того времени растений и животных. Европейцы узнали о существовании многих новых народов, об их быте и нравах.

XII.

Третье путешествие Кука.—Открытие Гавайских или Сандвичевых островов.—Плавание Кука в Северном Ледовитом океане.—Смерть Кука.—Научное значение путешествий Кука.

Блестяще выполнив данное ему поручение, Кук был встречен в Англии с большим почетом, и английское адмиралтейство решило возложить на него разрешение новой задачи. Оно хотело узнать на этот раз, существует ли на севере пролив между Азией и Америкой. Вместе с тем предполагалось исследовать северную часть Великого океана.

Получив предложение стать во главе новой заокеанской экспедиции, капитан Кук, не колеблясь ни минуты, принял его и стал готовиться к отплытию. В распоряжение Кука было предоставлено два корабля: снова «Резолюшен», на котором только что вернулся Кук, и другой корабль, «Дисковери» (Открытие). Суда эти были снаряжены так же, как и для предшествовавшего кругосветного плавания. «Дисковери» состоял под командой капитана Клерка.

Капитану Куку предписано было итти сначала к мысу Доброй Надежды, а затем, проникнув далее к югу, отыскать острова, недавно открытые французскими мореплавателями под 48° южной широты. Оттуда он должен был зайти на Новую Зеландию, потом отвезти таитянина Маи на острова Товарищества. Отсюда Кук должен был проникнуть в Северный Ледовитый океан, обогнуть Северную Америку и через Гудсонов или Баффинов залив снова попасть в Атлантический океан. Если это будет невозможно сделать, то, остановившись на Камчатке, чтобы дать отдых экипажу, Кук должен был вернуться в Англию тем путем, какой он признает наиболее полезным в интересах географии и мореплавания.

12 июля 1776 года Кук вышел из Плимута, а 17 октября уже прибыл в Столовую бухту на мысе Доброй Надежды, где простоял до 30 ноября. Покинув мыс Доброй Надежды, английские суда шли 20 дней к юго-востоку и встретили под 46° 53' южной широты 2 острова. Это были острова, открытые в 1772 году французскими мореплавателями Марионом Дюфреном и Крозе. 24 декабря Кук увидел острова, открытые в 1772 и 1773 годах Кергеленом.

10 февраля экспедиция достигла берегов Новой Зеландии, бухты пролива королевы Шарлотты. Тотчас же по прибытии на Новую Зеландию корабли Кука были окружены туземными лодками, но новозеландцы боялись взойти на корабли. Они были убеждены, что белые люди вернулись на их остров, чтобы отомстить за смерть своих соотечественников. Убедившись, что у Кука не было такого намерения, новозеландцы стали относиться к англичанам с полным доверием. При помощи таитянина Маи, понимавшего по-новозеландски, Куку удалось узнать причину катастрофы, постигшей лейтенанта Роу и его спутников.

Оказалось, что в то время, когда матросы ужинали, сидя на траве в некотором расстоянии от берега, один из новозеландцев украл из шлюпки какую-то вещь. Негр капитана Фюрно, сторожививший шлюпку, ударил за это вора палкой. Новозеландец начал кричать. Тогда его соотечественники бросились ему на помощь, и между ними и англичанами завязалась борьба. Англичане, подавленные численностью новозеландцев, были все перерезаны и перебиты. Таким образом выяснилось, что нападение это не было со стороны новозеландцев предумышленным. Впоследствии сами новозеландцы указали Куку вожака, который руководил избиением англичан, и предлагали казнить его. Но Кук не согласился на это, к великому удивлению как самих новозеландцев, так и таитянина Маи, который воскликнул: «В Англии вешают человека, если он убьет хоть одного человека, а Кагура убил десять человек, и ты не хочешь ему отомстить!»

Пробыв на Новой Зеландии больше месяца, Кук отправился на Таити. 29 марта он открыл новый остров, называвшийся у туземцев Манжеа. Плывя далее по направлению к острову Таити, Кук открыл 5 апреля остров, названный им островом Гарвея, в честь знаменитого в то время английского ученого, который первый открыл и доказал, что в человеческом организме совершается кровообращение.

6 мая Кук прибыл на острова Дружбы, где пробыл до 17 июля, а 8 августа английские корабли, выдержав бурю, причинившую «Дисковери» довольно значительные повреждения, достигли острова, который туземцы называли Табуаи. Не имея надобности в свежей провизии, Кук не хотел здесь останавливаться; остров показался ему, однако, очень плодородным. Туземцы этого острова, подплыв к кораблям на лодках, приглашали англичан сойти на берег. Островитяне говорили на таитянском наречии, и таитянин Маи легко с ними объяснялся.

Несколько дней спустя на горизонте показались зеленеющие вершины Таити. Оба корабля Кука вскоре стали на якорь близ полуострова Таирабу, где Маи был встречен своими соотечественниками. Однако многие таитяне забыли уже Маи, и муж его сестры, местный старшина Ути, с трудом согласился его признать. Отношение к Маи, впрочем, совершенно изменилось, когда Маи показал привезенные с собою богатства, а в особенности красные перья. Отсюда Кук направился в свою прежнюю стоянку, в Матавайскую бухту; старый приятель Кука, вождь О-Ту, тотчас же прибыл из своей резиденции Парре на корабль, чтобы увидать Кука. На другой день О-Ту устроил жертвенное приношение из нескольких свиней верховному божеству в благодарность за благополучное прибытие англичан.

Кук пробыл на Таити более месяца. Покинув Таити, Кук сделал следующую остановку у берегов острова Эймео. Отсюда он направился к острову Гуагейне, где Маи намеревался поселиться на жительство. Прибыв на Гуагейне, Кук купил для Маи обширный участок земли и построил дом, при котором разбили сад и огород, где были посажены европейские плодовые деревья и овощи. Оставив Маи две лошади, несколько кур, гусей и уток, Кук подарил ему кольчугу, несколько ружей и пистолетов с большим количеством пороху и пуль. Торжественно заявив туземцам острова Гуагейне, что Маи его друг, и что всякий, кто осмелится его оскорбить, будет строго наказан, Кук простился с Маи и отплыл на остров Райятеа.

Капитан Кук, прибыв на остров Райятеа, узнал, что его старый приятель, властитель этого острова, Орэ, лишен царского сана. После непродолжительной стоянки на этом острове, Кук

посетил 8 декабря остров Балаболу, где купил у местного вождя Пуни якорь, потерянный Бугенвиллем на этом острове.

В течение продолжительного пребывания на Островах Товарищества, Кук дополнил свои прежние географические, гидрографические, этнографические и естественно-исторические заметки об этих островах новыми исследованиями. 24 декабря он открыл новый остров, на котором найдено было множество черепах. Так как этот остров был открыт накануне праздника Рождества, то Кук назвал его островом Рождества. От этого острова он поплыл далее на север.

Прошло уже семнадцать месяцев со времени отплытия капитана Кука из Англии, но он не считал еще свое путешествие начавшимся. Действительно, он до сих пор плавал среди известных ему областей и не приступал к выполнению главной своей задачи: исследованию северной части Великого океана и открытию морского пути из Великого океана в Атлантический мимо берегов Северной Америки. Оставив остров Рождества и направившись на север, Кук уже вступал в новые, неизвестные ему области Великого океана. Плавание по этим областям ознаменовалось столь же важными результатами, как и плавание в южной части Тихого океана.

Почти целый месяц плыл Кук от островов Товарищества на север, не встретив на своем пути ни одного островка. Только 18 января 1778 года с английских кораблей были замечены на горизонте несколько островов. Когда суда подошли ближе к островам, то мореплаватели увидали на берегу толпы туземцев. Вскоре к кораблям подъехало несколько челноков, и туземцы взобрались на палубу кораблей. К великому изумлению Кука, туземцы говорили на языке, совершенно похожем на язык жителей острова Таити. Вследствие этого ему не представилось затруднения войти с дикарями в дружественные сношения. Кук узнал, что они зовут свои острова именем Гаваи, но Кук дал этой островной группе название «Сандвичевых островов», в честь первого лорда адмиралтейства, Сандвича.

Гавайцы крайне удивлялись всему, что они видели на кораблях, и поэтому Кук вывел из этого заключение, что на Гавайских островах до того времени не было ни одного европейского мореплавателя. Из разговоров с гавайцами выяснилось, что им было уже известно железо, которое они называли «гамаите».

Как только «Резолюшен» и «Дисковери» стали на якорь в бухте Уэ-Меа, Кук поспешил съехать на берег. Собравшаяся там многочисленная толпа туземцев пала перед Куком на землю и встретила его знаками глубокого почтения. Судя по этой встрече, можно было ожидать, что стоянка здесь не будет сопровождаться

какими-либо столкновениями. Действительно, туземцы доставили мореплавателям большое количество различных фруктов, съедобных кореньев и свиней. Многие гавайцы приходили помогать матросам наливать бочки пресной водой и грузить их обратно на шлюпки.

Ввиду таких дружественных отношений, установившихся с островитянами, естествоиспытатели Андерсон и рисовальщик Вебер решились совершить экскурсию внутрь страны. Они беспрепятственно ходили по острову и, между прочим, встретили в одном месте «моран», где погребали гавайцы своих вождей, совершенно сходный с «моран», виденными ими на Таити. Находка эта еще более убедила англичан в родственном происхождении таитян и гавайцев. Гавайцы были среднего роста, но сильны и хорошо сложены. По словам Андерсона, они имели очень веселый характер, но все же не были так ветрены и легкомысленны, как таитяне. Вообще гавайцы показались Андерсону довольно умным и трудолюбивым народом. Плантации гавайцев свидетельствовали об основательных знаниях их в области земледелия.

Гавайские острова показались мореплавателям очень населенными. По приблизительным расчетам, население одного острова Гаваи достигало тридцати тысяч человек. Одежда, пища, способ приготовления ее и вообще вся жизнь гавайцев напоминали нравы и обычаи острова Таити. Англичане очень удивлялись этой тождественности нравов и обычаев у островитян, живущих друг от друга на таком огромном расстоянии.

За время своего пребывания на Гавайских островах, Кук не имел случая видеться с туземными вождями, но командир «Дисковери», капитан Клерк, был посещен одним из них. Вождь этот был еще молодой человек, недурной наружности, задрапированный с ног до головы в дорогие туземные ткани. Гавайцы, видя его, падали ниц. Клерк подарил этому вождю несколько безделушек и получил от него, в свою очередь, сосуд для приготовления «кавы», которую гавайцы любят в такой же степени, как и туземцы с островов Дружбы. Сосуд этот был украшен двумя довольно искусно вырезанными фигурами.

Оставив Гавайские острова, Кук продолжал свое плавание на север, но в течение целых трех недель не встретил ни одного нового острова. Только 27 февраля было замечено на море значительное количество водорослей, о которых упоминается в путевом журнале лорда Ансона, совершавшего плавание в этой области Великого океана в 1740 г. 1 марта английские корабли направились к востоку, чтобы ближе подойти к американскому материку и, пять дней спустя, находились уже в виду земли, которую Фрэнсис Дрек назвал Новым Альбионом.

Вследствие неблагоприятной погоды, Кук вынужден был держаться в некотором отдалении от берега, опасаясь наскочить на прибрежные подводные камни. Вскоре им была открыта под 49° 15' северной широты бухта, названная им бухтой Надежды. Он решил сделать остановку в этой бухте, чтобы дать отдых своему экипажу и запастись пресной водой. Побережье это оказалось населенным; как только английские суда вошли в бухту, к ним подъехали три туземных лодки.

«Один из дикарей, бывших в лодках,—пишет Кук в своем путевом журнале,—встал и произнес длинную речь, сопровождавшуюся телодвижениями и мимикой, которые можно было, повидимому, истолковать в смысле приглашения съехать на берег. В заключение он бросил в нас горсть перьев, а многие из его товарищей бросали пригоршнями какую-то пыль или красный порошок. Дикарь, который говорил речь, был одет в звериную шкуру и держал в руке погремушки, вырезанные из дерева. Во время своей длинной речи, из которой мы, конечно, не поняли ни единого слова, он часто встряхивал этими погремушками. Выбившись, наконец, из сил, индеец уселся в лодку, чтобы отдохнуть. Два других дикаря заступили его место; но их речи были не так продолжительны, и говорили они с меньшим жаром. Лица у многих туземцев были раскрашены каким-то необычайным образом. Голова их была убрана птичьими перьями. Несмотря на наше приглашение, никто из них не решился подняться на палубу».

Когда корабли бросили якорь, Кук отдал приказ немедленно приступить к необходимому ремонту. Вскоре между англичанами и индейцами установилась меновая торговля, при чем индейцы при обмене выказывали замечательную честность и добросовестность. Индейцы предлагали англичанам преимущественно медвежьи, волчьи, лисьи, оленьи и куньи меха. Но, поступая честно при обмене, индейцы, тем не менее, оказались такими же ворами, как и другие дикари.

Кук простоял в бухте Надежды до 26 апреля 1778 года. Но едва он покинул эту бухту, как его корабли были захвачены бурей, во время которой на «Резолюшене» появилась сильная течь. Продолжая плыть к северу вдоль северо-американского побережья, Кук наносил на карту все наиболее замечательные его пункты. Ему приходилось при этом неоднократно вступать в сношения с индейцами. Он вскоре заметил, что у индейцев лодки и байдары были сделаны не из дерева, а из тюленьих шкур; из дерева были лишь один киль и ребра.

После кратковременной стоянки в одной бухте, которую Кук назвал бухтой принца Вильгельма, Кук продолжал свое плавание на север.

Открыв Королевский остров и мыс Принца Уэльского, самую западную оконечность американского материка, Кук подошел к азиатскому берегу, где вступил в сношение с чукчами. Наконец, 11 августа 1778 года он вошел в пролив, названный им проливом Беринга.

17 августа 1778 года корабли Кука находились под 70° 41' северной широты. В течение целого месяца Кук плыл вдоль окраины ледяного поля, надеясь встретить какой-либо канал, по которому можно было бы подняться на север. Однако пролива не было. Всюду кругом было лишь одно необозримое ледяное поле, на котором лед был прозрачный и чистый.

Убедившись в бесполезности дальнейших попыток обогнуть ледяное поле и пройти далее к северу, Кук вынужден был вернуться обратно. Время года стояло позднее, и на море все более и более скоплялись льды, так что кораблям стала грозить опасность быть затертыми или раздавленными ледяными горами. Вследствие этого Кук решился перезимовать где-нибудь в более теплом климате, а на следующее лето вернуться снова в Берингов пролив. Дойдя обратным путем вдоль американского побережья до острова Уналашки, Кук направился оттуда 26 октября прямо к Сандвичевым островам, где он намеревался провести зиму.

Ровно через тридцать дней беспрерывного плавания по океану, Кук заметил перед собою остров, называвшийся туземцами Мовеэ; это был первый остров из группы Сандвичевых островов. Туземцы этого острова продали мореплавателям значительное количество плодов хлебного дерева, «пататов», корней таро», «эдди» и других фруктов и съедобных корней в обмен на гвозди и разные безделушки. Вскоре Кук прибыл на Гаваи.

Здесь Кук встретил снова радушный прием. 17 января 1779 года «Резолюшен» и «Дисковери» бросили якорь в бухте, называвшейся туземцами Каракакуа. Оба корабля были тотчас же окружены гавайскими лодками. На берегу также собралась огромная толпа туземцев. Вскоре на корабль Кука прибыл один из туземных вождей, молодой человек, по имени Парэа.

Через несколько дней Парэа и другой гавайский вождь Канеэна привезли на корабль Кука верховного жреца Коа. Это был худой, костлявый старик, весь покрытый какою-то белой сыпью, происходящей от чрезмерного употребления кавы. Жрец Коа, взглянув на Кука, тотчас же накинул Куку на плечи нечто в роде красного плаща, произнес при этом какую-то длинную речь и преподнес затем Куку маленького поросенка. Впоследствии выяснилось, что верховный жрец признал Кука за божество и обратился к нему с молитвой, а поросенка принес ему в жертву.

Затем жрец просил Кука сойти на берег, где стоял народ. Кук, уверившись в дружелюбии гавайцев, исполнил эту просьбу

и сошел на берег. Там его встретили четыре гавайца с жезлами; они пошли впереди Кука и все время громкими голосами выкликали какие-то непонятные слова. Все туземцы почтительно расступались перед Куком и скрывались поспешно в хижины; кто же не успевал сделать этого, тот падал ниц на землю. Верховный жрец Коа повел Кука по тропинке в гору к большому «мораи», окруженному частоколом, на котором торчало много человеческих черепов; это были черепа принесенных в жертву богам людей. В «мораи» находилось много деревянных идолов с ужасными, отвратительными лицами. Некоторые из этих идолов, вероятно, наиболее почитаемые, были покрыты плащами из красной ткани. Кроме идолов, в мораи был еще высокий помост. Жрец Коа знаками попросил Кука взойти на помост; затем жрец покрыл Кука красным плащом, а другие присутствовавшие жрецы пели в это время хором священные гимны. Когда Кук спустился с помоста, жрец Коа взял его за руку и посадил его между двумя идолами. Немедленно после этого в мораи вошла процессия гавайцев, принесшая Куку в жертву вторую свинью, плоды хлебного дерева и кокосовые орехи; во время жертвоприношения гавайцы все время пели, при чем в их пении часто слышалось слово О-Роно.

После этого жрецы и гавайцы уселись кругом Кука. Коа и Парэа раскрошили мясо жертвенного поросенка на мелкие куски и стали класть эти куски в рот Куку и его спутникам. Кук чувствовал себя очень скверно и у него сделался припадок рвоты, когда верховный жрец Коа вздумал, в знак особого почтения, угощать Кука разжеванным мясом. После угощения глашатаи с жезлами отвели Кука на берег, и опять все гавайцы кланялись Куку до земли, называя его О-Роно. Во все время стоянки Кука на Гаваи, каждый раз, когда он съезжал на берег, ему оказывались подобные же почести. Один из жрецов шел всегда впереди капитана, громогласно возглашая, что за ним следует О-Роно, и народ падал ниц.

Впоследствии это таинственное почитание Кука объяснилось. Оказывается у гавайцев существовало древнее предание о том, что будто в Гаваи жил некогда бог О-Роно, который убил в порыве ревности свою жену. Убедившись затем в ее невинности, О-Роно помешался от горя и стал бродить по всему острову, убивая всякого, кто ему попадался на дороге. Затем он уехал с Гаваи, обещав, что со временем он вернется в Гаваи на пловучем острове, на котором будут кокосовые деревья, собаки и свиньи. Предание это передавалось в песнях из рода в род, и О-Роно сделался одним из главных богов гавайцев. Уверенные в том, что обещание О-Роно рано или поздно сбудется, гавайские жрецы ежегодно ждали прибытия этого божества на пловучем острове.

Когда английские корабли стали на якорь в бухте Каракакуа, верховный жрец Коа и сын его Онэ-Ла, состоявший специально жрецом О-Роно, заявили гавайцам, что прибывшие корабли суть не что иное, как плавучие острова, на которых О-Роно, во исполнение своего предсказания, вернулся на Гаваи. Заявления этого было достаточно, чтобы все гавайцы признали Кука божеством. Повсюду туземцы падали перед ним на колени, жрецы же обращались к нему с молитвами.

Божеские почести, воздаваемые Куку, были ему неприятны, но он не счел, однако, нужным протестовать против них, думая, что в таком случае англичане могут быть в полной безопасности на острове. Действительно, жрецы скоро объявили берег, где остановились англичане, «табу», т.-е. заповедным, и никто из гавайцев не мог явиться сюда; благодаря этому Кук свободно расставил на берегу астрономические инструменты и устроил палатки для больных. Жрецы ежедневно доставляли англичанам свиней и плоды и оказывали всевозможные услуги.

Но преклонение туземцев перед Куком и его спутниками вызвало недовольство среди касты воинов, так как почитание Кук подрывало значение военного сословия и увеличивало в народе влияние жрецов. Вследствие этого среди многих вождей гавайцев появилось сомнение, действительно ли бледнолицый человек есть бог О-Роно. Чтобы удостовериться в этом, главный вождь Гаваи, Тараи-Опу, избегавший до того времени Кука, решил увидеться с ним и переговорить. 26 января Тараи Опу вместе со своей женой и детьми, сопровождаемый жрецами и своими приближенными, явился к Куку. После взаимных приветствий Тараи-Опу, очарованный приемом, набросил на Кука свой собственный плащ; затем он надел на голову капитану шлем из перьев, вручил ему опахало и разложил у его ног несколько красивых плащей. Кук, свою очередь, подарил Тараи-Опу белую полотняную рубашку и опоясал его шпагой.

Тараи-Опу и его спутники старались выведать у Кука, скоро ли их пловучие острова покинут Гаваи. Кук, в свою очередь, осведомился о том, что думают гавайцы о нем и об его спутниках. Ему отвечали на это довольно уклончиво. Насколько можно было заметить, некоторые спутники Тараи-Опу предполагали, что англичане — простые смертные, у которых дома нечего есть, и что они прибыли в Гаваи единственно с целью кормиться бесплатно у них на острове. Худоба и истощенный вид многих матросов Кука и старания Кука запастись свежей провизией еще более заставляли их убедиться в этом.

В конце концов Кук ответил Тараи-Опу, что он скоро покинет Гаваи. За несколько дней до отъезда Кук получил приглашение Тараи-Опу посетить его резиденцию. Кук был принят очень

хорошо, и Тараи-Опу подарил ему большое количество различных фруктов, съедобных корней, материи и целое стадо свиней. 4 февраля «Резолюшен» и «Дисковери» вышли из бухты, но вследствие налетевшего шквала Кук вынужден был через несколько дней снова вернуться в бухту Каракакуа.

Едва корабли стали на якорь, как англичане заметили резкую перемену в общем настроении туземцев. Однако до 13 февраля мир не был нарушен. Но вечером в этот день некоторые из гавайских вождей запретили гавайцам помогать матросам наполнять водою бочки. При этом завязалась ссора. Гавайцы вооружились камнями и палками. Офицер, командовавший отрядом, находившимся на берегу, получил от Кука предписание стрелять, если гавайцы вздумают произвести нападение. Тем временем один из гавайцев, украв в оружейной мастерской на «Дисковери» клещи и долото, бросился в море и поплыл к берегу. За ним в погоню была послана лодка. Видя, что его настигают, гавaец поплыл к одной из байдар. Как только он взобрался в нее, байдара быстро направилась к берегу. Англичане дали по ней несколько ружейных выстрелов, не причинивших туземцам никакого вреда. Парэа, бывший в это время на «Дисковери», узнав о краже, тотчас же поехал на берег, обещая заставить вернуть украденные вещи. Действительно, вскоре принесли не только украденные вещи и долото, но и крышку от ведра, пропажи которой не заметили англичане. Однако боцман с «Дисковери», бывший на берегу, потребовал выдачи ему самого вора, или же дать ему шлюпку, на которой уехал вор. Парэа заявил тогда, что шлюпка эта была его. Несмотря на это, боцман, увидев лодку, стал ее стаскивать в воду. Парэа, бросив свое оружие, схватил боцмана и стал его оттаскивать от лодки. Видя, что боцману не справиться со своим противником, один из матросов ударил Парэа по голове веслом. Гавайцы, бывшие до этого момента только зрителями, вооружились камнями и начали бросать ими в англичан. Однако, благодаря уговорам Парэа, схватка скоро прекратилась, и матросы были отпущены на корабль.

«Боюсь, чтобы гавайцы не заставили меня принять энергичные меры,—сказал Кук, узнав о случившемся.—Нельзя оставить их в убеждении, будто они имели над нами перевес».

В ночь с 13 на 14 февраля с «Дисковери» была украдена шлюпка. Кук решился тогда захватить в виде заложника Тараи-Опу, чтобы заставить возвратить шлюпку. Взяв с собою небольшую команду солдат, Кук высадился на берег и направился к резиденции Тараи-Опу. На пути гавайцы встречали Кука с обычными знаками почтения. Увидев Тараи-Опу и двух его сыновей, Кук сообщил им о краже шлюпки и уговорил их отправиться с ним на корабль.

Тараи-Опу и его сыновья, ничего не подозревая, направились с Куком на берег и уже садились в шлюпку, когда на берег прибежала одна из жен Тараи-Опу и, упав на колени, умоляла его не ездить на корабль. Тем временем вокруг англичан начинали собираться гавайцы. Опасаясь, чтобы солдаты Кука силой не похитили Тараи-Опу, гавайцы стали вооружаться длинными копьями, палками и кинжалами. Кук настоятельно требовал, чтобы Тараи-Опу отправился с ним на корабль. В это время среди гавайцев распространился слух, что на другом конце бухты матросы с «Дисковери» убили одного из гавайских вождей. Возбуждение начинало расти. Кук решился уехать на корабль без Тараи-Опу, так как видел, что его увоз вызовет серьезное кровопролитие.

Кук был уже недалеко от своей шлюпки, когда к нему сзади подкрался гавает, вооруженный кинжалом. Обернувшись во-время, Кук выстрелил в гавайца из ружья, заряженного дробью. Гавает, грудь которого была прикрыта толстой цыновкой, сделался еще более дерзким и замахнулся на Кука своим кинжалом, тогда один из солдат Кука убил его наповал выстрелом из ружья. Видя своего товарища мертвым, несколько гавайцев бросились на Кука. Он успел убить одного из нападавших и направился к шлюпке. Но гавайцы старались перерезать путь к шлюпке и стали бросать в Кука камнями. Видя, что Куку приходится плохо, матросы, бывшие в шлюпках, открыли огонь по гавайцам. Это чрезвычайно рассердило Кука. Он тотчас же скомандовал прекратить огонь и подал знак лодкам подойти как можно ближе к берегу. Одна из шлюпок тотчас же подошла, а другая, не поняв приказания капитана, отошла дальше от берега. Эта ошибка оказалась роковой и стоила капитану Куку жизни.

Прежде чем солдаты успели зарядить свои ружья, гавайцы бросились на них и быстро потеснили их к шлюпке. Четверо солдат были при этом убиты, а лейтенант, командовавший отрядом, был ранен, но, тем не менее, он успел добраться до шлюпки.

На берегу остался только один Кук. Он шел к шлюпке, держа ружье под мышкой и прикрывая правой рукою голову от камней. Он был всего в нескольких шагах от шлюпки, когда один из гавайцев ударил его копьем по затылку, а затем, испугавшись своей дерзости, обратился в бегство. Удар ошеломил Кука; но он быстро пришел в себя и стал подниматься на ноги; тогда к нему подбежал другой гавает и ударил его кинжалом в шею. Кук тогда снова упал на землю; он был уже в воде, но имел настолько еще силы, чтобы подняться. В это время на него набросилось несколько гавайцев, стараясь утопить его. Куку удалось вырваться от них и броситься в воду, но в этот момент один гавает пронзил его ударом копья. Кук упал в воду, и гавайцы

снова набросились на него. Видя, что Кук уже умер, они с криками потащили его труп на берег, продолжая с ожесточением наносить ему удары кинжалами.

Такова была кончина этого великого мореплавателя, несомненно самого знаменитого из всех английских мореплавателей. Обширные сведения Кука, смелость, стойкость и хладнокровие делали его образцовым исследователем.

Видя смерть своего капитана, матросы со шлюпок открыли огонь по убегавшим гавайцам, но было уже поздно. Тотчас же был созван военный совет. Клерк, капитан «Дисковери», принял командование на «Резолюшене»; лейтенант Горэ заменил его на «Дисковери». Клерк тотчас же послал на берег лейтенанта Кинга с вооруженными солдатами требовать выдачи тела Кука под угрозой объявления войны всему острову. Но гавайцы не обращали никакого внимания на угрозы Кинга и вызывающе разъезжали на своих лодках. Ночью вдоль берега горели многочисленные костры, слышались крики и рев толпы. Ночью к «Резолюшену» приблизилась гавайская лодка. Сторожевые матросы открыли огонь, но с лодки раздались мирные голоса. То были голоса двух жрецов, друзей Кука. Они взошли на палубу и со слезами на глазах развернули узел, который они привезли на корабль. В узле были куски тела капитана Кука, доставшиеся при дележе жрецам.

Проливая слезы по погибшем О-Роно, жрецы рассказали, что гавайцы разрезали тело Кука на части и поделили между собою. Жрецы со страхом спрашивали: «Вернется ли О-Роно и что сделает он с ними?» На следующий день лейтенант Кинг снова отправился на берег, требуя выдачи тела Кука. Но гавайцы грозили нападением и говорили, что возьмут оба корабля и перебьют всех англичан. Тогда капитан Клерк уступил просьбам матросов отомстить гавайцам за смерть Кука и позволил учинить расправу. Скоро картечь из пушек рассеяла гавайцев на берегу, после чего матросы высадились на берег и дали полную волю своему гневу. Они безжалостно убивали всех, кто попадался им в руки, сожгли несколько селений и разорили много плантаций.

Видя гибель своих жилищ и плантаций, бежавшие гавайцы запросили мира. С зелеными ветвями в руках они спустились с гор и обещали возвратить тело Кука. Вскоре один из главнейших вождей острова, Каппо, привез части тела Кука. Эти останки были уложены в гроб, который с большими почестями опустили в море.

Похоронив капитана Кука, капитан Клерк покинул 22 февраля Гаваи. Он решил продолжать исследования Кука и направился на север. Он останавливался на некоторое время в Кам-

Смерть капитана Кука на Гавайских островах.

чатке, в Авачинской бухте, где встретил со стороны русских властей самый радушный прием. Затем Клерк прошел через Берингов пролив в Ледовитый океан, но ему удалось проникнуть только до 70° северной широты. Дальнейший путь к северу,

как и в прошлый год, оказался прегражденным льдами. Вследствие этого капитан Клерк вынужден был вернуться обратно.

Зайдя опять на Камчатку, Клерк заболел и умер, его похоронили в русском селении, Петропавловске. Начальство над экспедицией перешло к лейтенанту Горэ. Горэ спустился вдоль восточных берегов Азии, посетил Китай, Индию и, переплыв Индийский океан, вернулся мимо Мыса Доброй Надежды в Англию. К берегам Англии экспедиция прибыла 4 октября 1780 г., следовательно, это третье кругосветное путешествие капитана Кука, которое ему, однако, не пришлось закончить, продолжалось 4 года, 2 месяца и 22 дня.

Смерть капитана Кука произвела в Англии очень тяжелое впечатление. Лондонское Королевское Общество, членом которого состоял Кук, отчеканило в память великого мореплавателя золотую медаль. Английское адмиралтейство ходатайствовало перед королем об обеспечении семьи капитана Кука, и король назначил вдове знаменитого мореплавателя ежегодную пенсию в 150 фунтов стерлингов (около 1.500 рублей). Каждому из трех сыновей капитана Кука была также назначена пенсия в 20 фунтов стерлингов (около 200 рублей) в год. Кроме того, английское правительство издало карты и рисунки к третьему путешествию капитана Кука, при чем вырученная от продажи сумма была распределена следующим образом: половина была уплочена вдове Кука, четвертая часть капитану Кингу, а остальная четверть— наследникам капитана Клерка.

Значение путешествий капитана Кука для развития географической науки было огромно. После плаваний Кука землеведение сделало сразу большой шаг вперед. Действительно, Кук открыл и исследовал сотни островов Великого океана; он разрушил миф о громадном материке Южной земли, открыл Новую Каледонию, Южную Георгию, Сандвичевы острова и проник к южному полюсу далее, чем кто-либо из его предшественников. Наконец, в третье свое путешествие Кук открыл Гавайский архипелаг и нанес на карту более 3.500 миль западного побережья Америки от 43° северной широты до Берингова пролива. Пройдя через этот пролив, Кук проник далеко в Северный Ледовитый океан и плавал там более месяца, пока полярные льды не заставили его вернуться обратно.

Заслуги капитана Кука, как моряка и гидрографа, ставят его в ряды наиболее знаменитых мореплавателей и исследователей, и имя Кука никогда не будет забыто в истории географии. В заключение мы должны указать еще на ту заботливость, с какою он относился к своим матросам. Благодаря этой заботливости, экипаж его корабля находился всегда в возможно

лучших гигиенических условиях, вследствие чего, несмотря на всю трудность его плавания, смертность в экспедициях Кука была очень небольшая. Кук, сам прошедший все стадии морской службы, начиная с юнги, в совершенстве знал все нужды матросов и умел заставить их полюбить себя.

XIII.

Французские мореплаватели-исследователи: Буве де-Лозье.—Сюрвиль.—Марион Дюфрен.—Кергелен.—Флерье.—Верден де-ля-Крень.

Капитан Кук не был единственным мореплавателем XVIII века, исследовавшим южные полярные моря. Вопрос о существовании таинственного «австралийского» материка интересовал также и французских мореплавателей, и в XVIII веке мы видим целый ряд французских мореходов, старавшихся разрешить спорный вопрос об южном материке.

Первым французским мореплавателем, исследовавшим южные полярные моря, является капитан Жан-Батист-Шарль Буве де-Лозье. Он отправился в плавание в 1738 году на двух судах французской Ост-Индской компании, «Орел» и «Мария». Следуя от берегов Бразилии на юго-восток, Буве де-Лозье открыл 1 января приблизительно под 54° южной широты и между 26° и 27° восточной долготы по тенерифскому меридиану остров, выдающийся в море мыс которого он назвал мысом Обрезания. Остров был покрыт высокими горами и окружен со всех сторон льдами, не позволявшими подойти близко к берегу.

После нескольких безуспешных попыток сделать высадку, Буве вынужден был вернуться обратно к северу, так как путь на юг был прегражден льдами. Кроме того, экипаж обоих кораблей был сильно утомлен плаванием. и среди матросов свирепствовала цынга. 28 февраля Буве де-Лозье прибыл к мысу Доброй Надежды.

Говоря о своем путешествии, Буве де-Лозье замечает: «Мы прошли от 1.200 до 1.500 миль по неисследованным до этого времени морям. В течение целых семидесяти дней почти беспрерывно стояли туманы; почти ежедневно шел град или снег. Наш экипаж состоял из людей, привыкших к теплому климату, и притом был недостаточно снабжен теплой одеждой; вследствие этого холод казался матросам невыносимым; они часто отмораживали себе руки и ноги. Между тем работы на кораблях было много; то и дело приходилось переставлять паруса и производить промеры. Один из матросов «Орла», посланный на мачту, чтобы спустить рею малого марселя, совершенно окоченел от холода и, потеряв

сознание, остался на марсе; его с большим трудом удалось снять оттуда и только после долгих усилий с нашей стороны он пришел в себя, а, между тем, мы плавали в самое благоприятное для южного полушария время, и я старался доставлять матросам все зависящие от меня удобства».

Ввиду ничтожности достигнутых Буве де-Лозье результатов, французская Ост-Индская компания не сочла нужным продолжать исследование южных морей. Однако путешествие Буве де-Лозье нанесло первый удар вере в существование южного материка. Вопрос об южном материке после плавания Буве де-Лозье сделался еще более острым, чем раньше, и вскоре по следам Буве отправилось в южные моря несколько других мореплавателей (выше мы видели, что сам капитан Кук старался отыскать мыс Обрезания, открытый Лозье).

Французская Ост-Индская компания, ставившая на первый план свои выгоды и торговые интересы, решила снарядить в половине XVIII века большую экспедицию в Великий океан для новых открытий, могущих послужить к ее обогащению. Начальником этой экспедиции был назначен капитан Жан-Франсуа-Мари Сюрвиль. Сюрвиль отплыл из Франции 3 марта 1769 года на корабле «Иоанн Креститель». Прежде всего он направился в Индию, где выгрузил различные товары из Франции. 2 июня Сюрвиль отплыл из Пондишери к Филиппинским островам, откуда он направился к юго-востоку: после почти трехмесячного плавания, 7 октября, Сюрвиль открыл неизвестный остров под 6° 56′ южной широты. Сюрвиль поплыл вдоль берегов этого острова и 13 октября бросил якорь в одной бухте, которой он дал название порта Прален.

Отплыв вскоре из бухты Прален, Сюрвиль дал острову название Земли Арзакидов. Ему удалось захватить на этом острове одного молодого туземца, который вскоре научился говорить по-французски. Туземцы Острова Арзакидов—в большинстве среднего роста, но очень сильны и мускулисты. Повидимому, как утверждает Сюрвиль, они принадлежали к двум различным расам; у одних туземцев кожа была совершенно черного цвета, у других же она имела красноватый оттенок. Точно так же и волосы у одних были курчавые и мягкие, у других гладкие и жесткие. Мужчины и женщины ходили совершенно голыми, но их нагота не так резко бросалась в глаза, так как все их тело было покрыто татуировкой; рисунки на теле у некоторых дикарей отличались сложностью и своеобразным изяществом.

Недалеко от острова Арзакидов Сюрвиль открыл еще целый ряд островов, которые, как оказалось позднее, составляли архипелаг Соломоновых островов, открытых еще Менданой. От этих островов Сюрвиль решил плыть к Новой Зеландии, которую

после Тасмана не посещал до этого времени ни один европеец. 12 декабря 1769 года «Иоанн Креститель» был уже у берегов Новой Зеландии и бросил якорь в бухте, названной бухтой Лористона. Мы не будем приводить здесь замечаний французского мореплавателя о Новой Зеландии и ее жителях, так как эти замечания не прибавляют ничего нового к фактическим данным, собранным капитаном Куком и приведенным нами выше.

Убедившись, что в Новой Зеландии нельзя сделать большого запаса провианта, Сюрвиль, спустя несколько дней, снова вышел в море. Между тем цынга на корабле усиливалась с каждым днем. Вследствие этого Сюрвиль решил как можно скорее добраться до берегов Перу. 5 апреля 1770 года Сюрвиль уже был около берегов Южной Америки и 8 апреля остановился близ порта Кальяо. Желая как можно скорее доставить своим больным необходимую помощь, Сюрвиль хотел лично переговорить с испанским губернатором Кальяо и отправился на берег. К несчастью, шлюпка, в которой поехал Сюрвиль на берег, была опрокинута большим валом и все находившиеся в шлюпке, в том числе и Сюрвиль, утонули.

Что касается самого корабля «Иоанна Крестителя», то испанские власти продержали его целых три года в Лиме. Лейтенант Лаббе, принявший начальство над кораблем после смерти Сюрвиля, вернулся во Францию лишь 23 августа 1773 года.

Описывая выше путешествие Бугенвилля, мы упомянули, что он привез с собою во Францию туземца с острова Таити, по имени Аотуру. Когда этот таитянин пожелал вернуться к себе на родину, то французское правительство отправило его на Иль-де-Франс (остров Св. Маврикия) и предписало местным властям оказать ему надлежащее содействие для возвращения его на Таити.

В это время на Иль-де-Франсе находился офицер французского военного флота, Марион Дюфрен, который, мечтая посетить неисследованные области Великого океана, предложил губернатору острова Иль-де-Франса перевезти на собственный счет и на собственном судне таитянина Аотуру на его родину. Он требовал лишь, чтобы в этой экспедиции его сопровождало какое-нибудь французское военное судно.

Николай-Томас Марион-Дюфрен родился в Сен-Мало 22 декабря 1729 года и поступил еще в ранней молодости на службу во французский военный флот. Он очень интересовался географическими вопросами. В то время, когда он был на Иль-де-Франсе, отсутствие южного материка еще не было доказано капитаном Куком, и поэтому Марион-Дюф-

рен предполагал отправиться на поиски этого таинственного материка.

Благодаря содействию и поддержке губернатора Иль-де-Франса, Пуавра, Марион-Дюфрен снарядил два корабля—«Маскарен» и «Маркиз де-Кастри» и 18 октября 1771 года отправился в плавание, захватив с собою таитянина Аотуру. Дорогой Аотуру заболел оспой и умер, поэтому Марион-Дюфрен мог не заходить на Таити. На военном совете большинство спутников Мариона Дюфрена постановили, однако, продолжать плавание и исследовать южную часть Великого океана. Достигнув мыса Доброй Надежды, французские корабли бросили якорь в Столовой бухте, и здесь Марион-Дюфрен взял на свои корабли различных припасов на полуторагодичное плавание.

Выйдя 28 декабря 1771 года из Столовой бухты, Марион-Дюфрен направился к югу, намереваясь посетить мыс Обрезания, открытый Буве-де-Лозье в 1739 году. 11 января французские корабли были уже под 45° 43′ южной широты. Хотя в южном полушарии в это время бывает лето, тем не менее, все время погода стояла холодная, и почти каждый день шел снег. Два дня спустя мореплаватели увидали перед собою небольшой остров, названный Марионом-Дюфреном землею Надежды, так как теперь Дюфрен с уверенностью рассчитывал достигнуть южного материка. Четыре года спустя капитан Кук, открыв, в свою очередь, этот остров, дал ему название острова Принца Эдуарда.

24 января Марион-Дюфрен открыл еще несколько островов под 45° 5′ южной широты. Он назвал эти острова Холодными. На следующий день Марион-Дюфрен открыл еще остров, названный им Пустынным. Впоследствии этот остров был переименован в остров Крозе, в честь спутника Мариона-Дюфрена, лейтенанта Крозе, описавшего это плавание. Недалеко от острова Крозе Марион открыл еще остров, получивший впоследствии название острова Мариона, в честь самого мореплавателя. Посланный исследовать этот остров, Крозе пишет, что он нашел на острове лишь тюленей, пингвинов, нырков и других водяных птиц, встречающихся на островах южнее мыса Доброй Надежды. «Птицы эти,—пишет Крозе,—не видавшие до того времени человека, были так смирны и непугливы, что позволяли брать себя руками. Точно так же и тюлени продолжали, не обращая на нас никакого внимания, играть и кувыркаться на берегу».

Марион продолжал плыть далее к востоку, следуя приблизительно под 46—47° южной широты. Все время продолжали стоять густые туманы, и корабли должны были постоянно давать друг другу сигналы пушечными выстрелами, чтобы не столкнуться и не потерять друг друга. Достигнув 90° к востоку от париж-

ского меридиана, Марион переменил курс и направился к Вандименовой земле. После благополучного плавания, оба корабля Мариона Дюфрена бросили якорь в заливе Фридриха-Генриха.

После недолгой остановки Марион Дюфрен направился к Новой Зеландии, где и остановился в бухте у северной оконечности острова—у мыса Марии Ван-Димен. Дюфрен решил произвести исследование острова, но в одну из своих экспедиций в глубь острова был убит туземцами. После смерти Дюфрена во главе экспедиции встал капитан Дю-Клемер, который, ввиду плохого состояния кораблей, решил не продолжать дальнейших географических исследований и вернулся в Иль-де-Франс.

В половине XVIII века Франция выдвинула целый ряд выдающихся мореплавателей, которые много содействовали успехам географии мореплавания. Одним из таких мореплавателей является капитан французского военного флота Жак-Раймон де-Жирон де-Греньe. На своем корвете Греньe сделал много ценных исследований; он проверил положение многих островов в Великом океане и в Индийских морях. Основываясь на соотношении между морскими течениями и муссонами, Греньe предложил новый более краткий путь от берегов Иль-де-Франса (ныне остров Св. Маврикия) в Ост-Индию. Этот новый морской путь был на 800 миль короче прежнего. Предложением Греньe заинтересовалось французское морское министерство, и морской министр решил послать опытного моряка проверить, действительно ли путь, предлагаемый Греньe в Индию, короче прежнего.

Выполнить это поручение выпало на долю лейтенанта Ива-Жозефа Кергелена. Кергелен был уже известен в это время как опытный моряк; в 1767—1768 годах он совершил плавание на небольшом судне к берегам Исландии. Во время этого плавания Кергелен произвел много астрономических наблюдений, составил планы многих портов, исправил карту самого острова Исландии и, между прочим, первый дал точное описание исландских «гейзеров»,—этих перемежающихся источников горячей воды, которые иногда бьют высоко фонтанами, а затем снова пропадают. Он же сообщил любопытные сведения об ископаемых деревьях в Исландии, доказывающих, что некогда Исландия, где теперь нет ни одного деревца, была покрыта громадными лесами.

Получив предписание исследовать морской путь, предложенный Греньe, Кергелен испросил у морского министра разрешение исследовать также и южные земли, открытые в 1739 году Буве де-Лозье. Для плавания Кергелену был дан военный ко-

рабль «Берье», на котором было триста человек экипажа. Кергелен взял с собою провианта на 14 месяцев. Отправившись из Лориана (в Бретани) в июне месяце 1770 года, Кергелен 20 августа благополучно прибыл на Иль-де-Франс. Здесь он оставил свой большой корабль и взял вместо него два небольших транспортных судна—«Фортуну» и «Толстяка». На этих судах Кергелен первоначально направился к северу от Иль-де-Франса, к берегам Ост-Индии. Кергелен убедился, что, действительно, в областях, указанных Гренье, ветры дуют постоянно с востока. Пройдя мимо Мальдивских островов, Кергелен достиг Цейлона и затем направился вдоль берегов Индостана. Тем временем муссон переменился, и на обратном пути ветер дул преимущественно с западной стороны, как это и предсказывал Гренье. Таким образом, этот путь представлял значительные выгоды. Впоследствии он сделался обычной дорогой с Иль-де-Франса в Индию.

Вернувшись из Индии на Иль-де-Франс 8 декабря, Кергелен стал поспешно готовиться к экспедиции в южные моря. 12 января 1772 г. он покинул Иль-де-Франс и направился прямо на юг. Уже с 1 февраля на море появилось много птиц, что указывало, повидимому, на близость земли. Однако земля показалась на горизонте лишь 12 февраля. Это был большой остров. К несчастью, исследовать этот остров Кергелену не удалось, так как все время на море свирепствовала буря, часто шел снег и стояли туманы. Во время этой бури, Кергелен потерял из вида свое второе судно «Толстяк».

Прежде чем отправиться обратно на Иль-де-Франс, Кергелен побывал все-таки на острове и торжественно объявил его владением Франции. Письменное его заявление об этом было помещено в бутылку, которую нашел там в 1776 году капитан Кук. Вскоре после прибытия своего на Иль-де-Франс Кергелен отправился во Францию, где и был произведен в капитаны первого ранга.

В 1772 году Кергелену было снова поручено начальство над экспедицией в южные моря. Отправившись из Бреста 26 марта 1772 года на двух кораблях—«Роланде» и «Птице», Кергелен добрался до мыса Доброй Надежды, откуда направился снова на юг. 6 января 1773 года Кергелен увидал острова, открытые им в первое путешествие. Затем он открыл и нанес на карту остров Креста, остров Соединения и остров Роланда. Кергелен хотел-было продолжать дальнейшие исследования, но экипажи обоих кораблей категорически заявили, что при таком холоде и при недостаточной пище они ни за что не поедут вперед. Вследствие этого Кергелен вынужден был взять курс на север, но, вместо того, чтобы плыть на Иль-де-Франс, он направился в

Антонжильскую бухту на острове Мадагаскаре. Там Кергелен рассчитывал найти в изобилии съестные припасы и разные противоцынготные травы. Кергелен потерял за это плавание сорок человек от цынги.

Вернувшись во Францию, Кергелен в награду за понесенные им трудности и лишения встретил суровый прием. Над ним был назначен суд, который обвинил его в превышении власти. Военный суд приговорил Кергелена к лишению всех чинов и заключению в Сомюрскую крепость. Однако правительство, сознавая, что Кергелена нельзя было обвинить в каком-либо действительном преступлении, выпустило его через несколько месяцев на свободу. Находясь в тюрьме, Кергелен составил описание своих двух путешествий в южные моря, но это описание было по распоряжению правительства конфисковано и сожжено.

Здесь мы должны упомянуть еще о нескольких французских заокеанских экспедициях, которые хотя и не увенчались новыми географическими открытиями, но, тем не менее, много способствовали исправлению географических карт и значительно содействовали прогрессу мореходной науки и географии, разрешив задачу точного определения географических долгот на море.

Чтобы определить географическое положение какого-нибудь места на карте, надо знать его географическую широту, т.-е. расстояние от экватора (считая к северу или к югу), и географическую долготу, т.-е. расстояние к востоку или западу от какого-либо данного меридиана.

В XVIII веке, чтобы определить положение корабля на карте, пользовались лишь корабельным счислением. Выбрасывая в море каждый час лаг, измеряли длину линя, который развертывался в течение минуты, и определяли таким образом скорость хода корабля, вычисляя таким образом и расстояние от одного пункта до другого. Однако следует заметить, что лаг не остается в воде совершенно неподвижным, да и скорость судна в течение часа может измениться; благодаря этим обстоятельствам в определении скорости судна могут вкрасться очень большие ошибки.

Что касается до направления пути, то оно указывалось корабельным компасом. Но известно, что магнитная стрелка не всегда и не везде обращена прямо на север. В разных пунктах земного шара она отклоняется вправо или влево от северного полюса. Кроме того, корабль не всегда в точности идет предположенным курсом. При таких обстоятельствах понятно, что на корабельное счисление нельзя было вполне полагаться. Для более точного положения корабля на океане в любой момент необходимо было

найти такой способ, который был бы свободен от этих погрешностей. Когда был изобретен октант, то стало возможным определять географическую широту места с точностью до одной минуты, т.-е. до шестидесятой части градуса. Между тем при определении географической долготы нельзя было и думать об определении ее хотя бы и с такой точностью.

Во второй половине XVIII века французские мореплаватели впервые стали пользоваться для определения долгот на море часами. Действительно, зная на корабле *истинное* время в данный момент, т.-е. время по часам, соответствующим меридиану, под которым находится корабль в данную минуту, и зная вместе с тем время по меридиану порта, из которого вышел корабль, или же по какому-либо другому определенному меридиану, нетрудно определить долготу, под которой находится корабль. Исходя из того, что земля делает полный оборот вокруг своей оси ровно в сутки, т.-е. в двадцать четыре часа, нетрудно догадаться, что каждый час разницы во времени будет соответствовать 15° в долготе; четыре минуты разницы во времени между двумя данными пунктами будут точно показывать, что расстояние между двумя этими пунктами—ровно один градус, т.-е. $^1/_{360}$ часть всей земной окружности.

Таким образом задача определения географической долготы. под которой находится корабль на море в данный момент, может быть сведена к определению истинного времени по какому-либо меридиану. Для этого необходимо было только обладать хорошими карманными или стенными часами, которые шли бы совершенно верно, не подвергаясь влиянию качки корабля и переменам температуры.

Сознавая всю важност верных часов для мореплавания, английское и французское правительства в половине XVIII века обещали большие награды изобретателям, которым удастся достигнуть цели. Французская Академия Наук объявила конкурс на устройство точных морских хронометров. В 1765 году физик Ле-Руа представил на этот конкурс два хронометра, которые выдержали все испытания, которым их подвергали на суше. Оставалось только узнать, будут ли они итти так же хорошо и на море.

Чтобы разрешить этот вопрос, маркиз Куртано построил на свой счет быстроходный фрегат «Аврору». Этот фрегат, на котором были помещены хронометры Ле-Руа, совершил плавание из Франции в Голландию и обратно. Но, по мнению самого Ле-Руа, это плавание было недостаточно для проверки хронометров, и поэтому был снова снаряжен другой фрегат, который отправился сначала к берегам Нью-Фаундленда, а затем поплыл на юг, к африканскому побережью. Фрегат пробыл в плавании

4½ месяца и выдержал не одну бурю, тем не менее, часы Ле-Руа шли верно. После этого испытания премия была присуждена Ле-Руа.

В это же время придворный часовых дел мастер Берту, не допущенный к конкурсу вследствие занимаемой им должности при дворе, изобрел, в свою очередь, особо точный хронометр, который, по его мнению, мог удовлетворять всем требованиям мореплавания. Для испытания хронометра Берту в ноябре 1768 года в Рошфоре был снаряжен корабль «Изида», начальство над которым было поручено де-Флерье. Флерье, сильно интересовавшийся механикой, помогал Берту в его изысканиях. Отплыв из Франции, Флерье заходил в Кадикс, на Канарские острова, на острова Зеленого мыса, на Мартинику, Сан-Доминго, Нью-Фаундленд и, наконец, 31 декабря 1769 года вернулся во Францию. Хронометры Берту перебывали таким образом последовательно в холодном, жарком и умеренном климате, испытали самые разнообразные изменения температуры и подвергались на море сильнейшей качке во время многочисленных бурь, выдержанных фрегатом. Из всех этих испытаний хронометры Берту вышли с честью.

Плавание Флерье сопровождалось и другими весьма ценными исследованиями. Множество астрономических наблюдений и гидрографических съемок, произведенных Флерье, указали на существенные недостатки и пробелы географических карт того времени и выяснили настоятельную потребность в коренных изменениях в области картографии.

Морские хронометры различных систем испытывались во Франции сначала отдельно, но затем было решено подвергнуть их одновременно одним и тем же испытаниям, чтобы лучше выяснить, какая из систем окажется наиболее удовлетворительной. С этою целью в Бресте был снаряжен фрегат «Флора», командиром которого был назначен лейтенат Верден де-ля-Крень. «Флора» совершила плавание из Франции к берегам Испании, затем на острова Мадеру, Мартинику, Гваделупу, Сан-Доминго, на Малые Антильские острова, на остров св. Петра, Нью-Фаундленд, в Исландию, на Фарерские острова и в Данию, откуда Верден де-ля-Крень вернулся во Францию.

Во время этого путешествия было произведено множество тщательных промеров и гидрографических съемок. Верден приводит также в своем отчете множество интересных подробностей о посещенных им странах, о нравах и обычаях жителей, естественных богатствах и т. п. Отчет Вердена изобилует также множеством поправок, относящихся преимущественно к указанию точной географической долготы мест, неверно обозначенной на картах его времени.

XIV.

Плавание Ла-Перуза.

Начатое Байроном, Валлисом и Куком исследование Великого океана не остановилось и после смерти великого мореплавателя; только после Кука главное внимание позднейших исследователей было обращено на исследование отдельных областей океана, отдельных островных групп и архипелагов. В этой менее благодарной, но не менее важной работе, на-ряду с англичанами приняли участие французы и русские. Самым выдающимся французским исследователем Великого океан в конце XVIII столетия был капитан Ла-Перуз.

Жан-Франсуа Ла-Перуз родился в 1741 году и уже 15 лет от роду поступил на службу во флот. Во время войны Франции с Англией он был ранен и взят англичанами в плен; после окончания войны в 1763 году Ла-Перуз вернулся во Францию и, несмотря на свою молодость, был произведен в капитаны первого ранга.

Когда после заключения парижского мирного трактата, в 1763 году, французское правительство решило снарядить большую экспедицию в Великий океан для открытия новых земель и исследования уже открытых, то начальником этой экспедиции был выбран Ла-Перуз. В распоряжение Ла-Перуза было предоставлено два фрегата—«Буссоль» и «Астролябия». После долгой подготовки к путешествию Ла-Перуз вышел в океан 1 августа 1785 года.

Миновав благополучно Канарские острова, Ла-Перуз направился к берегам Бразилии и сделал первую остановку у острова Екатерины. «После 96-дневного плавания,—говорит Ла-Перуз в своем путевом журнале,—на корабле не было ни одного больного. Дожди, туманы и перемена климата нисколько не повредили здоровью матросов и офицеров». Пополнив на острове Екатерины свои запасы, Ла-Перуз 19 ноября покинул этот остров и направился на юг, к мысу Горн. Благодаря попутным ветрам, «Буссоль» и «Астролябия» благополучно обогнули мыс Горн. 9 февраля французская экспедиция была в Великом океане. 24 февраля ла-Перуз бросил якорь в порте Зачатия. Ввиду истощения продовольственных запасов Ла-Перуз предпочел зайти в этот порт, чем итти на остров Хуана Фернандеца.

Покинув 15 марта порт Зачатия, Ла-Перуз решил итти к острову Пасхи, куда и прибыл 9 апреля. Простояв на острове Пасхи, в бухте капитана Кука, только одни сутки, Ла-Перуз направился оттуда приблизительно тем же путем, которым следовал Кук в 1777 году, плывя из Таити к американскому побе-

режью. 29 мая французская экспедиция приб
островам. Ла-Перуз пристал к острову Мовеэ, г
ную бухту для стоянки. «Остров Мовеэ,—пи
путевом журнале, — представляет восхитител
Прямо перед нами, на берегу, низвергался каска
гор небольшой поток, на берегу которого был
многочисленные хижины туземцев. Холмы и гор
покрыты лесом; возле хижин виднелись бана
и пальмы».

Как только «Буссоль» и «Астролябия» стали
тотчас же окружило множество туземных лодок,

Жан-Франсуа Ла-Перуз.

свиньями, бананами, пататами и другими продуктами. Гавайц знаками предлагали купить у них эти предметы; скоро между французами и гавайцами завязалась меновая торговля. Гавайцы относились к мореплавателям очень дружелюбно, но Ла-Перуз, съезжая на берег, счел нужным принимать против них некоторые меры предосторожности. Ла-Перуз не вступал во владение островом Мовеэ, как это обыкновенно делали все европейские мореплаватели. По этому поводу он в своем журнале говорит: «Этот обычай европейских мореплавателей в высшей степени нелеп. Всякому здравомыслящему человеку должно быть обидно за человечество, когда он видит, что люди, обладающие ружьями

Ла-Перуз добрался
те Макао.
ать отдых своему
Макао все меха,
асть вырученной
их фрегатов.
вился к Манилье,

трова Формозы.
мозу от азиат-
этого пролива.
в Формозском
-Перуз решил
ье Формозы.
анесенное на
небольшой

ли в Япон-
олив, отде-
ве сильные
плавание.
чый ни на
сюда Ла-
ветрами,
остров

ни. Не-
ршины
юдной.
руз не
режьи
июня
под
звал

ав
ю
ю,
х
я

пивают от этого всякое понятие о справедливо-
но, что может быть несправедливее игнорирова-
ав ближнего? Странный софизм, в силу которого
приставший к какому-либо неведомому до того
, как бы предоставляет тем самым своему оте-
воевания, попирающее самые священные права
Начатое Ба ения! Каким образом такая случайность, как по-
кого океана не земного корабля, может являться основательным
вателя; только у, чтобы отнять у злополучных островитян землю,
дователей был запамятных времен владели их предки, орошая ее
океана, отдел ым потом?»
нее благодар ских островов Ла-Перуз направился, согласно дан-
нами принял струкции, к американскому побережью. Ла-Перуз
французским иканского берега 23 июня под 60° сев. широты. Плывя
столетия бы а к югу, он 2 июля открыл большую бухту. Для иссле-
Жан-Ф были посланы шлюпки под начальством лейтенанта
от роду пос ухта в честь этого лейтенанта была названа бухтою
с Англией пускаясь далее на юг, Ла-Перуз открыл под 58° 36′ сев.
чания вой ругую, более обширную бухту, которую он назвал Фран-
несмотря В этой бухте была сделана остановка. После тщательной
вого ран промеров и астрономических наблюдений Ла-Перуз
Ког вился плыть дальше. Стоянка во Французской бухте
1763 год овалась большим несчастием; во время промеров прилив-
экспеди ной опрокинуло две шлюпки, и матросы и офицеры (21 че-
довани все погибли. В память погибших Ла-Перуз поставил
бран регу бухты памятник; а у подножия памятника зарыл бу-
два ф у, в которую вложил описание этого печального происше-
ки к п.

5 ноября Ла-Перуз открыл небольшой остров, названный
вилс островом Неккера. Недалеко от этого острова флотилия Ла-
Ека уза едва не погибла, наскочив на подводный риф. Только
в св благодаря хладнокровию и находчивости Ла-Перуза и храбрости
ного его экипажа удалось избежать гибели. Ла-Перуз нанес этот
дил риф на карту, точно определив его местонахождение, чтобы другие
Е мореплаватели не могли нечаянно также натолкнуться на него.

14 декабря «Астролябия» и «Буссоль» были уже в виду Марианских островов. Ла-Перуз находился в плавании уже почти $1^1/_2$ года. «Наши паруса и снасти,—замечает он в своем журнале,— ежедневно напоминали нам, что мы целых 16 месяцев уже находимся на море. У нас постоянно рвались шкоты и тросы, а наши парусники не успевали чинить паруса, пришедшие в совершенную ветхость».

Ла-Перуз прошел мимо Марианских островов, спеша в Макао, где ему хотелось застать суда, отправлявшиеся в Европу, так как он предполагал отослать во Францию отчет о резуль-

татах своего плавания. 2 января 1787 года Ла-Перуз добрался до Китайского берега и бросил якорь в бухте Макао.

В Макао он простоял целый месяц, чтобы дать отдых своему утомленному экипажу. Французы продали в Макао все меха, приобретенные ими у индейцев в Америке. Часть вырученной суммы поступила в собственность экипажа обоих фрегатов.

5 февраля Ла-Перуз покинул Макао и направился к Манилье, а оттуда 9 апреля направился к берегам Китая.

21 апреля флотилия Ла-Перуза была около острова Формозы. Ла-Перуз исследовал пролив, отделяющий Формозу от азиатского материка, и нанес на карту несколько мелей этого пролива. Вследствие сильных встречных ветров плавание в Формозском проливе было очень затруднительно, поэтому Ла-Перуз решил вернуться обратно и обогнуть восточное нобережье Формозы. Во время этого плавания он исправил неверно нанесенное на карту положение островов Пескадорес и осмотрел небольшой остров Ботол-Табако-Хима.

Обогнув Формозу, французские фрегаты вступили в Японское море и направились ко входу в Корейский пролив, отделяющий Китай от Японии. Ла-Перуз встретил в проливе сильные и очень изменчивые морские течения, затруднявшие плавание. 27 мая Ла-Перуз открыл в проливе остров, не показанный ни на одной карте. Ла-Перуз назвал его островом Дажеле. Отсюда Ла-Перуз направился к Японским островам. Задержанный ветрами, он лишь 6 июня увидал на горизонте мыс Ното и остров Иозисима или Иезо (Матсмай).

11 июня Ла-Перуз был уже около берегов Манджурии. Недалеко от берега тянулись цепи гор; местами горные вершины были покрыты снегом. Страна казалась совершенно безлюдной. Идя вдоль берега на протяжении целых 40 миль, Ла-Перуз не встретил никакой речки, впадающей в море. На всем побережьи не было видно никаких следов человеческого жилья. 23 июня «Буссоль» и «Астролябия» бросили якорь в заливе, лежащем под 45° 13′ сев. широты и 135° 9′ восточной долготы. Ла-Перуз назвал этот залив заливом Тернея.

27 июня Ла-Перуз покинул эту пустынную бухту, насыпав на берегу небольшой холм, возле которого он зарыл в землю несколько медалей. На холме был поставлен столб с надписью, обозначавшей день и год прибытия в эту бухту французских фрегатов. Плывя далее к северу, Ла-Перуз открыл 6 июня остров, оказавшийся Сахалином. На этом острове в некоторых местах виднелись хижины. Ла-Перуз послал своего помощника лейтенанта де-Лангль на берег. Французы посетили несколько хижин, но не застали в них никого из жителей. Оставив в хижинах несколько подарков, французы вернулись на берег и хотели-

было отплыть обратно на корабль, но в это время к берегу подошла лодка, в которой было семеро туземцев. «В числе их,— говорит Ла-Перуз,—было двое стариков с длинными седыми бородами; туземцы были вооружены луками, копьями и стрелами с железными наконечниками. Нам удалось объяснить туземцам,— добавляет Ла-Перуз,—что мы хотели бы узнать очертание их земли и противоположного манджурского берега. Один из стариков понял, повидимому, наше желание и концом своей пики провел длинную черту на песке в направлении, приблизительно, с севера на юг, долженствовавшую изображать берег Манджурии. В некотором расстоянии к востоку от этой черты он провел в том же направлении западный берег своего острова и, положив руку на грудь, объяснил знаками, что это и есть его земля. К югу от своего острова он начертал другой остров. Свой остров туземцы называли Чака».

Продолжая плыть вдоль берега острова Чака, Ла-Перуз открыл и исследовал несколько бухт. На самом азиатском берегу он также исследовал несколько бухт; здесь он встречал многочисленных туземцев, занимавшихся рыбным промыслом. Туземцы, называвшие себя «орочами», жили в хижинах, возле каждой из которых была устроена сушильня для рыбы. «Орочи,— говорит Ла-Перуз,—очень нечистоплотны и отличаются крайним зловонием; все они небольшого роста, голос у всех орочей слабый и пронзительный, словно детский; выдающиеся скулы, маленькие, гноящиеся, прорезанные наискось глаза, большой рот, приплюснутый нос, маленький подбородок, на котором почти нет бороды, и, наконец, оливковый цвет кожи,—все это вместе взятое производит довольно отталкивающее впечатление».

3 сентября корабли Ла-Перуза были уже в виду Камчатки, а 6 вошли в Авачинскую или Петропавловскую бухту. Здесь астрономы занялись наблюдениями, а естествоиспытатели решили исследовать окрестности Петропавловска. Русские власти оказали Ла-Перузу и его спутникам хороший прием. 29 сентября 1787 года «Буссоль» и «Астролябия» вышли опять в море. От Камчатки Ла-Перуз направился на юг и в третий раз пересек экватор. 9 декабря «Буссоль» и «Астролябия» стали на якорь близ острова Мауны, чтобы запастись пресной водой. Здесь посланный за водой Ла-Перузом отряд матросов подвергся нападению дикарей. Туземцы убили около 30 человек французов, в том числе капитана де-Лангля, помощника Ла-Перуза, и человек 40 ранили.

От острова Мауны Ла-Перуз решил плыть к берегам Австралии,в Батанибей, где намеревался произвести основательный ремонт своим судам. Осмотрев попутно множество островов Полинезии, Ла-Перуз 5 февраля прибыл в Ботанибей. Отсюда Ла-Перуз отправил во Францию морскому министру отчет о своем

плавании и сообщал ему свои дальнейшие планы. Ла-Перуз писал: «Я рассчитываю прежде всего пойти к островам Дружбы и выполнить все, что предписано мне в инструкции относительно исследования Новой Каледонии, острова Санта-Круц, южного берега открытой Сюрвилем Земли Арзакидов и бугенвиллевской Луизиады, при чем постараюсь узнать, составляет ли эта последняя отдельный остров или же является лишь частью Новой Гвинеи при Новой Голландии. В сентябре и в начале октября месяца я рассчитываю осмотреть залив Карпентарий и весь берег Новой Голландии до Вандименовой Земли, при чем постараюсь вернуться оттуда опять на север и в начале сентября следующего 1788, года прибыть к Иль-де-Франсу».

Однако этим планам Ла-Перуза не суждено было осуществиться. Он не только не прибыл к условленному сроку на Иль-де-Франс, но об его экспедиции целых 2 года не было никаких известий.

XV.

Экспедиция адмирала д'Антркасто для поисков Ла-Перуза.

После того, как экспедиция Ла-Перуза в конце 1788 года не прибыла на Иль-де-Франс, во Франции стали думать, что Ла-Перуз потерпел крушение где-нибудь на островах Великого океана. Вследствие этого Национальное Собрание постановило 9 февраля 1791 года послать одно или несколько судов для розысков Ла-Перуза. Национальное Собрание предполагало, что, может быть, некоторым членам экспедиции удалось спастись при катастрофе, и они, быть-может, крайне нуждаются в помощи. С этою целью в 1791 году и была снаряжена специальная экспедиция под начальством контр-адмирала Брюни д'Антркасто. Эта экспедиция имела также целью попутно исследовать встреченные острова и земли, и поэтому в состав ее были назначены ученые естествоиспытатели и художники. В распоряжение д'Антркасто были даны два корабля—«Поиск» и «Надежда». На обоих кораблях было погружено значительное количество товаров для меновой торговли и запасы провианта на $1^1/_2$ года.

Выйдя 28 сентября 1791 года из Бреста, экспедиция 13 октября была уже на острове Тенерифе, а 18 января 1792 года прибыла на мыс Доброй Надежды. В Капштадте д'Антркасто получил письмо командующего французскими военными и морскими силами в Ост-Индии. В этом письме командующий уведомлял адмирала, что капитаны двух французских судов, прибывших из Батавии, доставили ему дсведения об экспедиции Ла-Перуза. Они передавали, что капитан английского корабля

«Сириус», совершавший на своем судне плавание в Южных морях, видел на одном из Островов Адмиралтейства несколько человек, одетых в мундиры, напоминавшие мундиры французских моряков. За неимением времени, английский капитан не приставал к этому острову, а сообщил лишь об этом факте встреченным им на пути упомянутым французским мореплавателям.

Адмирал д'Антркасто. (Снимок с рисунка XVIII века.)

Это известие изменило первоначальные планы д'Антркасто, и он, покинув 16 февраля мыс Доброй Надежды, решил обогнуть Вандименову Землю, чтобы скорее добраться до островов Адмиралтейства. Достигнув благополучно Вандименовой Земли, д'Антркасто направился оттуда к острову Новой Каледонии, который должен был посетить Ла-Перуз. Однако д'Антркасто

нигде не удалось напасть на след злополучной экспедиции, и он, в конце концов, вынужден был направиться к Молуккским островам, чтобы дать отдых своему экипажу и сделать необходимый запас провианта. 5 сентября 1792 года корабли д'Антркасто прибыли на Амбоинский рейд. Здесь д'Антркасто простоял целый месяц, в течение которого оба корабля были проконопачены и вся их оснастка тщательно исправлена. Покинув Амбоин, эскадра снова направилась на поиски экспедиции Ла-Перуза к юго-западному берегу Австралии. Попутно были осмотрены острова Киссера, северный берег Тимора, остров Бату, Саву и другие. Едва не потерпев крушение около берегов Австралии, д'Антркасто снова добрался до Вандименовой Земли. Простояв 5 дней в бухте Бурь на Вандименовой Земле (для производства астрономических наблюдений), экспедиция направилась к берегам Новой Зеландии. После непродолжительной стоянки на Новой Зеландии французский адмирал взял курс к Архипелагу Дружбы, куда рассчитывал непременно зайти Ла-Перуз.

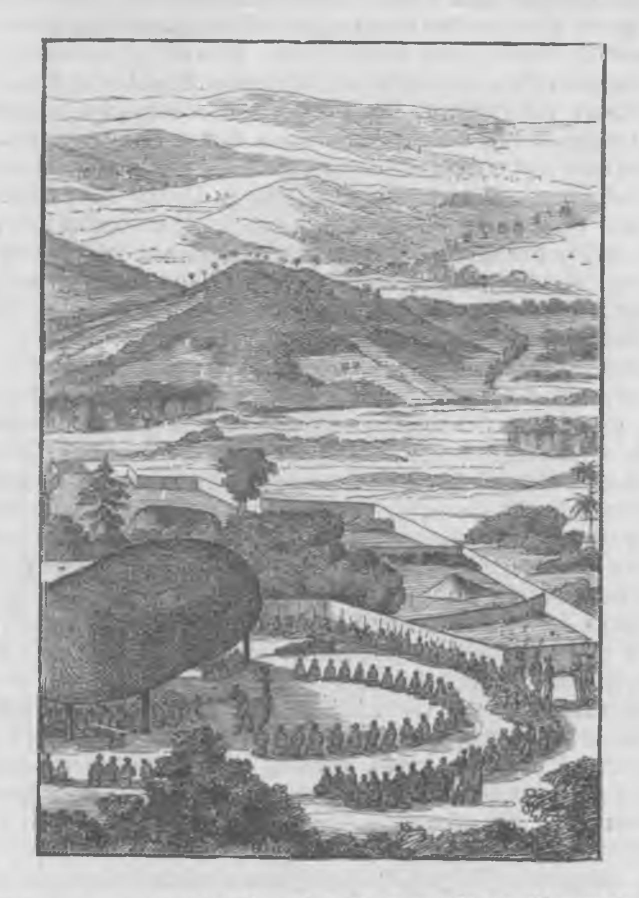
Когда корабли д'Антркасто стали на рейд у острова Тонга-Табу, они были тотчас же окружены целой флотилией туземных лодок. Вожди островов Дружбы приняли мореплавателей очень радушно и многие из них расспрашивали о капитане Куке. Главный вождь Тонга-Табу, Тубо, устроил в честь французских мореплавателей большое празднество, на котором присутствовало более 3.000 человек островитян. Когда д'Антркасто собрался покинуть Тонга-Табу, многие туземцы просили адмирала взять их с собою во Францию.

Говоря о своем пребывании на островах Дружбы, д'Антркасто пишет в своем журнале: «Здешние островитяне—народ в общем неглупый; они сообщили нам точные сведения о кораблях, которые приставали к их архипелагу. Мы положительно убедились из их рассказов, что Ла-Перуз не заходил ни на один из островов Дружбы. Туземцы очень хорошо помнили о посещении Кука и точно определили время, протекшее с тех пор; свое летоисчисление они вели по сборам ямса. На каждый год у них приходится по два сбора этих съедобных кореньев».

От островов Дружбы экспедиция направилась к острову Новой Каледонии, где остановилась в Баладском порте, в котором останавливался в 1774 году капитан Кук. Туземцы Новой Каледонии находились на более низкой ступени развития, чем туземцы островов Дружбы. Ново-каледонцы были людоедами и отличались бесцеремонностью; они старались стащить с кораблей д'Антркасто все, что можно было взять.

Во время своего пребывания в Новой Каледонии д'Антркасто ничего не удалось узнать о Ла-Перузе. Однако некоторые туземцы утверждали, что к их острову подходили несколько лет

тому назад два корабля; но достоверность этого сведения установить не удалось. От Новой Каледонии д'Антркасто направился к островам Мулена, Гюона и Санта-Круц. На юго-восток от этого острова он заметил остров, не помеченный на картах. Не подходя к этому острову, д'Антркасто дал ему название «Поиск». Если бы

Празднество на островах Дружбы в честь прибытия д'Антркасто. (Снимок с рисунка из книги Биллардьера, изд. 1796 г.).

он пристал к этому берегу, то он, без сомнения, нашел бы на острове следы экспедиции Ла-Перуза. Это был остров Ваникоро— небольшой островок, окруженный коралловыми рифами, на которых потерпели крушение оба корабля Ла-Перуза—«Буссоль» и «Астролябия». Нужно предполагать, что в то время на этом

острове жили еще некоторые из участников злополучной экспедиции, которым удалось спастись.

Однако д'Антркасто не суждено было выполнить возложенной на него задачи. Даже и на этот раз, когда он был так близко к цели, он прошел мимо нее. Покров тайны, скрывавший судьбу Ла-Перуза и его товарищей, был приподнят лишь впоследствии, спустя еще много лет...

Осмотрев довольно тщательно южную оконечность острова Санта-Круц, экспедиция направилась к Земле Арзакидов, открытой Сюрвилем. После утомительного и опасного плавания среди множества низменных островов, подводных скал и отмелей французские корабли достигли берегов Новой Гвинеи, откуда д'Антркасто поплыл к берегам Новой Британии. Адмирал, давно уже страдавший цынгой и дезинтерией, находился в это время уже в совершенно безнадежном положении. Уступив просьбам своих спутников, он согласился перейти на более быстроходный корабль «Поиск», чтобы как можно скорее достичь острова Вайгиу, где находилась голландская колония и где можно было рассчитывать получить медицинскую помощь. На другой день по прибытии к этому острову, а именно, 20 июля 1793 года, д'Антркасто скончался после тяжких страданий.

После смерти адмирала его спутники решили возвратиться во Францию, но в это время между Францией и Голландией вспыхнула война, и поэтому голландский губернатор одного из Молуккских островов задержал французские корабли, объявив французских мореплавателей пленными. В 1794 году голландцы отпустили на свободу французских мореплавателей, и «Надежда» и «Поиск» под начальством старшего лейтенанта Росселя направились во Францию. На этот раз экспедиция была захвачена в плен англичанами. Так кончилось злополучное плавание «Поиска» и «Надежды». Главная цель, имевшаяся ввиду при снаряжении экспедиции—отыскание следов экспедиции Ла-Перуза,—не была вовсе достигнута. Однако эта экспедиция имела некоторые научные заслуги; экспедицией были сделаны некоторые географические открытия; ею были собраны, пополнены и проверены открытия других мореплавателей. Благодаря трудам естествоиспытателя Биллардьера, одного из участников экспедиции, во время плавания были собраны богатые коллекции по естественной истории. Географом экспедиции Бопрэ было составлено много карт, на которых впервые точно обозначено положение многих островов Великого океана. В память научных заслуг д'Антркасто его именем был назван пролив между Тасманией и островом Бруни, кроме того, его имя носят одна группа островов Великого океана и один мыс на западе Австралии.

XVI.

Кругосветное путешествие капитана Маршана.—Открытие им островов Нукагивы и Революции.—Исследование Бассом и Флиндерсом берегов Австралии.—Экспедиция капитана Бодена.

События Великой Французской Революции и последовавшие за нею войны на континенте Европы прекратили снаряжение французами экспедиций для открытия новых земель. За весь период Революции французами было совершено только одно кругосветное путешествие, да и то предпринятое по частной инициативе одного капитана купеческого торгового судна Этьена Маршана. Маршан предпринял кругосветное путешествие с чисто коммерческими целями, но неожиданно для себя ему удалось сделать в Великом океане несколько открытий. Он, между прочим, открыл остров Нукагиву и несколько других, причисляемых теперь к группе Маркизских островов, названных Маршаном — островами *Революции*.

С того времени, как Абель Тасман открыл западный берег Новой Голландии (Австралии), многие мореплаватели, как мы видели выше, занимались исследованием берегов этого далекого материка. Капитан Кук осмотрел во время своих плаваний все восточное побережье, открыл Эндеверов пролив и настоятельно предлагал английскому правительству основать колонию в Ботанибее. В 1788 году эскадра под начальством адмирала Филиппа, прибывшая в Австралию с ссыльными преступниками, основала на австралийском берегу порт Джэксон, что и послужило началом английского владычества в Австралии. В 1795 и в 1796 гг. мичман Флиндерс и хирург Басс па небольшом судне, называвшемся «Том-Пус», исследовали на протяжении 20 миль реку Георга и в подробности осмотрели окрестное побережье. В 1797 году Басс открыл обширный порт, которому дал название, вследствие его положения, «Западного».

В 1798 году Басс, сопровождаемый Флиндерсом, открыл пролив, отделяющий материк Австралии от Тасмании. Этот пролив носит теперь название Бассова пролива. На небольшой шкуне, всего в 25 тонн водоизмещения, Басс и Флиндерс обогнули всю Вандименову Землю. Сведения, доставленные этими мореплавателями относительно рек и приморских портов Тасмании, имели весьма важное значение для колонизации этого острова. По своем возвращении в Англию мичман Флиндерс был немедленно произведен в чин старшего лейтенанта и назначен командиром судна «Исследователь» (Инвестигетор). Это судно было предназначено специально для исследования австралийского побережья. Флин-

дерсу поручено было осмотреть, главным образом, южный и северо-западный берег Австралии, залив Карпентария и Торресов пролив.

Французское правительство также сильно интересовалось Новой Голландией. Эта загадочная страна, отличавшаяся своеобразной фауной, покрытая в некоторых местах лесами громадных евкалиптов, а в других областях занятая пустынями, поросшими лишь тощей колючей травой, интересовала также и большинство ученых и исследователей. Вследствие этого французская Академия Наук предложила правительству отправить для исследования австралийского материка и окружающих его островов специальную экспедицию. Французское правительство приняло это предложение и, с своей стороны, предложило Академии Наук избрать 24 человека ученых, специалистов по разным научным отраслям, для исследования австралийского мира.

Французское правительство снарядило для плавания в Австралию два корабля—«Географ» и «Натуралист», под начальством капитана Бодена. Кроме надлежащих запасов провианта, корабельных снастей и т. п., на обоих кораблях имелись коллекции астрономических и физических инструментов, а также библиотеки, составленные из лучших сочинений по всем отраслям знания.

19 октября 1800 года оба корабля вышли из Гавра и, после кратковременной стоянки на острове Тенерифе, направились на Иль-де-Франс (остров Маврикия). Продолжительный переход из Европы на Иль-де-Франс подорвал здоровье экипажа, вследствие чего капитан Боден вынужден был сделать на Иль-де-Франсе продолжительную остановку. Он решил начать свои исследования с северо-западного берега Новой Голландии, но упустил из вида, что, поступая таким образом, ему придется спуститься в южные широты и исследовать Вандименову Землю в самое неблагоприятное время года.

27 мая мореплаватели увидали перед собою низменный, песчаный и пустынный берег Новой Голландии. Боден последовательно осмотрел и нанес на карты бухту Географа, мыс Натуралиста, Бухту Депюша и мыс Пике. Вскоре наступила неблагоприятная погода. Поднялся сильный порывистый ветер. Пошел мелкий дождь, и появился туман. В этом тумане оба корабля Бодена потеряли друг друга из вида, и «Географ» встретился с «Натуралистом» лишь спустя много времени на островеТиморе.

Боден на «Географе» исследовал прибрежье земли Эндрахта и берег земли де-Витта, простирающийся от Северо-Западного мыса до земли Арнгейма. Исследование этого пустынного побережья было закончено открытием архипелага Бонапарта, лежащего под 13° 25′ южн. широты и 123° 30′ восточн. долготы (считая-

от парижского меридиана). В это время запасы провизии и воды на «Географе» подходили к концу. Среди матросов распространилась цынга; кроме того, нужно было выяснить участь, постигшую «Натуралиста». Все это вместе взятое побудило Бодена направиться к острову Тимору, где «Географ» и бросил якорь 22 августа на Купанском рейде. 21 сентября к Тимору пришел и «Натуралист». Попутно командир «Натуралиста», капитан Гамелен, исследовал острова Ротнест и Дирк-Гатихс; на этом последнем капитан Гамелен нашел две оловянные тарелки с вырезанными на них голландскими надписями. Надпись на одной тарелке гласила, что 25 октября 1616 года остров этот был посещен амстердамским кораблем «Эндрахт». Другая же надпись свидетельствовала о пребывании на этом острове в 1697 году корабля «Геельвинг» под командой капитана Флеминга.

Капитан Боден совершенно изменил план плавания, выработанный Академией Наук. После того, как он исследовал северо-западное побережье Австралии, ему приходилось теперь итти к Вандименовой Земле. Отплыв 13 ноября 1801 года из Тимора, французские мореплаватели увидели перед собою ровно через два месяца берег Вандименовой Земли. Во время этого двухмесячного плавания на кораблях распространилась цынга. Капитан Боден выпужден был пробыть на Вандименовой Земле целый месяц. В это время были произведены съемки и исследования северо-восточного и восточного побережья острова. От Вандименовой Земли Боден направился вдоль юго-западного берега Австралии, где был известен до этого времени лишь один участок— от мыса Левин до островов Петра и Франциска. Здесь были последовательно исследованы и нанесены на карту остров Латрель, мыс горы Фавора, мыс Фолар, бухта Декарта, мыс Буфлера, бухта Эстепа, бухта Ривола и мыс Монжа. В это плавание «Географ» и «Натуралист» снова разъединились. «Географ» несколько дней разыскивал «Натуралиста», но безуспешно. 10 марта с «Географа» заметили на горизонте далекий корабль. Капитан Боден отдал приказ итти навстречу этому кораблю, думая, что это «Натуралист». Однако это оказался английский корабль «Исследователь», посланный английским правительством под командой лейтенанта Флиндерса для исследования берегов и островов Новой Голландии.

Между тем в южном полушарии в это время настала зима. Погода на море все время стояла скверная. Среди экипажа «Географа» распространилась цынга. Более половины матросов не были уже в состоянии исполнять свои служебные обязанности. 20 мая «Географ» стал на якоре в бухте Адвенчер; после кратковременной остановки капитан Боден направился в порт Джэксон, где надеялся получить врачебную помощь со стороны ан-

глийской колонии. Здесь «Географ» встретил «Натуралиста», прибывшего сюда незадолго перед приходом «Географа».

Капитан Боден решил послать «Натуралиста во Францию с отчетами о своем плавании и с естественно-историческими коллекциями. Вместо «Натуралиста» для дальнейшего плавания с «Географом» он купил в Порт-Джэксоне небольшое судно, названное им «Казуарина». «Казуарина» сидела очень мелко в воде и поэтому была удобна для прибрежного исследования.

«Географ» и «Казуарина» вышли из Порт-Джаксона 18 ноября 1802 года. В течение этого плавания капитан Боден осмотрел и исследовал остров Кинга, острова Гунтерн, северо-западную часть Вандименовой Земли и другие острова. После этого плавания капитан Боден 3 мая 1803 года прибыл вторично к острову Тимору, откуда отплыл на Иль-де-Франс. Вскоре по прибытии на этот остров он скончался 16 сентября 1803 года. После смерти Бодена «Географ» продолжал свой путь и 23 марта 1804 года прибыл в порт Лориана, в Бретани. На «Географе» естествоиспытателями Пероном и Лезюером были привезены богатые коллекции австралийских животных и растений. Много птиц и зверей были привезены живыми. Большинство животных и растений, привезенных на «Географе», были неизвестны до того времени в Европе, что еще более увеличивало ценность этих коллекций. Что касается географических и гидрографических трудов Боденовской экспедиции, то они имеют также весьма важное научное значение. Эти труды осветили много вопросов и способствовали ознакомлению европейцев с австралийским материком и его островами.

XVII

«Русский Колумб» — Шелехов. — Путешествие Шелехова в Америку. — Начало русской колонизации в Америке.

Русские промышленники, плавая по Охотскому морю и охотясь за пушным зверем и за морским котиком на островах Великого океана, не задавались, однако, целью основывать на этих островах русские колонии. Лишь к концу XVIII столетия сибирский промышленник Григорий Иванович Шелехов решил основать постоянные колонии не только на островах Великого океана, но и на самом материке Северной Америки. Шелехов был не просто только русским промышленником — мореходом, но и вообще предприимчивым человеком. Он понимал всю важность и значение американского побережья и решил во что бы то ни стало присоединить это побережье к русским владениям.

Г. И. Шелехов, родившийся в городе Рыльске (Курской губ.) в 1747 г., еще совсем молодым человеком отправился в Сибирь «искать счастья». Имея небольшое состояние, молодой Шелехов некоторое время служил приказчиком у сибирского купца Голикова, а затем вошел в торговое дело Голикова, как пайщик. Обладая большой энергией, Шелехов уговорил Голикова снарядить два или три судна «на аляскинскую землю, называемую американскою, на знаемые и незнаемые острова для производства пушного промысла и всяких поисков и заведения добровольного торга с туземцами».

Купец Голиков, хорошо зная деловой характер Шелехова, решил последовать его совету и в компании с ним построил судно «Святой Павел», поручив начальство над ним Шелехову. В 1776 году Шелехов отправился на «Павле» в Великий океан. Он находился в плавании целых 4 года и возвратился в Охотск с богатой добычей, состоявшей из 1.000 шкур морских бобров, 1.580 песцов голубых, 34.000 шкур морских котиков, 1000 пудов моржовых клыков и 500 пудов китового уса. Все это было добыто Шелеховым с 40 человеками, составлявшими его экипаж; добыча эта по ценам того времени представляла ценность не менее 75.000 рублей.

Ввиду богатства открытых Шелеховым островов, у него явился план удержать за Россией новооткрытые острова в Великом океане и заселить их русскими поселенцами. Так как собственных средств у Шелехова нехватало для осуществления этого обширного плана, то он основал особую компанию с крупным капиталом. На средства этой компании были построены три корабля: «Архистратиг Михаил», «Три святителя» и «Симеон богоприимец и Анна пророчица».

16 августа 1783 года эти суда под начальством Шелехова вышли из Охотска. Шелехов находился на корабле «Три святителя». С ним вместе отправилась и его жена. Миновав Камчатку и остров Сумшу, Шелехов остановился на зимовку на острове Беринга, а весною следующего года, после остановки на острове Медном, он отправился к Алеутским островам. 13 июля 1784 года Шелехов пристал к Уналашке. Взяв здесь 10 человек алеутов, которые могли бы быть переводчиками, Шелехов вышел в океан и 24 августа прибыл в гавань на острове Кадьяк, которую он назвал «Трехсвятительской». Остров Кадьяк—самый большой из островов, прилегающих к материку Америки. Он был населен особым народом, который называл себя «конигами». Коniги встеретили русских крайне враждебно, но Шелехов, несмотря на то, что его экипаж состоял всего лишь из двухсот человек, нанес конигам сильное поражение. Поселившись затем на Кадьяке, Шелехов умным и ласковым обращением с жителями сумел привлечь их к себе.

Прожив на Кадьяке почти год, Шелехов ознакомился с соседними островами и построил на острове Афогнак небольшое укрепление. Летом 1785 года он решил ехать обратно в Охотск. Поручив управление небольшой русской колонией на Кадьяке своему товарищу Самойлову, Шелехов отправился по направлению к Камчатке. 8 августа 1786 года он прибыл в Большерецк и только в апреле 1789 года добрался до Иркутска.

Г. И. Шелехов.

Весть об открытиях Шелехова и об основании им колонии близ американских берегов дошла из Иркутска до Петрограда, и Екатерина II пожелала лично познакомиться с предприимчивым и отважным промышленником.

По возвращении из Петрограда в Иркутск, Шелехов предпринял снаряжение двух судов для дальнейших открытий. Одно судно должно было исследовать Курильские острова, а другое—побережье Америки. Командирам этих судов—штурманам Измайлову и Бочарову—было предписано «утверждать власть ее величества во всех вновь открытых пунктах».

Между тем сам Шелехов энергично стремился расширить деятельность русских на Алеутских островах и на Кадьяке. В 1790 году он основал две новых компании; одна из этих компаний получила название «Северо-восточной», а другая «Предтеченской» (по имени судна, снаряженного для промысла). Вслед за этим Шелехов образовал третью компанию—«Уналашкинскую». Эти компании вывезли с Алеутских островов и берегов Америки бесчисленное множество дорогих шкур и большое количество моржовых клыков и китового уса. Торговля этими товарами позволила Шелехову и его товарищам нажить громадные состояния. Но Шелехов думал не только о своей личной наживе; главной своей целью он считал упрочение за Россией новооткрытых земель. Вследствие этого он заводил на Кадьяке и на других островах русские школы и старался укрепить русское влияние. Для обучения туземцев ремеслам и земледелию, по просьбе Шелехова, на остров Кадьяк были отправлены 20 человек из ссыльных, знавших разные ремесла, и 10 семейств хлебопашцев.

В 1794 году Шелехов основал новую торгово-промышленную компанию, «Северо-Американскую», имея ввиду занятие американского побережья и основание на этом побережьи русских колоний. Однако это предприятие Шелехову не удалось осуществить; он неожиданно скончался в Иркутске 20 июля 1795 года, на 48 году своей жизни. Знаменитый русский поэт Державин, узнав о смерти Шелехова, написал стихотворение, которое он хотел, чтобы было помещено на могильном камне Шелехова. Державин называет в этом стихотворении Шелехова «русским Колумбом»; он говорит:

Колумб здесь русский погребен.
Преплыл моря, открыл страны безвестны,
Но зря, что все на свете тлен,
Направил паруса во океан небесный.

Родной город Шелехова, Рыльск, не забыл своего знаменитого гражданина.—24 августа 1903 года в Рыльске был открыт памятник Шелехову.

XVIII.

Плавание штурмана Прибылова.

Охотясь за морскими зверями в Беринговом море и на Алеутских островах, русские промышленники XVIII века скоро заметили, что морские котики время от времени совершают переселения куда-то на север, а затем возвращаются на Алеутские острова, сопровождаемые в большом количестве молодыми жи-

вотными. Эти переселения котиков заставляли промышленников предполагать существование к северу от Алеутских островов какой-нибудь земли, где морские коты устраивают свои лежбища.

Для выяснения этого предположения в июне 1786 года промышленник Лебедев-Ласточкин снарядил судно под командой опытного штурмана Прибылова. Штурман Гаврила Прибылов взял курс на север от Алеутских островов и вскоре открыл неизвестный до того времени остров, который он назвал островом Святого Георгия. На этом острове Прибылов решил перезимовать, чтобы на следующее лето продолжать дальнейшие исследования. На этот раз Прибылову удалось открыть еще несколько островов, которым он дал наименования «Св. Павла», «Медвежьего», «Бобрового» и «Моржевого». Вся эта группа островов называлась также Новыми, Лебедевскими, Северными и Котовыми. Но впоследствии они получили название в честь штурмана Прибылова—Прибыловых; под этим названием они известны и в наше время.

Во время открытия Прибыловым этих островов все они были необитаемы, но вскоре после плавания Прибылова сюда переселились алеуты, которые и в настоящее время населяют их

XIX.

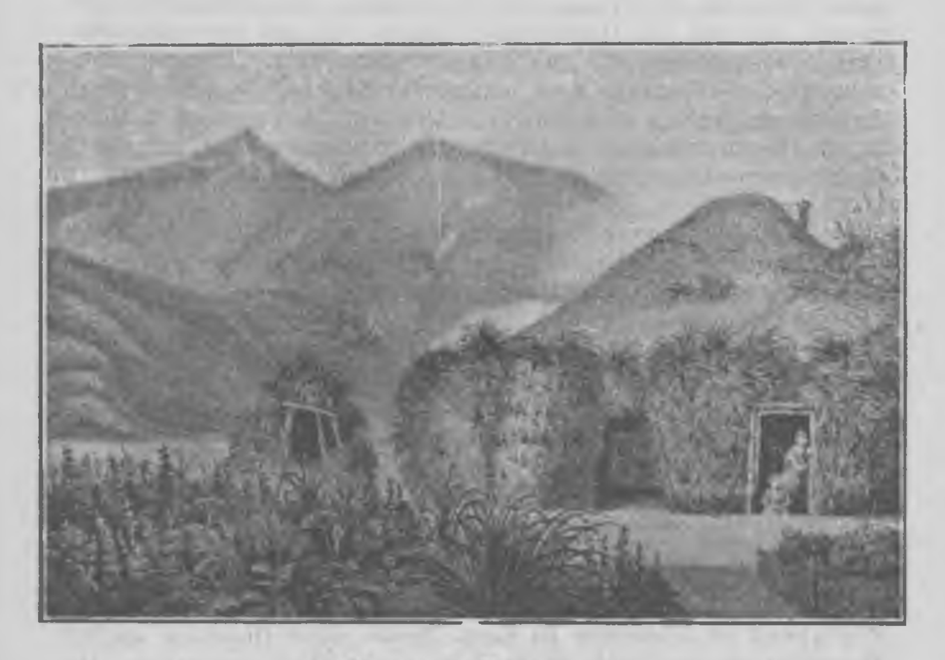
Судьба русских северо-американских владений после смерти Шелехова.

После смерти Шелехова колонизация северо-американских островов не остановилась. Преемником Шелехова в этом отношении явился каргопольский купец Баранов, приглашенный еще самим Шелеховым на службу в «Северо-восточную компанию». 18 августа 1790 года Баранов заключил условие с Шелеховым и получил от компании 10 паев. После этого Шелехов послал Баранова на Алеутские острова на судне «Три святителя». На пути Баранов был застигнут бурей, которая потопила его корабль, и он сам с трудом спасся на обломках и добрался до острова Уналашки. На Уналашке Баранов провел 8 месяцев, подвергаясь разного рода лишениям.

Однако он не упал духом и с несколькими своими товарищами построил на Уналашке три байдары, на одной из которых прибыл на остров Кадьяк 27 июля 1791 года; две же другие байдары, под командой штурмана Бочарова, Баранов послал для исследования северного берега полуострова Аляски. Начав исследование с Иссанахского пролива, Бочаров довел свое исследование по северному берегу полуострова до реки Квийчак и затем возвратился на Кадьяк.

Вскоре по вступлении своем в должность правителя кампании, Баранов, ввиду неудобств Трехсвятительской гавани, решил перевести все промысловые заведения в Чиниакскую губу, где он нашел удобную гавань и заложил укрепления, назвав их Павловскими.

Весною 1793 года Баранов с 30 русскими промысловыми рабочими на двух больших байдарах отправился в Кенайский и Чугацкий заливы для исследования американского побережья. В заливе Нучек на отряд Баранова ночью напали колоши, но

На острове Уналашке.

он спасся, «хотя,—рассказывает он,—рубаха моя проколота копьем, и стрелы вокруг падали, но не вредили; ибо во сне я, вскоча, не имел времени одеться, покуда метался, подкрепляя людей и действуя пушкою на все стороны, где более опасности настояло». В Чугацком заливе Баранов избрал одну из гаваней, названную им Воскресенскою, и там устроил верфь для постройки судов. Летом 1794 года там было спущено на воду трехмачтовое двухпалубное судно в 180 тонн, «Феникс», которое и было отправлено в Охотск с пушным товаром. К лету 1795 года были готовы еще два судна—«Дельфин» и «Ольга».

После смерти Шелехова все отдельные компании—«Северо-Американская», «Северо-Восточная», «Уналашкинская» и «Предтеченская» образовали одну большую «Российско-Американскую торгово-промышленную компанию». Баранов был назначен главным управляющим этой компании. Павел I дал «Российско-Американской компании» привилегию на 20 лет вести торговлю, основывать промыслы, открывать разные заведения на островах Великого океана и самом материке Северной Америки. Акции «Российско-Американской компании» были приобретаемы и лицами царствующего дома, и Павел I принял эту компанию под свое покровительство. С этого времени русское правительство стало командировать на службу компании флотских офицеров, которые заместили неопытных, неученых мореходов на компанейских судах.

Отправляя постоянно с 1796 года промысловые партии в проливы, прилегающие к острову Ситхе, Баранов убедился скоро в удобстве его положения и поэтому решил перебраться с Кадьяка на Ситху. Зимою 1799 года он возвел на Ситхе укрепление, построил несколько домов для себя и для рабочих. Дела компании улучшались с каждым годом, и промыслы давали огромные барыши. Так, на трех судах, прибывших в Охотск в 1803 году, доставлено было мехов почти на два с половиною миллиона рублей по тогдашним ценам. Однако недостаток судов, затруднительность перевозки товаров и припасов через всю Сибирь приводили часто компанию в совершенную невозможность своевременно снабжать всем необходимым русские американские колонии. Вследствие этого колонисты-промышленники часто терпели острую нужду в хлебе, порохе и огнестрельном оружии. Для устранения подобного положения решено было, по проекту министра коммерции графа Н. П. Румянцева, снарядить специальную экспедицию и отправить ее из Балтийского моря на Аляску и Кадьяк, чтобы исследовать морской путь из России в американские колонии. Командовать двумя кораблями экспедиции были назначены лучшие флотские офицеры того времени—капитан-лейтенанты Ю. Ф. Лисянский и И. Ф. Крузенштерн. Вместе с экспедицией на этих же судах было отправлено особое посольство к японскому двору. Оба корабля—«Надежда» и «Нева»—вышли в кругосветное плавание 21 июля 1803 года; более подробно об этом *первом* русском кругосветном плавании мы скажем дальше, когда будем говорить о путешествиях XIX кека.

Здесь же мы перейдем к дальнейшей истории русских колоний в Северной Америке. В течение первых десятилетий управления колониями Барановым он успел сделать очень много. Он возвел на многих островах и на самом американском побережье много укреплений и селений. Промысловые артели были

расположены преимущественно при укреплениях. В русских селениях на Уналашке и на Кадьяке находились особые управляющие островами, подчиненные главному правителю колоний Баранову. Баранов установил торговые сношения с Калифорнией, с Филиппинскими островами и с Китаем. Он установил также торговлю и с Сандвичевыми островами, король которых, Томеомео, намеревался даже сам приехать к Баранову на остров Ситху, в Новоархангельск.

После смерти Баранова, умершего в 1819 году на пути в Россию близ острова Явы, дела Российско-Американской компании пошли значительно хуже. В пределах русско-американских владений стали охотиться американские и английские промышленники, подрывая этим самым развитие русских промыслов. За дальностью расстояния русский флот не мог охранять интересы русских промышленников.

После севастопольской войны у России сильно обострились отношения с Англией, и английские промышленники, звероловы и китоловы, безнаказанно стали появляться в русских северо-американских водах. У русского правительства возникло в средине 60-х годов вполне основательное предположение о том, что англичане могут захватить все русские северо-американские колонии.

Американцы, узнав об этих опасениях, тотчас же решили воспользоваться благоприятным моментом и предложили русскому правительству продать все русские владения в Америке.

После недолгих переговоров, 17 марта 1867 года в Вашингтоне было получено от Александра II разрешение на продажу полуострова Аляски и всех северо-американских русских островов за 7 миллионов долларов. 200 тысяч долларов было прибавлено на удовлетворение интересов частных лиц.

18 марта 1867 года был написан и заключен договор продажи, а 18 октября 1867 года состоялась фактическая передача русских колоний американцам.

В настоящее время полуостров Аляска является одним из крупных центров по добыче золота, и американцы, заплатив за нее и за все острова, бывшие во владении русских, 15 миллионов рублей, получили за пятьдесят лет дохода от этих областей более чем во сто раз заплаченной суммы.

XX.

Экспедиция капитана Ванкувера.

После трагической смерти капитана Кука англичане не прекратили дальнейших исследований Великого океана. В 1789 г. английское правительство послало экспедицию к северо-западным

берегам Америки, а в 1791 г. была снаряжена новая экспедиция в Великий океан, под начальством капитана Джорджа Ванкувера, принимавшего участие во втором и третьем путешествии капитана Кука. Ванкувер отправился в плавание на двух кораблях «Открытие» и «Чатам», сначала к мысу Доброй Надежды, а оттуда—к югу, затем взял курс к Новой Голландии. 27 сентября 1791 г. Ванкувер был уже около берегов Новой Голландии, где сделал остановку в порте короля Георга III.

26 октября английские корабли обогнули Вандименову Землю, а 2 ноября были уже у берегов Новой Зеландии. Ванкувер зашел в Мрачную бухту и закончил здесь гидрографическую съемку, начатую еще Куком. Вскоре по выходе из Мрачной бухты корабли Ванкувера были разъединены бурей, и «Открытие» встретилось с «Чатамом» лишь в Матавайском порте, на острове Таити. На пути от Новой Зеландии к этому острову Ванкувер открыл несколько островов.

24 января 1792 года оба корабля Ванкувера отплыли из Матавайской бухты на Таити к Сандвичевым островам. После недолгой остановки на этих островах, Ванкувер направился к берегам Америки и вскоре увидел перед собою ту часть американского побережья, которую Фрэнсис Дрек назвал Новым Альбионом. Здесь он встретился с капитаном Греем, посланным на корабле «Вашингтон» еще в 1789 году для исследования американского побережья.

После этого Ванкувер пошел в пролив Хуана-де-Фука, осмотрел там и нанес на карту—порт Открытия, канал Адмиралтейства, Березовую бухту, канал Отчаяния, пролив Джонстона и Архипелаг Броутона. Английские корабли встретились в проливе с испанской экспедицией под начальством капитана Квадры. Ванкувер и Квадра сообщили друг другу результаты произведенных ими гидрографических съемок и назвали с общего согласия своими именами главный из многочисленных островов архипелага, обозначенного на картах под названием Новой Георгии.

Посетив затем Нуткинский залив и устье реки Колумбии, Ванкувер зашел в Сан-Франциско. Из Нуткинского залива он отправился в обратный путь и, сделав остановку в порте Вальпарайзо, в Южной Америке, обогнул затем мыс Горн, после чего вернулся благополучно 12 сентября 1795 года в устье Темзы. Плавание Ванкувера продолжалось более четырех лет. Трудности этого длинного путешествия настолько расстроили здоровье Ванкувера, что он по приезде в Англию серьезно заболел. Ванкувер скончался в мае месяце 1798 года, не успев обработать описание своего путешествия. Труд этот был закончен братом Ванкувера. В продолжение четырехлетнего плавания Ванкувером было исследовано и снято на карту более 9.000 миль неизвестного

до того времени западного американского побережья. Имя Ванкувера сохранилось в названии одного острова близ западного берега Северной Америки, лежащего между 40° и 50° сев. широты. Название Ванкувера носит также и один мыс на восточном берегу Берингова пролива. Имя Ванкувера носит также город и порт на берегу Великого океана в Британской Колумбии, где кончается линия Канадской Тихоокеанской железной дороги.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Исследование внутренних областей Африки, Азии и Америки в XVIII столетии.

I.

«Черный» материк и его тайны. — Первые путешественники-исследователи Африки.—Томас Шоу в Алжире и Тунисе.—Путешествие Горнемана.—Экспедиция Адансона.—Путешествие Гоугтона.

Вторая половина XVIII столетия ознаменовалась в области географических исследований перемещением центра тяжести географического исследования с океана на сушу.

К концу XVIII века обширные океанические пространства более или менее были обследованы, очертания берегов материковых частей и островов были нанесены на карты. Но внутренние области самих материков — Африки и Америки, а отчасти и Азии—были совершенно неизвестны.

Вследствие этого на картах того времени внутренние части Африки и Америки оставались совершенно пустыми или же заполнялись фантастическими реками, горами и т. п. Когда французский картограф Д'Анвиль решил в 1768 г. издать карту Африки и поместить на ней только действительно известные пункты и местности, то его карта Африки оказалась почти совершенно пустой. Эта карта отчасти побудила исследователей и путешественников заняться устранением пробелов, что и привело к вопросу о более детальном изучении «Черного» материка.

Для поощрения и развития путешествий по Африке в Англии 9 июня 1788 г. было основано «Общество для содействия открытиям внутренних областей Африки». В конце XVIII в. это общество снарядило несколько экспедиций в Африку.

Одним из первых исследователей и путешественников по Африке в XVIII веке был английский священник Томас Шоу, состоявший капелланом британского консульства в Алжире. Во время своего 12-летнего пребывания в Алжире, Шоу посе-

тил многие местности северной Африки и собрал богатую коллекцию надписей и других предметов. В то же время он знакомился с жизнью и обычаями арабов и кабилов. Обо всем этом Шоу написал большое сочинение со многими рисунками. Это сочинение со своей стороны способствовало росту интереса к Африке, к ее природе и жителям.

Из посланных Африканским обществом путешественников нужно прежде всего упомянуть о немецком ученом Фридрихе Горнемане и шотландском враче Мунго-Парке. Фридрих Горнеман жил долгое время в Каире, где изучил арабский язык. Чтобы лучше ознакомиться с бытом африканских народов, Горнеман решил переодеться мусульманским купцом. Он выучил наизусть некоторые наиболее употребительные среди арабов молитвы и усвоил внешние приемы египетских торговцев. В спутники себе Горнеман взял немца Иосифа Фрейденбурга, который жил долгое время в Каире и перешел в мусульманство. Фрейденбург согласился служить Горнеману переводчиком.

Выступив 5 сентября 1792 года с купеческим караваном из Каира, Горнеман посетил прежде всего знаменитый оазис Юпитера Аммона. Оазис этот, называемый теперь Сивах, лежит к западу от Египта, в Ливийской пустыне. Местечко Сивах расположено на скале, в которой жители вырыли себе жилища. Оазис Сивах занимает довольно большое пространство; самой плодородной его частью является долина, имеющая до 50 миль в окружности. Благодаря достаточному орошению, здесь в изобилии родится пшеница, разные овощи и фрукты.

Пробыв неделю в Сивах, Горнеман отправился в Шиаху. Там местные жители заподозрили Горнемана в том, что он—христианин и французский шпион. Его арестовали и привели к шейху. Горнеман спасся лишь благодаря присутствию духа и прекрасному знанию арабского языка. Он прочитал перед шейхом главу из Корана и убедил самого шейха и его приближенных, что он—купец из Египта.

Продолжая свой путь через пустыню, Горнеман 17 ноября достиг города Мурзука, столицы Феццана. Мурзук являлся не только столицей Феццана, но и весьма важным торговым пунктом. Сюда привозились товары из Каира, Бенгази, Триполи, Радамеса, Туата и Судана. В Мурзуке умер спутник и товарищ Горнемана, Фрейденбург, а сам Горнеман заболел сильной лихорадкой и вынужден был отправиться в Триполи, где была небольшая колония европейцев и где он мог найти медицинскую помощь.

1 декабря 1799 года Горнеман снова отправился в Мурзук, откуда 7 апреля 1800 года с одним торговым караваном направился в Борну для дальнейших исследований. Неизвестно, как далеко удалось проникнуть Горнеману в глубь Африки.

Африканское общество не получало после этого от Горнемана никаких известий, и отважный путешественник пропал без вести.

Африканский материк со второй половины XVIII столетия до второй половины XIX являлся как бы сильной крепостью, на завоевание которой шли десятки и сотни отважных исследователей. Большинство первых африканских исследователей погибли в дебрях черного материка, те же, которым удавалось вернуться, большею частью бывали вынуждены возвращаться с половины дороги.

Из французских путешественников-исследователей следует упомянуть о натуралисте Адансоне. Адансон является первым естествоиспытателем, исследовавшим растительный мир тропической Африки. Адансон на свой счет отправился в Сенегал, где прожил около 5 лет, совершая большие экскурсии в глубь страны. Во время этих путешествий он собрал богатейшие коллекции африканских растений, животных и минералов. Наука обязана Адансону первыми точными сведениями о баобабе, дереве-великане, названном в честь его «адансонией». Заметки Адансона чрезвычайно интересны, но имеют мало чисто географических сведений, так как внимание ученого было направлено в другую сторону.

Совершенно иной характер носит путешествие англичанина Гоугтона. Капитан Гоугтон служил в молодости при английском посольстве в Марокко, где и мог ознакомиться с жизнью мавров и сенегальских негров. Он предложил в 1790 году Лондонскому Африканскому обществу свои услуги, чтобы исследовать течение реки Нигера и, осмотрев наиболее достопримечательные города в Судане, вернуться на побережье Средиземного моря через Сахару. Африканское общество приняло это предложение, и 16 октября 1790 года Гоугтон покинул Англию. 10 ноября он высадился на берег Африки, близ устья Гамбии. Отсюда он поднялся вверх по Гамбии на 300 миль, затем прошел сухим путем остальную часть Сенегамбии и прибыл, наконец, в город Гопка-Конду, в стране Яни. Здесь Гоугтон купил у одного негра лошадь и 5 ослов, на которых навьючил разного товару, который мог бы служить ему на пути вместо денег. Из Гонка-Конду Гоугтон отправился в город Медину, столицу небольшого государства Вулли.

Из Медины Гоугтон решил добраться до Тимбукту. Он взял в проводники несколько негров. Прибыв в городок Симбинг, пограничный пункт Людамарского царства, Гоугтон был покинут неграми-проводниками, отказавшимися следовать за ним в страну мавров. Оставшись один, он тем не менее продолжал свой путь. Прибыв в Жарру, он познакомился там с несколькими мавритан-

скими купцами, ехавшими за солью в Тишет, находившийся на границе пустыни Сахары. Гоугтон присоединился к этим маврам, но по дороге эти новые спутники Гоугтона ограбили его; неизвестно, был ли Гоугтон брошен маврами на произвол судьбы в пустыне, где он погиб с голоду, или же мавры просто убили его. Мунго Парку арабы показывали место в пустыне, где был найден труп Гоугтона. Утрата путевых заметок и наблюдений Гоугтона, была важным лишением для географической науки. Лишь очень немногие заметки Гоугтона, посланные им с пути в Англию, были напечатаны в «Записках» Лондонского Африканского Общества.

II.

Путешествие по Африке Мунго-Парка.

Лондонское Африканское Общество избрало своей первой задачей разрешение вопроса о реке Нигере. Исследовать область Нигера оно и поручило-было капитану Гоугтону, о котором мы говорили выше. Но мы видели, что экспедиция Гоугтона окончилась печально. Гоугтон был или убит, или же умер от голода в пустыне, не добравшись до Нигера и не разрешив таким образом поставленной задачи. Вследствие этого в 1795 году Африканское Общество снарядило в Африку, для исследования области Нигера, шотландского врача Мунго-Парка.

Мунго-Парк, занимая место корабельного врача на одном английском военном судне, узнал, что Африканское общество ищет путешественника, который решился бы подняться вверх по течению реки Гамбии и проникнуть оттуда в глубь африканского материка. Мунго-Парк, давно уже желавший ознакомиться с естественными богатствами внутренней Африки, а также с нравами и обычаями ее населения, предложил Африканскому Обществу свои услуги. 22 мая 1795 года он уже отплыл из Портсмута в Африку. Прибыв в Жиллифри при устье Гамбии, Мунго-Парк поднялся вверх по течению этой реки до местечка Пизании, где жил один английский колонист. Здесь Мунго-Парк принялся за изучение наиболее употребительного между туземцами мандингского наречия.

2 декабря 1795 года Мунго-Парк, в сопровождении двух переводчиков-негров и нескольких носильщиков с багажом отправился в глубь страны. Он достиг благополучно городка Медины, а затем добрался до берегов реки Фалемэ, которая вытекает из Далабских гор. 31 декабря Мунго-Парк был в городе Тизи, находившемся в пределах Кассонского царства, плодородной, богатой и густо населенной страны. 22 февраля он при-

был в город Жарру. Отправившись далее, он был ограблен по дороге маврами, которые отвели его затем к людамарскому царьку в местечко Бену.

«Сидя на черной сафьянной подушке, царек,—говорит Мунго-Парк,—собственноручно подстригал себе усы; он был уже

Мунго-Парк (Из книги «Второе путешествие Мунго-Парка во Внутреннюю Африку»)

в преклонных годах, что ясно показывала длинная, седая его борода; звали его Али. Али-баба долго и пристально смотрел на меня, а затем, обратившись к маврам, которые привели меня к нему, спросил, говорю ли я по-арабски. Они отвечали отрицательно. Вследствие этого Али-баба не стал меня расспрашивать, а распорядился запереть меня в отдельную комнату».

Английский путешественник, сидя в плену у мавров, не надеялся уже на свое освобождение, но неожиданная война между людамарским властителем и каартским султаном способствовала его освобождению. Во время нашествия каартских войск, Мунго-Парк в общей панике бежал из плена и перебрался в пределы каартского царства.

После долгого и утомительного путешествия, Мунго-Парк достиг города Мурджу, откуда добрался до города Сегу, расположенного на берегах реки Джолибы или Нигера. «Трудно передать словами то чувство удовлетворения, с каким я увидал,— пишет Мунго-Парк,—наконец, после многих лишений, великую цель моего путешествия, величественный Нигер, к которому я так долго стремился. Река эта такой же ширины, как Темза в Вестминстере, вся сверкала в лучах заходящего солнца и медленно катила свои воды по направлению *к востоку*. Подбежав к берегу, я зачерпнул рукою воды и утолил свою жажду».

Султан бамбарского царства, живший в городе Сегу, куда прибыл Мунго-Парк, узнав о приезде в его город иностранца, воспретил Мунго-Парку пребывание в своей столице и приказал тотчас же проводить путешественника до города Сансандига. Мунго-Парку не позволили сделать остановку и в этом городе. Лошадь его от долгого пути до того утомилась и обессилела, что ее пришлось продать, после чего Мунго-Парк отправился далее в лодке вниз по течению реки Нигера.

В Мурзане, небольшой деревушке на берегу Нигера, Мунго-Парку пришлось отказаться от дальнейшего плавания и подумать о возвращении назад к устью Гамбии. Действительно, спускаясь по течению Нигера, Мунго-Парк с каждым шагом вперед встречал все больше и больше мавров, относившихся к нему очень враждебно. Но и обратный путь к устью Гамбии был не легок. Нужно было пройти пешком несколько сот миль, при чем у Мунго-Парка не было никаких средств. Однако другого выбора не было, и Мунго-Парк отправился пешком, питаясь подаянием. Пройдя через Мурзан, Кею и Модибу, Мунго-Парк добрался снова до города Сансандига, откуда направился в город Джаббе. По дороге Мунго-Парк зарабатывал себе средства к существованию тем, что писал для туземцев талисманы или «сафа». Таким образом ему удалось скопить известную сумму денег и купить снова лошадь, на которой он поехал дальше. Но вскоре после этого Мунго-Парк был ограблен разбойниками, которые не только отняли у него лошадь, но и сняли с него все платье.

Очутившись безо всего в пустыне, в 1000 километрах от ближайшей европейской фактории, Мунго-Парк пришел было в пол-

ное отчаяние. Но решив, что, пока человек жив, ему нечего падать духом, Мунго-Парк мужественно пошел вперед и прибыл в город Сибидулу. Манза или местный властитель разыскал лошадь и платье, похищенные разбойниками и возвратил их путешественнику. Мавританский купец Камалья или Карфа-Тора предложил Мунго-Парку отправиться по окончании дождливого времени года к устьям Гамбии с караваном невольников. Мунго-Парк до того был измучен и выбился из сил, что не рискнул продолжать путь один и поэтому принял это предложение, и остался ждать каравана.

Караван с невольниками выступил к устью Гамбии 19 апреля. Пройдя через Джаллонскую пустыню и переправившись сначала через Сенегал, а затем через реку Фалемэ, караван достиг, наконец, берегов Гамбии и прибыл в Пизанию, где 12 июня 1797 года доктор Ладлей встретил с распростертыми объятиями Мунго-Парка, которого он не рассчитывал уже увидеть живым.

22 сентября того же года Мунго-Парк вернулся в Англию. Его открытия во Внутренней Африке возбудили такой интерес в английском обществе, что Лондонское Африканское общество вынуждено было разрешить Мунго-Парку издать краткий очерк этого путешествия, имевшего, несомненно, более существенное значение, чем все предшествовавшие путешествия.

В 1804 году Лондонское Африканское общество, желая пополнить сведения о реке Нигере, предложило еще раз Мунго-Парку совершить путешествие в Центральную Африку. Мунго-Парк согласился. На этот раз он взял с собою своего родственника доктора Андерсона, художника Джорджа Скотта и пятерых стрелков. На экспедицию общество ассигновало $2^1/_2$ тысячи фунтов стерлингов.

Прибыв весною 1805 года в Горейский порт, Мунго-Парк захватил еще с собою четырех плотников, 1 офицера и 35 человек солдат. Таким образом у него составился отряд из 47 европейцев, не считая негров-носильщиков. Со своим караваном Мунго-Парк выступил 27 апреля и, следуя почти той же дорогой, как и в первый раз, то-есть идя почти прямо на восток, прибыл, наконец, в Бамбару на берегу Нигера. К концу этого путешествия из всех его 47 спутников осталось в живых только 6 солдат и один плотник. Все остальные погибли от утомления, от изнурительных лихорадок и разных других болезней, обыкновенно свирепствующих в тропической Африке после разлива рек.

28 октября скончался после четырехмесячной болезни доктор Андерсон, и Мунго-Парк снова очутился один в Центральной Африке. Бамбарский султан Мансонг разрешил Мунго-Парку построить в Сансандиге судно, на котором можно было бы

спуститься вниз по течению Нигера. Судно это было построено и названо Мунго-Парком «Джолиба»—имя, каким называли туземцы реку Нигер. 16 ноября Мунго-Парк намеревался начать свое плавание...

На этом обрывается путевой журнал Мунго-Парка. Этот журнал был доставлен из Сансандига в Горею негром Исааком, служившим переводчиком у Мунго-Парка. Не получая после этого никаких известий от Мунго-Парка, английские власти снова послали негра Исаака в Сансандиг узнать о судьбе путешественника. В Сансандиге Исаак разыскал своего знакомого негра Амади Фатулу, который должен был сопровождать Мунго-Парка во время его плавания по Нигеру. Негр этот рассказал Исааку следующее:

«Отплыв из Сансандига, мы прибыли через 2 дня в Силлу, а еще через 2 дня в Дженне. Когда мы подходили к местечку Дибби, за нами погнались на трех челноках негры, вооруженные дротиками, копьями, луками и стрелами. У них не было, к счастью для нас, огнестрельного оружия, и они вскоре прекратили свое преследование. Близ Ракбары и потом недалеко от Тимбукту судно Мунго-Парка подверглось новому нападению негров. Близ Гурумо на «Джолибу» напало семь лодок и только выстрелы вынудили негров обратиться в бегство. С большим трудом Мунго-Парк добрался до Гаусы, которая служит портом Тимбукту на Нигере. После этого Мунго-Парк направился далее и прибыл в город Яур. Мунго-Парк послал Амади-Фатулу в этот город, чтобы купить там провизии и передать местному властителю обычные подарки. Султан Яура, думая, что у Мунго-Парка много на судне разных драгоценностей, отправил в маленькую деревушку Буссу, ниже Яура большой отряд войска для нападения на Мунго-Парка. Когда судно Мунго-Парка проходило мимо этой деревни, его осыпали с берега градом камней и стрел. Видя неминуемую гибель, Мунго-Парк со своими товарищами бросился в реку, думая перебраться на противоположный берег, но он сам и все его спутники утонули».

Так злополучно окончилась первая попытка европейцев исследовать течение Нигера и проникнуть в область Тимбукту и Гауссы. После Мунго-Парка было сделано много попыток исследовать Нигер, но все они оканчивались неудачно и почти целое столетие область Нигера являлась самой таинственной для европейцев страною. Лишь в 1854 году Барт исследовал среднее течение Нигера от Тимбукту до Сая истоки же Нигера были открыты только в 1879 году путешественниками Мустье и Цвейфелем.

III.

Путешествия Спармана и Левайяна по Южной Африке.—Иследование Ласердой Мозамбикского побережья. — Путешествие Джемса Брюса в Абиссинию.—Путешествие Броуна в Дарфур.

В конце XVIII столетия два из наиболее талантливых учеников знаменитого шведского ботаника Линнея, Спарман и Тунберг, совершили научное путешествие в Южную Африку. Спарман занимался преимущественно исследованием южно-африканских животных, а Тунберг исследовал южно-африканский растительный мир. Выше мы уже упоминали, что Спарман присоединился к экспедиции капитана Кука и совершил с знаменитым мореплавателем путешествие в Океанию. В это время в Стокгольме была напечатана первая часть естественно-исторических исследований Спармана на мысе Доброй Надежды; эта книга была переведена на многие европейские языки.

Спарман прибыл в Южную Африку и высадился в Капштадте 30 апреля 1772 года. После возвращения в Капштадт из морского путешествия с Куком, Спарман отправился верхом на лошади, в сопровождении одного молодого колониста, в глубь страны. Спарман объехал страну готтентотов, и первый описал быт, нравы и обычаи этого народа.

В то же самое время, то-есть с 1772 по 1775 год, шведский ученый Тунберг совершил три последовательных путешествия в глубь Южной Африки. Он собрал громадное количество различных южно-американских растений.

Почти непосредственно вслед за Тунбергом Южную Африку посетил английский офицер, лейтенант Вильям Патерсон. Он проник к северу несколько далее Оранжевой реки, а на востоке исследовал Землю кафров. Естественная история обязана ему первым точным и полным описанием жирафа и многими другими весьма важными наблюдениями.

Интересно отметить, что сравнительно немногие путешественники, посещавшие Южную Африку, избирали себе целью географические исследования и открытия; большинство из них интересовалось лишь южно-африканской флорой и фауной. Из этих путешественников-естествоиспытателей мы назвали уже Спармана, Тунберга и Патерсона. К ним следует присоединить также и орнитолога Левайяна.

Франсуа Левайян родился в Парамарибо, в голландской Гвиане, в Америке. Его родители, французы, торговали живыми птицами и чучелами. Вернувшись вместе с ними в Европу, Левайян побывал в Голландии, Германии, Лотарингии и в Воге-

зах, после чего поселился в Париже. Занимаясь в Париже изучением естественных наук, Левайян особенно заинтересовался орнитологией. Ознакомившись с миром европейских птиц, Левайян решил отправиться для орнитологических изысканий в Южную Африку, так как южно-африканские птицы были почти совершенно неизвестны в Европе.

Левайян прибыл в Капштадт 29 марта 1780 года. Пока он был на берегу, на корабле, на котором он прибыл и на котором находился его багаж, произошел взрыв пороха, и корабль пошел ко дну. Вследствие этой катастрофы у Левайяна остались только одно ружье, бывшее с ним, и небольшая сумма денег.

Однако несчастье это совершенно не смутило молодого ученого; он решил не отступать от намеченной им цели. Познакомившись в Капштадте с одним богатым английским чиновником, Левайян сумел заинтересовать его в своих планах, и тот дал Левайяну необходимые средства для снаряжения экспедиции в глубь Южной Африки. Пробыв 3 месяца в Капштадте и его окрестностях, Левайян отправился 18 октября 1781 года в страну кафров. Он взял с собою пятерых готтентотов, три лошади, девять охотничьих собак и тридцать быков, запряженных в повозки.

Сначала Левайян направился в так называемую Готтентотскую Голландию, исследованную уже Спарманом. Прибыв в Цвеллендам, Левайян купил еще несколько быков, петуха и ручную обезьяну. Обезьяна эта оказалась очень полезной Левайяну. Она занимала в экспедиции должность эксперта: если встречались неизвестные готтентотам фрукты, ягоды, корни и т. п.,—никто не имел права пробовать их, прежде чем «мастер Кисс», как назвали эту обезьяну, не признает их годными в пищу.

Выступив 12 января 1782 года из Цвеллендама, Левайян продолжал свой путь вдоль восточного побережья, держась в некотором расстоянии от берега моря. Достигнув реки Голубятни, Левайян, после недолгой стоянки, достиг Мосельской бухты. Отсюда Левайян направился в страну Гутников, что на готтентотском языке означает людей, питающихся медом. Действительно, в этой области водится очень много пчел.

Левайян пробыл в путешествии почти полтора года и собрал и приготовил более 1.200 штук чучел различных птиц. Возвратившись в Капштадт и выручив значительную сумму денег от продажи страусовых перьев, Левайян решил организовать новую экспедицию. 15 июня 1783 года он выступил снова из Капштадта во главе каравана. Его сопровождали 18 человек готтентотов. В это второе свое путешествие Левайян собрал также богатую орнитологическую коллекцию. Он поймал молодую жи-

рафу, которую ему удалось привезти в Европу; эта была первая живая жирафа, которую увидали европейцы. Левайян возвратился в Европу в 1785 году.

Одним из выдающихся путешественников по Африке в XVIII веке был португалец Франциско Хозе де-Ласерда-Альмейда. Ласерда отправился в 1797 году от Мозамбикского побе-

Женщина готтентотка. (Рисунок из книги Левайяна «Путешествие по Южной Африке». Париж. 1790 г.)

режья в глубь страны, намереваясь пересечь весь африканский материк с востока на запад и достигнуть берегов Атлантического океана. К сожалению, этот план Ласерда не успел осуществить: по дороге, в стране Казембэ, он заболел и умер. Большинство заметок Ласерды погибли вместе с ним.

Более удачной, чем путешествие Ласерды, была экспедиция английского путешественника Джемса Брюса. Джемс Брюс был

родом из Шотландии. Он получил юридическое образование и готовился стать адвокатом. Однако профессия адвоката ему не была по вкусу, и он уехал в Испанию, где занялся исследованием арабских древностей. Возвратившись из Испании в Англию, Брюс стал ревностно изучать восточные языки, в особенности

Джемс Брюс. (Рисунок из книги Брюса, изд. 1813 г.)

арабский и абиссинский. Узнав об этом, лорд Галифакс предложил Брюсу совершить путешествие в Африку для отыскания истоков реки Нила. Брюс охотно принял это предложение и в июне 1768 года уже покинул Англию.

19 сентября 1769 года Брюс высадился в Масове и направился в Абиссинию. Брюс был принят весьма любезно абиссинским негусом, который позволил ему осмотреть всю Абисси-

нию. В одну из своих экскурсий Брюс открыл источники Голубого Нила, который, по его мнению, и был настоящим Нилом. Брюс благополучно вернулся в Англию, где и опубликовал описание своего путешествия.

Несколько позднее Брюса другой английский путешественник, Вильям Броун, думал разрешить проблему об истоках Нила, поднявшись вверх по Нилу, из Египта. Прибыв 10 января 1792 года в Египет, Броун прежде всего посетил оазис Сивах, знаменитый в древности оазис Аммона Юпитера. Посетив затем Фивы, Ассуан, Мемфис, Суец и Синайский полуостров, Броун направился на юг в Дарфур. После утомительного и долгого путешествия караван Броуна достиг Эль-Фашера, столицы Дарфура. Дальнейшее путешествие не было разрешено дарфурским султаном, и Броун в 1774 г. вынужден был вернуться обратно в Египет.

Таким образом, все предпринимаемые в XVIII веке путешествия в глубь африканского материка оканчивались или смертью путешественника или же, в лучшем случае, путешественника туземцы заставляли возвратиться обратно. Вследствие этого африканский материк оставался покрытым тайной почти вплоть до половины XIX столетия; только начиная со второй половины этого столетия неутомимая энергия десятков преданных науке исследователей познакомила человечество с областями внутренней Африки. Об этих исследованиях мы будем говорить в следующем томе.

IV.

Исследование Азии в XVIII веке.—Путешествие русских в Китай.—Посольство в Китай Николая Спафария.—Книга о Сибири голландца Исаака Массы. — Сочинение о Татарии Витзена. — Путешествие по Сибири Мессершмидта. — Исследование Сибири членами Второй Камчатской экспедиции.—Путешествие по Сибири Палласа и Георги.—Путешествие из Камчатки через Сибирь Лессепса.

История исследования Азиатского материка в очень многом сходна с историей исследования Африки. Путешественникам здесь также приходилось преодолевать не только природные препятствия и трудности, но и противодействие полудиких азиатских народов. Однако, благодаря более тесной связи с Европой, и благодаря тому, что в Азии находились крупные центры древней культуры—Китай и Индия—исследование Азии шло гораздо быстрее, чем исследование Африки. Выше мы уже говорили о некоторых экспедициях и путешествиях в Азию в XVII и XVIII столетиях. Мы уже указывали, что русские казаки, продвигаясь по Сибири на восток, уже в начале XVII века

проникли в пределы Китая. В 1654 г. в Китай был отправлен из Москвы боярский сын Федор Исаков Байков, которому было поручено «собрать торговые сведения, узнать пути сухой и водяной, каковы у них люди и города, какой у них бой (т.-е. вооружение)». Путешествие Байкова продолжалось три года, и хотя было неудачно, в том смысле, что с китайским правительством не было достигнуто никакого соглашения, но, тем не менее, экспедиция Байкова имела для последующих исследователей большое значение: Байковым был установлен торговый путь из России в Китай через калмыцкие и монгольские степи.

В 1659 г. в Китай был отправлен Иван Перфильев с царской грамотой и подарками, которые в Китае приняты были как «дань»; в числе подарков из Китая в виде «жалованья» московскому царю было послано несколько пудов чаю.

В 1670 г. начальник Нерчинского острога отправил в Китай несколько казаков с тем, чтобы они предложили китайскому богдыхану ни более, ни менее как принять русское подданство и платить дань русскому царю, так как «под высокою российского царского величества рукою находятся цари и короли со своими государствами, и великий государь жалует их, держит в своем царском милостивом призрении». Казаки, действительно, добрались до китайского богдыхана, были «потчиваны чаем» и вернулись обратно. Вероятно, переводчики не передали богдыхану настоящего смысла бумаги начальника Нерчинского острога, который так простодушно был убежден в могуществе русского царя, что надеялся одним этим посольством присоединить к России Китайскую империю.

Последней экспедицией такого рода—дипломатической и разведочной—было посольство Николая Спафария, отправленное из Москвы в Пекин в 1675 г. Спафарий был родом из Молдавии, откуда он бежал от преследования молдавского господаря в Россию. Зная несколько языков, Спафарий был принят на службу в Посольский приказ. В 1675 г. ему было поручено совершить путешествие в Китай и «изобразить на чертеже все землицы, города и места по пути из Тобольска до китайской границы и узнать о пути в Индию».

Вследствие того, что путь через калмыцкие степи был небезопасен, Спафарий отправился в Китай через Даурию, где, по его словам «прежде сего никто не бывал». Описание путешествия, продолжавшегося три года, составило два больших тома, первый том посвящен описанию пути от Тобольска до китайской границы, а второй содержит описание Китая.

Сочинение Спафария представляет почти голый перечень названий рек, городов, деревень, гор и т. д., лишь в немногих случаях приводятся более подробные описания и рассуждения;

так, говоря об остяках, Спафарий добавляет: «остяки—народ древний, как и другие сибирские народы, и происходят от скифов, которые произошли от сына Ноева, Иафета, а идолослужение свое как приняли от исполина Неврода, так и держат». О монголах, или, как называет их Спафарий, «мунгалах», Спафарий говорит, что «мунгалы суть, о которых пишет в библии—Гог и Магог, потому что они называют себя маголь». Спафарий прибавляет, что монголы народ «зело велик» и что его владения начинаются близ «Амуры-реки» и простираются между китайским царством и Сибирью до Бухары и Индии. Сочинение Спафария представляет множество топографических данных и завершает собою старую систему описаний Сибири, начатую в XVI столетии [1]).

Совершенно другой характер носит сочинение голландца Исаака Массы, вышедшее в 1612 г. в Амстердаме под заглавием: «Описание сибирских земель и описание путей, ведущих в Сибирь и ее городов». Масса долгое время жил в Москве и заинтересовался Сибирью, видя в ней богатый рынок для голландских товаров и область, из которой можно установить дальнейший путь в Китай и Индию.

Масса в течение нескольких лет собирал в Москве многочисленные сведения о Сибири и добыл даже старинную русскую карту Сибири. Сочинение Массы и его карты северной Азии вызвали большой интерес в Европе, и его книга была переведена на латинский, немецкий, французский и на русский языки, при чем на латинском языке книга Массы выдержала три издания. По оценке даже современных ученых, сочинение Массы оказало большую услугу делу развития географических познаний восточной Азии.

Весьма возможно, что под влиянием чтения произведения Массы в половине XVII столетия амстердамский бургомистр Николай Витзен сильно заинтересовался малоизвестными странами севера и востока, и предпринял в 1664 г. путешествие в Россию и в Азию. Он прожил в России несколько лет и много по ней путешествовал, собирая сведения по географии и этнографии северных и восточных окраин России. В результате «более чем двадцатилетних любознательных исследований» Витзен составил и издал в 1687 г. «Новую ландкарту Азии и Европы, от

[1]) В 1692 г. в Китай было отправлено новое посольство от русского царя. во главе которого был поставлен голландец Эбергард Исбранд *Идес*. Идес. как и Спафарий, вел дневник и, пробыв в путешествии три года, составил подробное описание своего путешествия.

Книга Идеса служила важным источником для ознакомления с Сибирью и Монголией. Она была переведена на немецкий, русский, французский и английский языки.

Новой Земли до Китая». Кроме того, Витзен издал в 1692 г. в Амстердаме большое свое сочинение «Северная и Восточная Татария». Эта книга представляет большой сборник географических и этнографических сведений; Татарией Витзен называл области от Каспийского моря, Волги и Камы до берега Тихого океана. Книга Витзена была снабжена многочисленными рисунками и картой России. Произведение Витзена имело большое значение для ознакомления с северо-восточной Азией и, в частности, с Россией.

Меньшее научное значение имела книга французского иезуита Филиппа Авриль—«Путешествие по разным странам Европы и Азии, предпринятое для отыскания нового пути в Китай». Эта книга вышла в Париже в 1793 г., т.-е. на один год позднее книги Витзена. Авриль через Александретту, Диарбекир, Эрзерум, Эривань, Шемаху и Баку, по Каспию и через Астрахань прибыл в 1686 г. в Москву, чтобы исходатайствовать у московского правительства разрешение на проезд в Китай через Сибирь. В таком разрешении ему было отказано, и Авриль вернулся во Францию, собрав в Москве лишь сведения о Китае, которые он и опубликовал в своей вышеназванной книге.

В конце XVII века по географии северной части Азии вышла еще одна книга, которая имела также большое значение для географической науки—это было произведение известного славянского патриота Юрия Крыжанича, написанное им в 1681 г. по-латыни и носившее длинное заглавие: «Повествование о Сибири, в котором находятся заметки об этой провинции и о берегах Ледовитого и Восточного океана от порта св. Михаила Архангела до Китая, также о номадах, калмыках и некоторые рассказы об обманах ювелиров, металлических дел мастеров и алхимиков. Писано в 1681 г. Богу одному вечная слава».

Крыжанич, принимавший участие в деле присоединения Украины к Москве, вызывал опасения у царя Алексея Михайловича, благодаря своим политическим взглядам и поэтому по приезде в Москву в начале 1661 г. был послан в Тобольск, чтобы «быть ему там у государевых дел, у каких пристойно». Это назначение было замаскированной ссылкой, в которой Крыжанича продержали целых 15 лет. За это время жизни в Сибири Крыжанич собрал много ценных данных о покорении Сибири русскими, о климате страны, ее населении, путях сообщения, промыслах и т. п. Крыжанич, между прочим, находился в переписке с голландцем Витзеном и весьма вероятно, что Витзен в своей книге очень многое относительно Сибири приводит со слов Крыжанича.

Вышеназванными сочинениями исчерпывается почти вся литература XVII столетия о северной половине Азии. Несмотря, однако, на скудость этой литературы, она все-таки очень

много помогла исследователям путешественникам XVIII столетия и значительно облегчила их труды.

Начиная с XVIII века, собственно после путешествия Петра Первого по Европе, когда он побывал в Париже и был выбран в члены французской Академии Наук, русское правительство предприняло более систематические исследования обширных областей Сибири и Дальнего Востока. Так, уже в 1719 г. в Сибирь и на Камчатку были отправлены два геодезиста, Евреинов и Лыжин, которым было поручено узнать—«сошлася ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать, не только Зюйд и Норд, но и Ост и Вест, и все на карте исправно поставить».

Кроме этой экспедиции, еще при жизни Петра в 1720 г. в Сибирь была снаряжена другая экспедиция, во главе которой был поставлен выписанный специально для этого из Германии ученый доктор, натуралист и географ Даниил-Готлиб Мессершмидт. Мессершмидт путешествовал по Сибири целых семь лет и, говоря словами Пешеля, своими исследованиями «положил начало математической и физической географии Сибири».

За недостатком сколько-нибудь образованных людей из русских, Мессершмидт нашел себе помощников среди пленных шведов, сосланных в Сибирь. Один из помощников Мессершмидта швед Табберт-Штраленберг издал в 1730 г. книгу о Сибири с картой; эта книга пользовалась широкой известностью в XVIII веке и была переведена со шведского языка на английский, французский, немецкий и испанский (русского перевода не было).

В 1733 г. для исследования Сибири и Камчатки была снаряжена Академией Наук так называемая Вторая Камчатская экспедиция. Одна часть экспедиции, под начальством Беринга и Чирикова, должна была совершить плавание от Камчатки к берегам Америки, а другая должна была отправиться в Камчатку через Сибирь сухим путем. О плавании Беринга и Чирикова мы уже говорили выше и поэтому здесь скажем лишь о сухопутном путешествии второй половины Камчатской экспедиции. В этой экспедиции приняли участие немецкие ученые Гмелин, как натуралист, Миллер, как собиратель исторических материалов [1]), французский ученый Делиль де-ля-Кройер, как астроном, и затем профессора Академии Фишер и Стеллер и студент Академии—Крашенинников. Кроме перечисленных лиц, в состав экспедиции входили четыре землемера, переводчик, рисовальщик, живописец и инструментальный мастер.

---

[1]) Миллер открыл в Якутских архивах отчет казака Дежнева об его путешествии в 1648 г. из устьев Колымы вокруг восточного мыса Азии к реке Анадыри.

Эта экспедиция была одна из самых замечательных научных экспедиций, какие предпринимались для исследования Сибири. Она продолжалась целых десять лет, и результаты ее исследований были в высшей степени ценны. Выше мы уже говорили об исследованиях члена этой экспедиции студента Крашенинникова полуострова Камчатки, при чем следует добавить, что его книга о Камчатке еще не совсем устарела даже и теперь, несмотря на то, что она написана почти двести лет тому назад.

Профессор Гмелин составил также классическую книгу о сибирской флоре и несколько томов описания своего путешествия. Описание путешествия Гмелина представляет род дневника, где Гмелин отмечал все наиболее интересные впечатления и события, сообщая также сведения о жизни русских и туземцев в Сибири, описывая города и всякие замечательные местности.

Результаты Камчатской экспедиции были так велики и сообщения ее участников так заинтересовали научный мир, что несколько лет спустя русская Академия Наук решила снарядить новую экспедицию в Сибирь и на Дальний Восток. Подготовка этой экспедиции заняла несколько лет, и только в 1768 г. экспедиция была отправлена.

В состав экспедиции вошло несколько ученых—натуралистов и этнографов — Гмелин младший, Георги, Фальк, Гильденштет, Лепехин и несколько других ученых. Во главе экспедиции был поставлен вызванный из Берлина молодой немецкий ученый Петр-Симон Паллас.

Несмотря на свою молодость, Паллас уже считался выдающимся ученым естествоиспытателем; он давно мечтал о далеких путешествиях и думал было отправиться для научных исследований на мыс Доброй Надежды и в Индию, но когда отец его воспротивился этому намерению, то Паллас охотно принял предложение Петербургской Академии Наук.

Путешествие Палласа продолжалось шесть лет, с 1768 по 1774 г. В исполнении академического плана оно было крайне разнообразно, что отвечало вполне широким научным запросам самого Палласа. Так, Паллас подробно и систематически описывает посещенные им местности, их геологическое строение, свойства почвы, растительность, животных, тип местных жителей, характер народного хозяйства, остатки старины и т. д., и т. д.

Паллас вместе с своими помощниками, Зуевым, Лепехиным и Соколовым, обследовали всю западную и восточную Сибирь, при чем сам Паллас переправился через Байкал, посетил Кяхту, затем по Селенге отправился в Даурию, и в область Саянских гор.

Результатом исследований Палласа явились два знаменитых и классических его труда: «Русско-Азиатская Зоография» и пятитомное «Путешествие по разным провинциям Российского Государства». «Путешествие» Палласа, написанное и изданное им по-немецки, было тотчас же переведено на русский и на французский языки и выдержало несколько изданий. Одно издание на французском языке вышло с примечаниями знаменитого Ламарка.

Один из участников экспедиции Палласа, академик Георги, производивший самостоятельные исследования, издал

Dr. PET. SIM. PALLAS.

Д-р Петр Симон Паллас. Первый ученый исследователь России.

в 1776—1788 г.г., в свою очередь, большое сочинение: «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей». Книга Георги является первым опытом дать этнографическое описание России и Сибири. К сочинению Георги было приложено сто рисунков, изображающих типы племен, населяющих Россию.

Заканчивая описание и исследование северной части азиатского материка в XVIII столетии, мы не можем не упомянуть еще об одном путешественнике, французе Лессепсе, который в 1787—1788 г.г. совершил путешествие с берегов Кам-

чатки через всю Сибирь и Европейскую Россию. Лессепс был участником экспедиции Ла-Перуза, о плавании которого мы говорили выше. Прибыв в сентябре 1787 г. в Авачинскую гавань на Камчатке, Ла-Перуз решил отправить Лессепса с известиями о своем плавании во Францию сухим путем.

Лессепс пробыл в путешествии от Камчатки до Иркутска ровно год и свои приключения и странствования по безлюдным областям Дальнего Востока изложил в книге: «Дневник путешествия Лессепса из Петропавловского порта на Камчатке во Францию». Книга эта вышла в 1790 г. и сразу вполне справедливо обратила на себя всеобщее внимание. Она была тотчас же переведена на немецкий язык с примечаниями известного немецкого естествоиспытателя Форстера, спутника капитана Кука, а затем на голландский, на шведский и, наконец, в 1801 г. на русский. Книга Лессепса, хотя и не расширяла, после книг Крашенинникова, Гмелина, Палласа и Георги, познаний о Сибири, но благодаря живому и увлекательному изложению возбуждала интерес к далеким окраинам русского государства.

V.

Путешествия в Китай миссионеров-иезуитов.— Экспедиция в Китай английского посла Макартнея.

Хотя русские, как мы видели выше, и много раз в течение XVII века проникали в пределы Китая, но, тем не менее, вплоть до XVIII столетия Китай оставался для европейцев таинственным царством. Почти единственной книгой о Китае вплоть до XVIII в. была книга Марко Поло и только в XVIII столетии, когда в Китай начали проникать миссионеры - иезуиты, в Западной Европе стали появляться более или менее точные сведения об этой далекой стране. Все записи отдельных миссионеров и монахов о Китае в XVIII веке были собраны и изданы одной книгой аббатом Дю-Гальдом. Эта книга представляет первое произведение о Китае, более или менее согласное с действительностью.

В конце XVIII столетия французский аббат Грозье издал новое описание Китая и Манчжурии. Он воспользовался для этого работами своего предшественника патера Дю-Гальда и дополнил их позднейшими сведениями. В своем сочинении после подробного описания 15 областей Китая и Китайской Манчжурии, а также вассальных Китаю государств (Кореи, Тонкина, Кохинхины и Тибета), Грозье посвящает несколько глав этнографическому и естественно-историческому обзору Срединной Импе-

рии, а затем говорит о формах правления в Китае, о китайских нравах, обычаях, литературе, науке и искусстве китайцев.

Благодаря исследованиям иезуитов интерес к далекому Китаю значительно возрос у европейских народов. В конце XVIII столетия английское правительство, желая установить с Китаем торговые сношения, отправило Джорджа Макартнея чрезвычайным послом к китайскому богдыхану. Джорж Макартней составил подробное описание Китая, и его сочинение дало возможность европейцам составить более точное представление о китайцах.

Макартней и его свита отплыли из Портсмута 26 декабря 1792 года на трех кораблях: «Лев», «Индостан» и «Шакал». Эскадра эта останавливалась на пути у Рио-де-Жанейро, у островов Павла и Амстердамского, а затем бросила якорь в Туронской или Хансанской бухте у Кохинхинского побережья. Отсюда английская эскадра проникла в Формозский пролив, а затем вошла в Желтое море, в котором до этого времени никогда еще не появлялись европейские суда. Впадающая в это море большая река Хоанхо приносит с собою в море громадное количество желтоватого ила, от которого морская вода даже и на значительном расстоянии от устья реки приобретает желтоватый оттенок, почему это море и получило название Желтого. Английские корабли бросили сначала якорь в Тенчу-Фу, а затем вошли в Пекинский залив и остановились близ устья реки Пей-Хо.

Вскоре на английские корабли прибыли мандарины, назначенные богдыханом для встречи посла. Они преподнесли Макартнею множество подарков, как от своего имени, так и от имени китайского правительства. После того Макартней, нагрузив несколько джонок подарками для богдыхана, отправился вверх по реке в Пекин. Вследствие чрезвычайно извилистого течения реки Пей-Хо Макартней и его свита очень медленно подвигались к Пекину, но зато могли не торопясь изучать окрестные местности, через которые протекала река. По берегам реки всюду виднелись прекрасно возделанные поля. Часто попадались деревни и селения. В городе Тянь-Тзине, что на китайском языке означает «Небесное место», Макартней сделал остановку. Здесь посла встретил вице-король и придворный мандарин, присланный богдыханом осведомиться о здоровье Макартнея. Вице-король сообщил английскому послу, что богдыхан находится в Манчжурии—в летней своей резиденции. Вследствие этого Макартней, не заезжая в Пекин, решил сухим путем направиться в Манчжурию.

По дороге в Манчжурию во всех городах собирались огромные толпы китайцев смотреть на европейцев.

На пятый день своего путешествия по китайской земле англичане увидали перед собою знаменитую китайскую стену.

Макартней говорит о ней следующее: «Эта укрепленная стена тянется на громадное расстояние, взбираясь на горные кряжи и на самые высокие их вершины, откуда она снова спускается в глубокие долины и перекидывается на сводчатых арках через реки. На всем своем протяжении это беспримерное по величине укрепление снабжено башнями или большими бастионами... Вообще же китайская стена производит на человека, который видит ее в первый раз, впечатление в высшей степени грандиозного предприятия...»

За великой стеной общий характер местности сильно изменился. Стало значительно холоднее, дороги сделались хуже, горы имели сравнительно голый и обнаженный вид. После нескольких дней путешествия английское посольство прибыло, наконец, в Зе-Хольскую долину, где находился дворец, служивший летней резиденцией императора. Дворец этот назывался «Местом приятной свежести», а окружавший его парк—«Садом бесчисленных деревьев». Посольство было встречено с воинскими почестями при громадном стечении народа.

На следующий день Макартней был приглашен на аудиенцию к богдыхану. Богдыхан сидел на богатом троне. Великий колао (первый министр) Го-чу-Тонг и двое из высших придворных сановников стояли возле богдыхана и преклоняли колена каждый раз, когда им приходилось разговаривать с богдыханом. Когда Макартней приблизился к богдыхану, он, наученный мандарином, который был приставлен к нему, поднял над своей головой большую, великолепную золотую шкатулку, украшенную бриллиантами; в этой шкатулке было вложено письмо английского короля к богдыхану. Держа в обеих руках эту шкатулку, Макартней поднялся на несколько ступенек, которые вели к трону, преклонил одно колено и после краткого приветствия передал шкатулку богдыхану. Богдыхан милостиво принял шкатулку и сказал, что прибытие к нему английского посольства с письмом и редкими подарками от английского короля очень его радует, как доказательство уважения и расположения этого короля к нему, богдыхану.

Поговорив несколько минут с послом, богдыхан оделил его и его спутников разными подарками, а затем англичанам было устроено угощение, состоявшее из разных фруктов. После этого Макартней и его свита были приглашены осмотреть императорские сады. Прожив некоторое время в императорской резиденции, Макартней, получив от богдыхана письмо к английскому королю и подарки, отправился в Тонг-чу-Фу, к месту стоянки своих кораблей. Часть своего обратного пути Макартней сделал по Императорскому каналу.

VI.

Исследование Малой или «Передней» Азии.—Путешествие Нибура.—Путешествие по Сирии и Египту. Вольнея.—Шаузель-Гуфье.—Археологические исследования Шевалье.—Путешествие Оливье в Персию.

Вторая половина XVIII столетия ознаменовалась пробуждением интереса и к «Ближнему Востоку», или к Малой Азии. Правительство османов, во власти которых находился весь малоазиатский мир, в XVIII веке стало разрешать некоторым европейским ученым посещение с научной целью тех малоазиатских областей, которые некогда были колыбелью и местом зарождения европейской цивилизации.

Исследование Ближней Азии с XVIII века было блестяще начато одним датским ученым, Карстеном Нибуром. По поручению датского правительства, он предпринял в 1761 году большое путешествие в Аравию, Персию, Сирию, Палестину и в соседние с нею земли. По дороге в Аравию у Нибура умерли все четыре спутника и он остался один. Однако он не отказался от возложенной на экспедицию задачи и в 1765 году через Персидский залив переправился в Абушер, откуда с купеческим караваном достиг Шираза и посетил развалины Персеполиса. Отсюда Нибур двинулся обратно в Бассору и Багдад, достиг Сирийского побережья и, посетив Палестину и Кипр, проехал вдоль всей Малой Азии. Наконец в феврале 1767 года он прибыл в Константинополь. После беспрерывного семилетнего путешествия Нибур вернулся в Копенгаген в ноябре 1767 года.

Нибур соединял превосходную историческую подготовку с великолепными астрономическими и математическими способностями и знаниями; вместе с тем он был отличным наблюдателем природы и людей. Все это дало ему возможность привести с собою в Европу массу новых сведений, не утративших во многих отношениях своего значения и в наше время. Нибур первый из европейских путешественников отыскал развалины древнего Вавилона, откуда он привез несколько археологических древностей. После путешествия Нибура интерес к Сирии значительно возрос в Европе, и по его следам направилась масса исследователей.

Несколько позднее Нибура Сирию и Египет исследовал французский ученый Константэн-Франсуа Вольней, написавший о своих исследованиях большое сочинение «Путешествие в Сирию и Египет». Краткость, ясность и точность изложения делают эту книгу одним из лучших произведений о Сирии и Египте. Вольней дает много ценных сведений о климате, флоре и

и фауне описываемых стран, о нравах и обычаях туземного населения и т. п.

Отправившись в свое путешествие в 1783 году, Вольней, прибыв в Сирию, решил прежде всего изучить арабский язык, чтобы лучше ознакомиться с народной жизнью страны. С этой целью он поселился в одном монастыре в Ливанских горах. После этого он подружился с одним арабским шейхом и прожил у него долгое время в пустыне; за это время Вольней выучился владеть копьем и ездить верхом на арабских лошадях. После этого он отправился с бедуинами по пустыне, и благодаря покровительству шейха, мог осмотреть развалины Пальмиры и Ваальбека, известные в то время только по имени.

Вернувшись в 1788 году во Францию, Вольней был избран в 1789 году в Национальное Собрание. В 1795—1798 годах он совершил путешествие, по Северной Америке, результатом чего явилась книга «Описание климата и почвы Северо-Американских Соединенных Штатов». Но главное сочинение Вольнея, доставившее ему европейскую известность и переведенное почти на все европейские языки была книга: «Развалины или размышление о революциях империй».

Интерес к древнему миру Ближнего Востока вызвала также книга аббата Бартелеми «Путешествие юного Анахарсиса». Под влиянием этой книги французский посол в Константинополе, Шаузель-Гуфье, решил посвятить свои досуги исследованию Греции. Под его покровительством аббат Бартелеми, знаток греческой древности д'Анс де-Виллауазон, поэт Делиль, скульптор Фовель и художник Касса составили коллективный труд «Живописное путешествие по Греции».

Шаузель-Гуфье пригласил также к себе в секретари аббата Жана-Батиста Ле-Шевалье, превосходного знатока древнего греческого языка. По поручению Шаузеля аббат Шевалье занимался отысканием места древней Трои.

Из других научных географических экспедиций конца XVIII века следует отметить путешествие Гильома-Антуана Оливье в Персию. Результатом этого путешествия явилось трехтомное сочинение Оливье о Персии.

VII.

Исследование внутренних областей американского материка.—Путешествие Самуэля Гирна.—Путешествие Мекензи.—Путешествие Ла-Кондамина по реке Амазонке.

В то время как отважные мореплаватели занимались исследованием западного американского побережья, колонисты Нового Света совершали завоевание материка с востока. Посе-

лившись сначала вдоль берегов Атлантического океана, европейские колонисты, преимущественно англичане, основали целый ряд штатов, тянувшийся к северу до самой Канады, а затем постепенно стали удаляться от побережья в глубь страны. Колонисты-охотники убедились в существовании громадных пространств земли, годных для обработки и поэтому оставались жить среди прерий (степей) Северной Америки. Охотники-колонисты являлись как бы передовыми отрядами, за которыми шла армия колонистов-земледельцев. Само собою разумеется, что такое поступательное движение к западу не могло совершаться без упорной борьбы с индейцами, коренными жителями страны.

В борьбе колонистов с индейцами перевес оставался, в конце концов, всегда на стороне поселенцев, перед которыми краснокожие должны были постепенно отодвигаться в глубь американского материка, уступая бледнолицым пришельцам свои прерии и леса. В половине XVIII столетия для эксплуатации естественных богатств Северной Америки, а, преимущественно, для торговли пушными товарами, в Англии образовалась богатая «торговая компания Гудсонова залива». Посылая на охоту за пушными зверями целые полчища охотников, «Компания Гудсонова залива» привлекала к себе на службу и индейцев-охотников. От этих индейцев члены компании иногда узнавали весьма ценные для себя сведения; между прочим, индейцы рассказали англичанам о существовании на севере богатых залежей медной руды.

Вследствие этого «Компания Гудсонова залива» снарядила на Север Америки в 1760 году экспедицию под начальством Самуэля Гирна. Гирн взял с собою лишь двоих англичан и несколько индейцев. Несмотря на старания индейцев, служивших проводниками, путешественникам приходилось часто голодать. Наконец, в двухстах милях от форта Принца Уэльского (на берегу Гудсонова залива) индейцы разбежались и оставили Гирна с его двумя товарищами. Гирн вынужден был вернуться обратно. В феврале 1770 года Гирн решил отправиться снова на поиски реки, на берегах которой, по словам индейцев, встречалась в изобилии медь. На этот раз Гирн не взял с собою ни одного англичанина, а уговорил итти с собою пятерых индейцев.

С ранней весны вплоть до осени Гирн блуждал со своими индейцами по необозримым лесам Северной Америки, но никакой Медной реки он не встречал. Добравшись, наконец, 7 декабря до 60° сев. широты, Гирн встретил замерзшую реку. Здесь он решил перезимовать, чтобы весною спуститься вниз по реке. Во время зимовки в компании с пятерыми индейцами Гирн построил лодку, на которой, как только река вскрылась, пустился вниз по течению. Река эта, как оказалось впоследствии, была

притоком Медной реки. 13 июля 1771 года Гирн благополучно вошел на своей лодке в Медную реку. Он спустился вниз по этой реке вплоть до устья, откуда в подзорную трубу увидал перед собою необозримое водное пространство, усеянное многочисленными островами. 30 июня 1772 года Гирн вернулся обратно в форт Принца Уэльского, пробыв в путешествии почти целых полтора года. Гирн был первым европейцем, пересекшим северо-американский материк с востока на запад.

После экспедиции Гирна англичанин Александр Мекензи совершил большое путешествие на север американского материка. Мекензи отправился 3 июня 1789 года в сопровождении нескольких канадцев и индейцев на северо-запад. Добравшись до 67° 45' северной широты, Мекензи узнал от индейцев, что и к востоку и к западу от того места, где они находились, находится море. Из этого Мекензи заключил, что он, вероятно, приближается к северо-западной оконечности американского материка.

12 июля Мекензи увидел перед собою обширное водное пространство, покрытое плавающими льдами. Следуя еще некоторое время вдоль берега, Мекензи увидел недалеко от берега двух китов, что служило ясным доказательством, что расстилавшееся перед путешественником водное пространство было море. 12 сентября 1789 года Мекензи благополучно вернулся в форт Чиппеваян, находившийся на южном берегу Озера Холмов.

Три года спустя после этого, Мекензи исследовал верховья Реки Мира, вытекающей из Скалистых гор. Перебравшись через эту трудно проходимую горную цепь, он открыл, по другую ее сторону реку Такучетессе, текущую на юго-запад. Мекензи с большим трудом спустился на плохо сколоченном плоту вниз по течению этой реки, вплоть до самого устья, находящегося несколько южнее островов Принца Уэльского. Там на отвесной стене берегового утеса Мекензи сделал надпись: «Александр Мекензи, прибывший сего 22 июля 1793 года сухим путем из Канады». 24 августа того же года Мекензи вернулся в форт Чиппеваян.

Мекензи открыл также большую реку на севере Америки, впадающую в Северный Ледовитый океан. Этой реке впоследствии дали название реки Мекензи.

В первой половине XVIII столетия в Южную Америку не было совершено никаких научных путешествий, за исключением упомянутой уже нами научной экспедиции Ла-Кондамина, имевшей специальную цель—измерение дуги меридиана под экватором. В дополнение к тому, что было уже сказано нами об этой экспедиции, нам следует упомянуть здесь о путешествии самого Ла-Кондамина вниз по реке Амазонке. Когда измерение дуги меридиана было окончено, то некоторые члены

экспедиции отправились обратно в Европу, некоторые остались в Перу для научных исследований, сам же Ла-Кондамин решил исследовать реку Амазонку до ее устья.

Путешествие это было сопряжено с необыкновенными трудностями и лишениями. До Ла-Кондамина лишь очень немногим путешественникам удавалось проникнуть в глубь Бразилии. Ученый исследователь надеялся поэтому, сняв на карту течение Амазонки и собрав сведения о жизни и обычаях индейцев этой области, принести существенную пользу науке.

Ла-Кондамин отправился в свое путешествие 11 мая 1743 года из города Тарки. Отсюда он добрался до города Локса, который расположен под 4° южной широты. На пути из Локса в Йенде-Бракаморос Ла-Кондамину пришлось переходить через отроги Анд. Он спустился из горных областей в долину реки Чинсипе, впадающей в Мараньон. Здесь Ла-Кондамин построил себе небольшой плот и в сообществе нескольких проводников спустился в реку Мараньон или верхнюю Амазонку. С этого места Амазонка начинает уже становиться судоходной, хотя на ней встречаются еще местами пороги и стремнины. Иногда русло реки суживается саженей до двадцати, и масса вод, сдавленная могучими громадами утесов, с силой устремляется в ущелье. Такие узкие места называются индейцами воротами или «понго»; самые величественные из них — ворота Мансериче, пробитые Амазонкой сквозь Кордильерский хребет.

После Мансеричского «понго» Амазонка принимает совершенно иной характер. Перед Ла-Кондамином открылся новый, никогда еще невиданный им мир. Он плыл по пресноводному океану, состоявшему из целого лабиринта озер, рек и протоков, отделявшихся друг от друга островами, поросшими лесом.

25 июля, пройдя мимо устья Тигровой реки, Ла-Кондамин прибыл в одно селение, где жители—индейцы племени ямеос. В селении жило несколько испанских миссионеров. На следующий день плот Ла-Кондамина миновал устье реки Укайяле, одной из самых больших рек, впадающих в Амазонку. 27 июля Ла-Кондамин остановился в селении индейского племени омагов. Все берега реки Амазонки были покрыты роскошной тропической растительностью. Хинное дерево, ипекакуана, симаруба, сальсапарель, гайяковые и какаовые деревья, а также ванилевая лиана попадались на каждом шагу. В особенности же много встречалось на берегах Амазонки каучуковых деревьев.

6 сентября Ла-Кондамин прибыл в город Пару, на берегу реки Парамарибо, соединяющейся с Амазонкой широким естественным каналом. Таким образом, Ла-Кондамин пересек поперек весь южно-американский материк и нанес на карту величайшую реку в мире, проплыв по этой реке от ее верховьев до

устья. Он плыл по Амазонке целых 4 месяца и сделал более 4.000 километров. Это грандиозное путешествие имело, во многих отношениях, чрезвычайно важные результаты. Река Амазонка была впервые действительно научно исследована и вместе с тем выяснена была вероятность сообщения Амазонки с рекою Ориноко через посредство реки Рио-Негро. Наконец Ла-Кон да-

Плавание Ла-Кондамина по Амазонке.

мин собрал в продолжение этого путешествия множество интересных заметок и наблюдений, явившихся ценным вкладом в естественную историю, физику, астрономию и только что зарождавшуюся тогда новую науку—антропологию.

Ла-Кондамин, подвергавшийся тяжелым лишениям во время плавания по Амазонке, неоднократно находился на краю гибели;

пробыв 4 месяца в сырости, он нажил сильнейший ревматизм, и когда вернулся во Францию, то у него отнялись ноги; кроме того, за время своего путешествия Ла-Кондамин совершенно оглох. Однако заслугу Ла-Кондамина никто не оценил из его современников, так как никто не представлял себе всех трудностей, которые ему пришлось перенести.

VIII.

Путешествие Александра Гумбольдта и Бонплана по Южной Америке.—Научные результаты этого путешествия.

Если можно назвать имя, которое должно остаться навсегда на видном месте в истории землеведения, то это, бесспорно, имя Александра Гумбольдта. Он был одним из тех ученых, которые лучше других чувствовали тесную связь между географией и прочими естественными науками. Благодаря этому обстоятельству, путешествия Александра Гумбольдта и его описания могли служить образцом для многих позднейших исследователей.

Александр Гумбольдт родился в Берлине в 1769 году. Во время своего пребывания в Геттингенском университете Гумбольдт сильно заинтересовался ботаникой и подружился с естествоиспытателем Форстером младшим, который участвовал во втором кругосветном плавании Кука в 1772—1775 г.г. Дружба эта и в особенности восторженные рассказы Форстера о заокеанских странах и о роскошной тропической природе возбудили у Гумбольдта страсть к путешествиям. Чтобы усовершенствоваться в науках, Гумбольдт в молодости побывал в Англии, Голландии, Италии и Швейцарии. В 1797 году он прибыл в Париж, где познакомился с молодым французским ботаником Эме Бонпланом.

Бонплан предложил Гумбольдту совершить совместно путешествие для научных исследований в Южную Америку. Гумбольдт с радостью принял предложение и съездил в Испанию, чтобы выхлопотать разрешение у испанского правительства на свободный проезд по южно-американским испанским владениям. После этого молодые ученые отплыли 5 июня 1799 года из Короньи в Новый Свет. Во время остановки на острове Тенерифе Гумбольдт и Бонплан совершили восхождение на вершину вулкана Тенериф и сделали некоторые наблюдения.

В июле месяце того же года Гумбольдт и Бонплан прибыли в город Куману, находящийся в той части Южной Америки, которая известна под названием Терра-Фермы (в Венецуэле). Отсюда естествоиспытатели совершили путешествие в Коко-

ларские Кордильеры и Гирийские горы. Затем через горы Санта-Мария путешественники вернулись в город Куману, а 21 ноября прибыли морем в город Каракас. Город этот, лежащий в долине, где в изобилии растет какао, хлопчатник и кофейные деревья, пользуется, благодаря своему возвышенному положению, сравнительно умеренным климатом.

Осмотрев окрестности Каракаса и совершив восхождение на соседнюю гору Силлу или «Седло», до вершины которой не поднимался ни один из жителей Каракаса, Гумбольдт и Бонплан отправились в Валенсию. Дорога в этот город идет по берегу чрезвычайно красивого озера, называемого индейцами Такарига. Затем естествоиспытатели исследовали область «льяносов»—обширных однообразных равнин, расстилающихся между цепью прибрежных холмов и долиной реки Ориноко. Льяносы представляют море травы и производят на путешественника, попавшего туда в первый раз, поражающее впечатление.

Достигнув Ориноко, Гумбольдт и Бонплан спустились по этой реке в утлой индейской лодке; плавание продолжалось целых четыре месяца до Теми. Оттуда они перебрались на берега Кано-Пемигана, притока Рио-Негро, или Черной реки, впадающей в Амазонку. Естествоиспытатели спустились по Рио-Негро до Сан-Карлоса, а затем поднялись вверх по реке Касикviаре, притока Ориноко, непосредственно соединяющего эту реку с Рио-Негро. Войдя в Ориноко, путешественники поднялись по этой реке до самых ее истоков, находящихся у подошвы Дуидского вулкана. Набеги диких индейцев делали путешествие в этих местах чрезвычайно опасным; между тем эта область представляла большой интерес в том отношении, что неподалеку от истоков Ориноко находится знаменитое озеро Эль-Дорадо с несколькими островами из слюды, сверкающими на солнце, как массы золота.

Решившись, однако, не рисковать своей жизнью, путешественники направились в обратный путь, вниз по течению реки Ориноко; через 26 дней плавания по реке они прибыли в Ангостуру, где прожили три недели, выжидая окончания самого знойного времени года, когда в низовьях реки Ориноко свирепствуют сильнейшие лихорадки, а затем в октябре 1800 года они вернулись в Куману. «Здоровье мое,—писал Гумбольдт,—нисколько не пострадало от совершенного нами путешествия по тропической области более чем в 1.300 миль, но мой товарищ, бедный Бонплан, тотчас же по возвращении схватил лихорадку, от которой он с трудом оправился».

В числе наиболее любопытных открытий, сделанных Гумбольдтом в продолжение этого путешествия, необходимо упомянуть об открытии сильнейшего яда «кураре». Гумбольдт познако-

Александр Гумбольдт.

мился с этим ядовитым веществом у индейцев. Он послал французской Академии Наук образчики кураре и «дапишп», особого неизвестного еще в то время каучука.

Это первое путешествие Гумбольдта закончилось исследованием южных берегов Сан-Доминго и Ямайки. Гумбольдт и Бонплан прожили затем некоторое время на острове Кубе, где занимались опытами над усовершенствованием производства сахара, а также астрономическими наблюдениями и топографической съемкой берегов этого острова.

Известие об отплытии из Франции научной экспедиции, под начальством капитана Бодена, заставило Гумбольдта оставить остров Кубу. Гумбольдт, получив известие, что экспедиция Бодена, обогнув мыс Горн, будет исследовать берега Чили и Перу, решил присоединиться к этой экспедиции и поэтому поспешил переправиться с Кубы на материк Южной Америки; он рассчитывал достичь Перу, где и думал встретиться с французскими учеными. По прибытии в Квито Гумбольдт узнал, что капитану Бодену было предписано итти в Великий океан мимо мыса Доброй Надежды, и поэтому расчеты Гумбольдта рушились.

Вследствие дождей и дурного состояния дорог путешествие в Квито оказалось очень утомительным. Гумбольдт и Бонплан прожили в столице Перу лишь очень недолгое время и поспешили вернуться снова в долину реки Магдалены. Поднявшись вверх по Магдалене до Хонды, Гумбольдт предпринял трудное путешествие по горным областям в Санта-Фе-де-Богота. Гумбольдту и Бонплану пришлось переходить через хребет Анд. Они избрали для этого проход Квиндиу в центральных Андах. Этот перевал считается одним из самых трудных в Андах. Даже и в самое благоприятное время года нужно не менее двенадцати суток, чтобы пробраться сквозь обширные леса на склонах гор; в этой горной области нет ни единого человеческого жилища, и путешественник рискует умереть в лесных дебрях голодной смертью. Высшая точка этого перевала находится на высоте 12.000 футов над уровнем моря.

Гумбольдт исследовал многочисленные вулканы Южной Америки и совершил восхождения на главные и самые известные из них. Так, он поднимался на вершины вулканов Пичинчи, Антизан, Чимборазо и Тунгурагуа. При этих восхождениях он неоднократно рисковал жизнью.

Прибыв 23 октября 1802 года в город Лиму, столицу Чили, Гумбольдт наблюдал здесь прохождение планеты Меркурия через солнечный диск. Прожив в Лиме целый месяц, Гумбольдт уехал в Гваякиль, откуда морским путем переправился в город Акапулько в Мексике, которая называлась в то время Новой

Испанией. Огромная масса заметок и наблюдений, собранных Гумбольдтом в продолжение годичного его пребывания в этой стране, послужила материалом для его известной книги «Очерк Новой Испании». Гумбольдт занимался в Мексике одновременно историческими и археологическими изысканиями, изучал характер, нравы и язык туземного населения, производил естественно-исторические и географические наблюдения.

В январе 1804 года Гумбольдт и Бонплан покинули Мексику и отправились в область Кордильер, чтобы исследовать находящиеся там вулканы, в особенности знаменитую огнедышащую гору Попокатепетль.

После этого путешествия Гумбольдт проехал в Вера-Круц, откуда переправился морем в Гавану на Кубе. Сев на корабль, шедший в Соединенные Штаты, он прибыл в Филадельфию и посвятил там несколько недель ознакомлению с государственными учреждениями Северо-Американской республики. В августе 1804 года Гумбольдт вернулся в Европу.

Результаты путешествий Гумбольдта по Америке были настолько значительны, что его вполне можно назвать первым ученым, познакомившим культурное человечество с тропическим миром. До Гумбольдта об этом мире знали только по наслышке; хотя в XVIII веке началась даже эксплоатация тропических стран, но, тем не менее, никто почти не знал их. Никто не подозревал даже бесчисленного множества естественных богатств этого мира. Говоря вообще, ни один путешественник до того времени не подвинул еще так сильно вперед физическую географию и все науки, находящиеся в связи с нею, как Гумбольдт. Он является во всех отношениях образцовым путешественником. О позднейших путешествиях Гумбольдта в Центральную Азию и о других его исследованиях, а также и о научных заслугах Гумбольдта в области землеведения, будет сказано нами в следующем томе, посвященном путешественникам XIX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Три столетия—XVI, XVII и XVIII—с точки зрения географической науки можно назвать эпохой европейской колонизации. Этот период характеризуется стремлением европейских народов колонизовать и захватить заокеанские страны.

Первенство в этом отношении и удача поочередно переходили от Испании и Португалии к Голландии, Франции и Великобритании. Великобритания почти два целых столетия вела скрытую и явную борьбу с своими европейскими соседями за мировое владычество, пока, наконец, на рубеже XVIII и XIX столетий Великобритания окончательно не победила своего последнего соперника—Францию.

Победа адмирала Нельсона в 1805 г. при Трафальгаре (около берегов Испании), где он разбил и уничтожил соединенный франко-испанский флот, сделала Англию единственной владычицей на океане почти вплоть до наших дней. С этого момента Великобритания положила прочное основание своей мировой империи. С начала XIX столетия Англия стала самодержавной «владычицей морей».

Географические открытия и путешествия XVI—XVIII столетий оказали огромное влияние не только в области политической, но вызвали большие перемены в экономической и общекультурной жизни европейских народов и в самом их быте, не говоря уже о том, что за период, протекший с момента открытия Америки Колумбом до великой французской революции 1789 г., географический горизонт европейских народов безмерно расширился.

Мы видели, что за этот период европейцы познакомились не только с Америкой, но узнали ближе Россию, Китай, Индию, Японию, открыли Австралию и бесчисленные острова Великого океана.

К концу XVIII столетия «белые» пятна на мировой карте, обозначавшие неисследованные области, значительно уменьшились, очертания материков приняли на картах почти верные линии.

В социально-экономической жизни открытие новых заокеанских земель и колонизация европейцами американских стран в течение XVI — XVIII веков перенесли центр торговли и экономических интересов с берегов Средиземного моря на берега Атлантики. Атлантический океан сделался в период XVI—XVIII столетий главной ареной всемирной истории. Атлантика становится как бы своего рода «Средиземным морем»—между Европой и Америкой. Ось мировой культуры передвигается с востока на запад и заселение европейцами обеих Америк представляет новый акт всемирной и единой истории человечества.

На страницах этой книги я уже говорил о прямых результатах всех этих открытий, о влиянии их на развитие самой географической науки. Поэтому я здесь не буду еще раз повторять это, а укажу лишь на результаты географических открытий в других областях.

Одним из главнейших результатов географических открытий за период XVI—XVIII веков явилось распространение европейцев по всему земному шару. Отдельные части света—Америка, Азия, Африка, как бы перестали быть обособленными мирами. Европа связала их между собою и определила этим до некоторой степени их будущность. Мир все более и более *европеизировался*. Европейская культура и цивилизация постепенно проникали в самые отдаленные уголки земли.

Расселение европейцев по всем частям света вызвало смешение рас, благодаря чему возникли к началу XIX столетия новые расовые типы: мулаты, креолы, метисы и т. д.

Это завоевание земного шара европейцами, людьми белой расы имело, однако, и свои отрицательные стороны. При встрече с европейцами гибли более слабые расы, как например, индейцы, австралийцы, многие племена негров и полинезийцев. Алчность и стремление европейцев к обогащению истребили не только человеческие расы, но и целые виды животных и растений. Европейские охотники и промышленники беспощадно и безрассудно опустошали леса и степи Америки и Сибири. В результате этого опустошения с лица земли исчезли почти без следа американский бизон, африканские слоны, ценные пушные звери, киты, морские котики и т. п.

На самих европейцев географические открытия и путешествия XVI — XVIII веков оказали также большое влияние. Прежде всего в Европе сильно поколебалось могущество церкви и духовенства. Мы уже говорили в первом томе настоящего произведения, что открытия Колумба и первое путешествие кругом земли нанесли первый удар церкви и поколебали ее авторитет, доказав ложность церковного учения о земле. Благодаря же путешествиям XVI—XVIII столети европейские народы узнали, что на

земле живут миллионы людей, которые достигли значительной степени культурности, но совершенно не имеют никакого понятия о Христе и христианском учении, а поклоняются Браме или Будде.

После открытий и путешествий XVI—XVIII вв. область христианской религии с'узилась до небольших пределов самой Европы. Огромные материки и миллионы людей оказались не под властью церкви. Этот факт не мог не поколебать престиж церкви. Князья церкви, «наместники бога на земле», папы и «вселенские» патриархи оказались, в действительности, пастырями небольшого, сравнительно, количества душ белых людей. Весьма вероятно, что этот факт, в ряду других, имел свое влияние на развитие анти-церковных ересей и рационалистических религиозных учений, которые распространились в Европе именно в XVI—XVIII вв.

В экономической жизни европейских народов географические открытия XVI—XVIII столетий вызвали прежде всего развитие мореплавания и судостроения. Морская торговля и постройка кораблей стали важными отраслями народной хозяйственной жизни.

Благодаря этому в Европе стали быстро расти портовые города. Стоит вспомнить хотя бы наш Петербург (ныне Ленинград), который был основан Петром при устье Невы в силу указанных выше причин.

Море, которое до XVI века служило лишь средством раз'единения народов, сделалось с этого момента, наоборот, связующей стихией.

Благодаря морской торговле с заокеанскими странами и эксплоатации колоний материальное могущество и богатство многих европейских стран, как, например, Голландии и Англии, достигло такой высоты, какой оно до того времени не достигало нигде в мире.

Знакомство с новыми заморскими странами и народами внесло большие перемены и в самый быт европейских народов. Из далеких стран в Европу стали в изобилии привозить неизвестные до того времени продукты. Так, из Америки, кроме золота и серебра, европейцы стали привозить картофель, табак, сахар, какао, маис. Азия стала снабжать Европу рисом, чаем, кофе и пряностями. Все эти продукты сделались предметом первой необходимости, а картофель и маис стали даже конкурировать с хлебом.

Кроме всего этого географические открытия и путешествия XVI—XVIII столетий оказали еще огромное влияние на развитие европейской социально-философской мысли. Рассказы путешественников и мореплавателей о далеких заокеанских народах, живущих необычной для европейцев жизнью, описание дале-

ких заморских островов, где люди не знают ни европейского государственного устройства, ни денег, ни института частной собственности—все это пленяло воображение передовых европейских мыслителей и заставляло их посмотреть на общественный порядок своей страны под новым углом. Постепенно критическое отношение к существующему порядку привело многих мыслителей к коммунистическим идеям. Все эти идеи стали излагаться в особого рода романах или повестях, получивших наименование *утопий*. Эти утопии имели большое значение в деле формирования социалистического и коммунистического учения.

Начало такого рода литературы было положено, как известно, в XVI веке англичанином Томасом Мором. Мор во время своего путешествия в Голландию услыхал рассказ испанских мореплавателей о недавно открытой тогда Америке. Рассказы мореплавателей о том, что в далеких землях народы не знают, что значит «твое» и «мое», не знают, что значит «деньги» и т. п., так потрясли Томаса Мора, что в его голове возник целый план общественного устройства на коммунистических основах. В 1516 г. Томас Мор написал свое знаменитое сочинение, в котором он изложил принципы коммунистического устройства общества. По этой книге учились и из нее заимствовали идеи целые поколения английских и французских коммунистов.

Свое сочинение Томас Мор назвал так: «Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Для краткости книгу Мора скоро стали называть просто «Утопия». Слово это было взято Мором из греческого языка и означает оно «несуществующее место».

Книга Томаса Мора вызвала многочисленные подражания в Англии и во Франции. Из этих сочинений особенно широкой популярностью пользовались в XVII в. «История Севарамбов, населяющих Австральную Землю», Верасса и «Австральная Земля», неизвестного французского автора. В XVIII в. наиболее популярными коммунистическими утопиями были: «Путешествия и приключения Жака Массе», «Австральные открытия», Ретифа и коммунистический роман Морелли «Гибель пловучих островов».

Благодаря таким книгам, навеянным рассказами мореплавателей, идеи коммунизма получили к концу XVIII столетия сравнительно широкое распространение, и эти идеи оказали свое влияние в эпоху великой французской революции 1789—1793 г.г.

От французских революционеров 1793 г. коммунистические идеи перешли в теории первых социалистов Сен-Симона, Фурье, Кабэ и других, а от них в свою очередь эти идеи влились в общий поток новейшего современного социализма и коммунизма.

Таким образом географические открытия и путешествия XVI—XVIII в.в. оказали большое влияние на общее социально-экономическое и культурно-политическое развитие европейских народов и в то же время они способствовали выработке элементов новой мировой международной или вернее интернациональной цивилизации, которая получила широкое развитие к концу XIX столетия.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

Глава I. **Географические открытия и путешествия XVI столетия.**

Глава III. **Знаменитые путешественники XVIII столетия.**

V.

VI.

VII.

VIII.

